

Международный научно-практический
междисциплинарный журнал

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

№ 1

июль-декабрь 2001

Том 1

Издательство
«Институт психологии РАН»

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический междисциплинарный журнал

УЧРЕДИТЕЛИ: *Институт психологии Российской академии наук,
Владимир Лепский (Россия)*

Выходит 2 раза в год
(на русском и английском языках)

№ 1, 2001, июль-декабрь. Том 1

Главный редактор: **В.Е. Лепский (Россия)**

E-mail: lepsyk@online.ru (lepsyk@psychol.ras.ru)

Члены редакционного совета:

С. Амплеби (США), Б.И.Бирштейн (Канада), А.В.Брушлинский (Россия),
В.П.Зинченко (Россия), В.А.Лефевр (США), Г.В.Осипов (Россия),
И.В.Прангишвили (Россия), В.В.Рубцов (Россия), В.С.Степин (Россия),
А.А.Стрельцов (Россия), Ю.Е.Фокин (Россия), Ю.П.Шанкин (Россия)

Члены редакционной коллегии:

Дж.Адамс-Веббер (Канада), О.С.Анисимов (Россия), К.К.Богатырев (США),
В.И.Боршевич (Молдова), О.И.Генисаретский (Россия), И.Е.Задорожнюк (Рос-
сия), Г.Г.Малинецкий (Россия), В.А.Петровский (Россия),
С.П.Расторгуев (Россия), В.М.Розин (Россия), Г.П.Смолян (Россия),
Т.А.Таран (Украина)

Члены редакционно-издательской группы:

Б.М.Бороденков (Россия), В.Н.Крылова (Россия), В.Н.Новосадюк (Молдова),
А.Г.Рапуто (Россия), Р.Цвик (Молдова)

Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой коммуникации.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №77-7309 от 19 февраля 2001 г.

Адрес редакции: 129366, Москва, ул. Ярославская, 13, комн. 430

Телефон: 283-53-10 Факс: 282-92-01

E-mail: raputo@psychol.ras.ru

<http://www.reflexion.ru>

*Журнал издается при поддержке Бориса Бирштейна
(доктор философии и экономики, профессор)*

Перепечатка материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Присланные в редакцию рукописи не рецензируются и не возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редактора</i>	4
---------------------------	---

Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России (Материалы Круглого стола)	6
--	---

МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ЭКСПЕРИМЕНТ

<i>В.А.Левфевр, Дж.Адамс-Веббер.</i> Функции быстрой рефлексии в биполярном выборе	34
<i>Щедровицкий Г.П.</i> Рефлексия и ее проблемы	47
<i>Розин В.М.</i> О необходимости различения понятий «схема рефлексии», «рефлексивная работа», «контекст рефлексии»	55
<i>Петровский В.А.</i> Опыт событийной транскрипции в рефлексии	61

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

<i>Анисимов О.С.</i> Стратегическая форма рефлексивного управления в контексте ситуации в России	73
<i>Бирштейн Б., Боршевич В.</i> Теория рефлексивности Дж. Сороса: опыт критического анализа	88
<i>Стюарт А. Амплеби, Медведева Т.А.</i> Психологическая адаптация к экономическим и социальным изменениям	102

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

<i>Семенов И.Н.</i> Философия гуманизации образования и рефлексивность диалога	113
<i>Богатырев К.К.</i> Лингвостилистический прием как средство выражения этической оценки	120

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Международный симпозиум «Рефлексивное управление» (17-19 октября 2000 г.)	124
Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление» (8-10 октября 2001 г.)	126

НОВЫЕ КНИГИ

Сборник статей международного симпозиума «Рефлексивное управление»	127
<i>Левфевр В.А.</i> Конфликтующие структуры (перездание)	128
<i>Бирштейн Б.</i> Россия великих потрясений	129

ПРЕЗЕНТАЦИИ

Междисциплинарный научно-практический семинар «Рефлексивные процессы и управление»	131
---	-----

Владимир Лепский

Заведующий лабораторией
психологии рефлексивных
процессов
Института психологии РАН,
доктор психологических наук

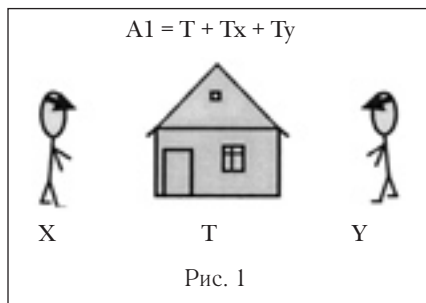
ОТ РЕДАКТОРА

Вы держите в руках первый номер международного журнала, посвященного вопросам рефлексии. Необходимость такого издания давно назрела, поскольку все большее число исследователей и практиков в различных областях, часто не осознавая этого, оказываются вовлеченными в рефлексивные исследования и использование соответствующей системы понятий. Как в психологии и социологии, так и в политических науках, в военном деле, экономике и многих других областях

знаний требуется описывать в объективных терминах не только материальный, физический аспект системы, но и ее внутренний, субъективный аспект, связанный с тем, что среди ее компонент есть живые люди. Методы объективного описания систем вместе с их субъективными внутренними мирами и составляют предмет рефлексивных исследований. Специфика таких исследований может быть пояснена следующим метафорическим примером.

На рис. 1 изображен домик, слева от которого находится человек X , а справа человек Y . Реальность, лежащая перед внешним наблюдателем, который рассматривает этот домик с двумя человечками, будет обозначаться буквой T . Пользуясь методами естественных наук, он может дать как угодно полное описание этой реальности. Однако такое описание не удовлетворит ни психолога, ни социолога, поскольку их интересует не только физическое описание, но и то как именно отражают домик человечки X и Y , глядящие на него с разных сторон. Их взгляд на этот объект может принципиально отличаться от взгляда внешнего наблюдателя. Обозначим картины, которые лежат перед X и перед Y как T_x и T_y .

Теперь реальность $A1$, которая интересует психолога или социолога, может быть обозначена как символическая сумма: $T + T_x + T_y$. Это совокупность физического аспекта и субъективных представлений. Пусть человек X занял позицию внешнего наблюдателя. Это означает, что реальность, описываемая символической суммой

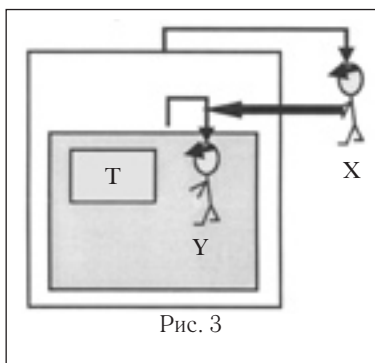
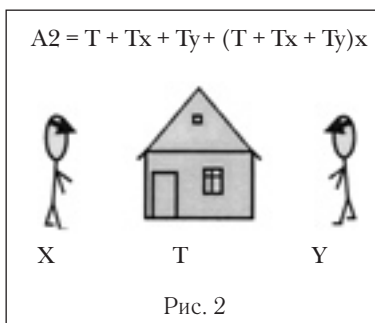

$T + T_x + T_y$, стала содержанием его внутреннего мира. Условимся записывать это так: $(T + T_x + T_y)x$. Теперь система, лежащая перед внешним исследователем, уже иная. Она представима следующим выражением: $T + T_x + T_y + (T + T_x + T_y)x$. Эта символическая сумма изображает рефлексивную систему A2, совершившую акт самоосознания (рис. 2).

Наличие во внутреннем мире субъекта X представлений о внутреннем мире субъекта Y позволяет поставить задачу организации рефлексивного управления (рис. 3).

Этот пример позволяет увидеть различие между естественнонаучным и рефлексивным подходами. В рамках естественнонаучного подхода мы ограничиваемся изучением реальности T. При рефлексивном подходе мы интересуемся всей системой многократных отражений этой реальности. Важно отметить, что проведенное выше рассмотрение не зависит ни от масштаба системы, ни от того, каков механизм актов отражения. Роль субъектов могут выполнять отдельные люди, группы людей, организации и целые страны. Отдельные отражения могут быть связаны и с индивидуальными психологическими процессами, и с макрокультурной перцепцией, создающей, например, у страны обобщенный образ себя. Такое многообразие и предопределяет междисциплинарный характер нашего журнала. Мы планируем публиковать статьи, связанные с любыми аспектами рефлексивных систем. Нас интересует реальный анализ и рассмотрение конкретных деталей любой системы.

Редакция надеется на поддержку читателей и их активное участие в работе журнала. Еще не вышел первый номер, а уже поступило много предложений о различных формах организации сообществ вокруг журнала. Мы надеемся, что журналу удастся выполнить такую организующую функцию.

*С уважением
Владимир Лепский*

НАУЧНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Материалы Круглого стола 5 марта 2001 г.
Институт психологии РАН

Круглый стол ознаменовал рождение нового Междисциплинарного ежемесячного семинара "Рефлексивные процессы и управление", о работе которого мы постоянно будем информировать читателей. Инициатором Круглого стола выступила редколлегия нашего журнала. В работе приняли участие более 70 исследователей (психологи, философы, социологи, политологи, математики, управленцы и др.). Приводим сокращенный вариант отдельных выступлений. Ждем предложений по улучшению работы семинара и других форм научно-практической активности.

Лепский В.Е.

(Институт психологии РАН)

Проблематика исследования рефлексивных процессов является стратегически важной как для развития науки,

так и для решения широкого круга практических задач. В научном плане основные ее направления связаны со сменой доминанты каузального подхода на доминанту телеологического подхода, с междисциплинарной интеграцией при построении новых способов и средств моделирования и методологической поддержки разного рода социальных субъектов и образований, с созданием новых парадигм интеграции разнородных знаний и др.

В практическом плане основные направления исследования рефлексивных процессов связаны с преодолением «бессубъектности» в системах социального управления и развития, с разработкой принципиально новых технологий систем поддержки субъектов деятельности (индивидуальных и групповых), со сменой доминанты «знаний» в образовании на доминанту развития рефлексивных способностей и др. Широкое развертывание этих исследований в значительной степени связано с разработкой В.А.Лефевром оригинальных идей, которые рождались в связи с потребностями больших проектов в военной сфере. Требовалось создать средства междисциплинарных исследований при моделировании различного рода конфликтов, найти инвариантные средства их моделирования. Главная заслуга Лефевра в том, что он вывел понятие рефлексии из философии, тогда во многом сводившейся к идеологии, в общесистемное междисциплинарное поле, что было связано, прежде всего, с введением понятия «рефлексивная система». Возник рефлексивный подход, а создаваемые им средства проходили апробацию в научных дискуссиях, экспериментальных и практических

работах. Научная среда того времени пыталась отторгнуть многие идеи В.А.Лефевра. Причина заключалась в гегемонии естественнонаучного подхода к организации управления сложными системами. В основе традиционных технологий лежал функциональный подход, в частности, на нем базировалось «исследование операций». В основу же идей Лефевра был положен структурно-функциональный подход.

Сегодня ситуация принципиально изменилась. Четко осознан кризис традиционных подходов к проектированию и управлению сложными (прежде всего социальными) системами. На передний план выходят конкретные субъекты со своими субъективными мирами, которые необходимо поддерживать в гармонии с использованием нормативных представлений и моделей. В частности и поэтому сегодня настало время рефлексивного подхода.

Говоря о роли рефлексивного подхода в психологии, которая в последние годы резко возросла, подчеркну, что этому в первую очередь способствует развитие субъектно-деятельностного подхода. Нельзя не отметить громадной роли работ С.Л.Рубинштейна и ведущей ориентации Института психологии РАН (А.В.Брушлинский и др.) на развитие субъектно-деятельностного подхода.

Можно привести много примеров повышения роли рефлексивного подхода в интеграции гуманитарных и естественных наук, в частности это синергетика – одно из современных и перспективных направлений интеграции наук (С.П.Курдюмов, Г.Г.Малинецкий и др.); новые идеи и технологии организации совместной деятельности гуманитариев и «математиков»; визуальная поддержка рефлексивных процессов в деятельности математиков (А.А.Зенкин); автологическое моделирование сложных систем (Ю.П.Шанкин); синтез разнородных знаний в процедурах логического вывода (Д.А.Поспелов, В.К.Финн, Т.А.Таран) и др.

Хочу сказать несколько слов о «прорывных направлениях» в использовании рефлексивного подхода на практике: это, в первую очередь, проблематика поддержки управленческой деятельности в условиях компьютеризации (субъектно-ориентированная концепция В.Е.Лепского, работы В.И. Максимова, Э.Г.Григорьева, И.П.Беляева и др.); в сфере обеспечения образования (это школа В.В.Давыдова; работы В.В.Рубцова и И.Н.Семенова; школы последователей Г.П.Щедровицкого и др.).

В последние годы все активнее начинает использоваться рефлексивная терминология и средства рефлексивного анализа в психотерапевтической работе (В.А.Петровский, В.М.Розин и др.); экологической психологии (В.И.Панов и др.); информационной (информационно-психологической) безопасности – вскрытие негативов политического PR, тоталитарных сект, СМИ и др. (В.Е.Лепский,

А.М.Степанов и др.). Проблематика управления обществом и его развитием характеризуется резким увеличением удельного веса рефлексивного подхода в создании новых моделей стратегического управления и групповой работы (организационно-деятельностные игры – Г.П.Щедровицкий и его последователи; стратегическое мышление и управление – О.С.Анисимов; стратегические конгрессы – В.Е. Лепский, А.Н.Райков) и др.

Представительство ученых самого разного профиля на нашем круглом столе является одним из подтверждений достоверности выдвинутых мною положений.

Брушлинский А.В.

(Институт психологии РАН)

Я прежде всего с позиции психологии, а отчасти философии, опираясь на наши теоретические и экспериментальные исследования, хотел бы рассказать о некоторых аспектах рассматриваемой проблемы: рефлексии, рефлексивных процессах, управлении и т.д. В.Е.Лепский отметил во вступительном слове, что существует много научных школ и направлений, которые с разных сторон изучают, анализируют, рассматривают, критикуют, принимают проблему рефлексии, рефлексивных процессов и связанную с этим проблему управления.

В психологии проблема рефлексии неразрывно связана с проблемой сознания, то есть рефлексия выступает как один из важнейших уровней сознания, в определенной степени это – высший уровень развития сознания. И в этом качестве рефлексия в разных трактовках широко распространена в психотерапии, и зарубежной и отечественной.

Что касается собственно психологических и философских направлений, то здесь я бы отметил в первую очередь субъектно-деятельностную теорию, о которой кратко упоминал В.Е.Лепский. Это – концепция, идущая от С.Л.Рубинштейна, его учеников и последователей. Г.П.Щедровицкий и многочисленные его последователи претендовали на особую научную дисциплину, но он не считал себя чистым психологом, а больше был логиком, методологом.

Специально в психологии много продолжает делать И.Н.Семенов и его сотрудники, ну и много других. Большое место проблематика рефлексии занимает в работах В.В.Давыдова, его сотрудников и вообще в трудах Психологического института РАО.

Одной из важнейших тем, если не важнейшей, для Института психологии является психология субъекта. С моей точки зрения субъект – это высший уровень активности, целостности, автономности. Субъектом не рождаются, им становятся. Каждый человек или группа людей может стать субъектом, рано или поздно и все человечество – путем формирования общечеловеческих интересов, целей задач и т.д.

Высшим уровнем активности субъекта является деятельность. И сам субъект, и деятельность невозможны без сознания, без рефлексии, поэтому здесь все неразрывно взаимосвязано. На примере, в первую очередь, познания, психологии мышления в частности, особенно четко разработаны два аспекта: личностный аспект мышления и процессуальный аспект мышления.

Личностный подход – это одна из сторон субъектного подхода. Личностный аспект – это самое главное, что есть в человеке, это мотивация, это его способности, в частности умственные, а раз есть мотивация, то нужно обращаться и к целям. И вообще вся проблематика сознания, то есть мышления как деятельности, мышления в личностном аспекте, характеризуются мотивацией, способностями, рефлексией и т.д.

Личностный аспект мышления в основном осуществляется на уровне сознания, не полностью, но в основном, и в первую очередь на уровне рефлексии. Например, цель всегда осознана, и поэтому здесь рефлексия играет решающую роль. В отличие от личностного аспекта процессуальный аспект в основном осуществляется на бессознательном уровне. Я это подчеркиваю потому, что где есть сознание, в первую очередь рефлексия, там везде есть и бессознательное. У животных нет сознания, нет рефлексии, потому нет и бессознательного.

У животных просто психика. Когда рождается человеческий младенец, то у него проявляются сначала простейшие психические проявления и затем они дифференцируются на сознание, в частности на рефлексии и на бессознательное. Где есть сознание, есть и бессознательное, поэтому, где рефлексия – там и бессознательное. И наоборот, где есть бессознательное, там есть рефлексия и сознание в целом. Вот эта парная категория – сознание, и в частности рефлексия, с одной стороны, и бессознательное, с другой стороны – вот это очень важно для того, чтобы правильно понимать и субъекта, и его деятельность. А поскольку мышление есть неразрывное единство сознательного и бессознательного, то здесь на уровне бессознательного большую роль играет интуиция. Я специально это подчеркиваю, потому что, к сожалению, в ряде работ по рефлексии очень сильно преувеличивается роль рефлексии и недооценивается роль интуиции и вообще бессознательного. А если говорить более общо, то недооценивается роль деятельности, потому что если нет деятельности, то нет и мало-мальски развитой рефлексии и вообще сознания.

Проблему интуиции мы специально изучали в совместной экспериментальной работе с аспиранткой Сенгузиевой. Там мы специально раскрыли, каким образом реально – в процессе сознательного и бессознательного – возникает и развивается рефлексия. Яркий и известный ва-

риант – это когда по ходу процесса решения какой-либо мыслительной задачи испытуемые приходят к какому-то важному для них открытию, открывают какие-то новые свойства познаваемых объектов, но не могут обосновать, доказать, насколько правильно или неправильно их выявление нового свойства или аспекта познаваемого объекта.

После этого начинает разворачиваться, в первую очередь с помощью рефлексии, процесс доказательства, обоснования, аргументации. То есть само это открытие осуществляется на уровне интуиции, на уровне в значительной степени бессознательного, хотя оно и связано и с сознанием, конечно, а потом в полный голос включается рефлексия, которая минимально была выражена на прежних этапах. Этот самый классический и яркий вариант раскрыт в эксперименте по части взаимодействия сознательного, в частности рефлексии, с одной стороны, и интуиции – с другой.

Интересна и проблема искусственного интеллекта, в области которого достигнуты огромные результаты (шахматный компьютер обыграл Гарри Каспарова). В Интернете был опубликован текст Каспарова, в котором он раскрывал причины проигрыша компьютеру. И Каспаров сказал, что мышление живого человека в ходе шахматного матча отличается исключительной гибкостью, подвижностью, изменчивостью (это и есть процессуальность, потому что процесс мышления – это процесс, а это значит предельно гибкий, предельно подвижный, предельно пластичный, а программа, которая закладывается в новейший компьютер, не обладает такой степенью гибкости, как мышление живого человека, поэтому эта программа менее подвижна), поэтому он как раз и учитывал эту недостаточную гибкость, пластичность искусственного интеллекта. Поэтому, когда в самый решающий момент компьютер неожиданно сыграл не так, как предусматривал Каспаров, то он предполагает, что к компьютеру тайно подключились живые, реальные шахматисты и вывели машину на новый уровень игры. В этом Каспаров видит причину своего проигрыша, правильно раскрывая соотношение искусственного интеллекта и живого субъекта.

То есть мне представляются одинаково нежелательными обе крайности: с одной стороны, – недооценка рефлексии; сам факт существования нашего семинара доказывает, что нельзя недооценивать рефлексиию.

Вместе с тем нельзя впадать в противоположную крайность – переоценивать рефлексиию, то есть не учитывать роль интуиции, роль подсознательного, и в первую очередь роль деятельности субъекта. С учетом этих обеих крайностей мы сможем очень плодотворно разрабатывать проблематику рефлексивных исследований дальше.

Панов В.И.

(Психологический институт РАО)

Первое, что хотелось бы отметить: рефлексия, по крайней мере по работам нашего институ-

та, различается как принцип познания и как принцип развития. Второе. Рефлексия всегда предполагает расщепление, разотождествление себя с самим собой. Причем это такое расщепление, которое позволяет построить отношение к себе как к другому и тем самым создать иную форму своего бытия как иную форму самоосуществления неких универсальных принципов, например мышления, носителем которых я являюсь как субъект рефлексивного акта.

Где в нашем институте рефлексия применяется как метод анализа и в каких предметно-психологических областях? То, что способ мышления, это понятно. И здесь известна позиция Менчинской с эмпирическим типом обобщения и В.В.Давыдова с теоретическим типом обобщения. Не все и не всегда отдают себе отчет, что Давыдов сделал на самом деле более сложную вещь, не просто изменил предметность содержания обучения, а ввел в качестве предметного содержания мышление по теоретическому типу обобщения.

Этого мало, чтобы это действительно «сработало». Сам метод присвоения восприятия и присвоения этого содержания должен включать в себя принцип рефлексии именно как принцип развития. Именно поэтому у Давыдова сразу же, изначально, как метод обучения используются групповые формы обучения, когда класс делится на группы по четыре, пять человек, как образующие субъекта совместного действия, и через это создается ситуация присвоения уже субъектности индивидуальной. Более того, этот принцип совместно-разделенной деятельности как необходимое условие усвоения диалектического способа мышления или же способа понимания происхождения вещей и знаний, подлежащих восприятию в школе, доминирует не только в микрогруппах, он проявляется в группах, которые между собой вступают в диалог.

Здесь уже принципиально меняется позиция педагога – он не может работать в субъект-объектной схеме традиционного обучения, когда по определению обучение – это трансляция культурно-исторических способов человеческой деятельности от одного человека к другому, от одного поколения к другому и т.д. Это не передача, трансляция готовых знаний от одного менее активного субъекта к другому, который принимает эти знания в той мере, в которой он может их принять или не принять. Учитель уже не как субъект-ретранслятор, а учитель как субъект, который организует совместно-разделенную деятельность между учащимися и между собой и учащимся. И отсюда получается, что тогда уже тип взаимодействия должен быть субъект-субъектным,

как уже было сказано, там где есть субъекты – там начинает проявляться рефлексия.

Педагогу надо расщепить ситуацию социально-познавательного взаимодействия с тем, чтобы отследить то, что подлежит восприятию – усвоению, и то, посредством чего это восприятие может быть осуществлено. Но, оказывается, мало этого. Обычно говорят: «у нас личностно ориентированное обучение, у нас субъект-субъектный тип взаимодействия». Банальный пример, который был у нас в институте на подготовительных курсах по русской литературе. Педагог очень романтично и возвышенно рассказывает о Куприне, об одном из его произведений, в котором герой достает платочек возлюбленной дамы, как он его гладит, как он его нюхает, весь в этих переживаниях, так романтично, так прекрасно. Из середины аудитории Вася Петров (его действительно зовут Вася Петров) говорит, как принято у современной молодежи, не вставая: «Ольга Васильевна, ведь это фетишизм!» В общем-то, вот вам рефлексия. Вот вам рефлексивная ситуация. Но! Субъект-субъектный принцип здесь реализован? Да, реализован. А педагогическая цель достигнута? Нет, не достигнута! Потому что, оказывается, помимо субъект-субъектного типа взаимодействия и субъект-объектного, есть также объект-объектный, потому что есть учителя-манипуляторы.

Позволю привести анекдот. Когда профессору надоело читать перед студентами одну и ту же лекцию, он принес диктофон и сказал: «Вот тут я уже записал себя, послушайте», – а сам вышел. Когда он пришел на следующую лекцию, он увидел пустую аудиторию, но на каждом месте студента находился диктофон. Вот объект-объектный тип обучения.

Мало поэтому объект-объектного, субъект-объектного, субъект-субъектного типов взаимодействия, необходим еще субъект-порождающий тип. Очевидно, по Давыдову, потому, что нужно не просто взаимодействие между субъектами, нужно чтобы в междисциплинарности образовалось совместное действие совместного субъекта. Команда, футбольная команда, президента команда, получается тот самый пример.

Предметом или объектом применения этого рефлексивного подхода в Психологическом институте РАО прежде всего стали психологические основания обучения и здесь выстроена логика – традиционное обучение, развивающее учение, когда содержание обучения превращается из цели обучения в средство развития способностей учиться или еще что-либо делать. Теперь мы пошли дальше: появляется понятие развивающего образования, как не просто передача способа, не просто создание ситуации взаимодействия, а создание условий для проявления творческой природы развития психики, в том числе через образовательные ситуации. Это тоже особая форма работы.

Следующий блок, применительно к которому использован рефлексивный подход, – экологическая психология, то есть рефлексия как принцип интеграции на основе выявления неких общих оснований. Она сама включает в себя направления психологической экологии, психологию окружающей среды, экстремальную психологию, психологию экологического сознания. Этот блок, по сути, нами систематизирован и интегрирован с точки зрения человек-среда, среда социальная и природная. И здесь опять выстраивается та же самая линия – в зависимости от типа объект-объектный, субъект-объектный, субъект-субъектный, субъект-порождающей мы имеем различный предмет экологической психологии.

Модно говорить «Вернадский», «ноосфера», и прочее. Но что такое ноосфера? Если в прямом переводе – сфера разума. Ноосфера – это метафора для обозначения определенного взаимодействия между человеком как субъектом и планетой – как кем? Объектом, субъектом? Или же это действительно особая форма психической реальности? Но тогда нужно выставить определенные методологические основания, позволяющие поставить и проанализировать эту проблему. Оказывается это тоже можно в определенной рефлексивной процедуре, о чем на конференции по экологической психологии год назад говорилось. Еще один блок – одаренность как проявленная или непроявленная данность; как редуцированная к процессу, к способности, к творческой активности или же как становящаяся свойством психики. Сразу нужен еще один блок, который требует анализа исходных оснований полагания не только одаренности, но и полагания психики как объекта и предмета исследования. И тогда мы выходим на самый мощный, самый главный блок анализа с использованием рефлексивного подхода – определение психики как объекта и предмета исследований.

Если мы обратимся к различным областям психологии, то психика как реальность предстает в качестве объекта исследования в виде процессов, чаще всего в виде познавательных, реже эмоциональных, личностных, даже духовного становления, но это процессы. Ее же можно представлять как состояния – посттравматические или экстремальные, функциональные и прочие, интегрирующие в системную неразделенную единицу все эти разные процессы разных сфер психики. Еще одна ипостась психической реальности – сознание: политическое, экологическое, личностное, и прочее. Но, ведь это же разные формы проявления психики как явления, очевидно единого по своей природе. Как тогда можно выстроить вот эти исходные методологические основания для определения психики как единого явления по своей природе, но проявляющего себя в таких вот разных ипостасях?

Смолян Г.Л.

(Институт системного анализа РАН)

У меня иное видение заслуг В.А.Лефевра, чем у В.Е.Лепского. Поэтому я назвал свое

выступление «Субъективные заметки на полях ненаписанной истории рефлексивного движения», ибо я не очень понимаю, что такое рефлексивное движение, и принимаю этот термин условно. Я начну свое выступление с афоризмов Ницше, а в конце обращусь к Талмуду.

Афоризм первый. «Что такое оригинальность? – увидеть то, чему еще нет имени, то, что еще и назвать нельзя, хотя оно лежит у всех на виду. Люди обыкновенно замечают вещь лишь тогда, когда знают ее имя. Оригиналы же, как правило, относятся к числу тех, кто дает вещам имена».

Афоризм второй. «Чем больше знаков изобретает человек, тем глубже становится его самосознание».

В.А.Лефевр и Г.П.Щедровицкий оказались настоящими оригиналами, в смысле Ницше, поскольку назвали вещи, до них не названные: рефлексивные процессы, рефлексивные структуры, рефлексивные системы. Ради объективности стоит заметить, что Щедровицкий сделал это после Лефевра, когда искал выход из тупиков, разрабатываемой им содержательной логики.

Щедровицкий пользовался собственным графическим языком для описания рефлексивных процессов в контексте мышления как целого и пояснял преимущественно свою методологическую позицию. Лефевр сконструировал язык описания единичных объектов и действий над ними (рефлексивные игры, рефлексивное управление), хотя и называл эти объекты, чтобы удобно включать их в контекст управления или игры, субъектами. Он был в большой степени, как ни странно это звучит, носителем не психологического, а кибернетического мышления с его понятиями черного ящика, системы, управления, функции, модели и т.п. Оба они замечательно рисовали человечков в квадратах, овалах и кружочках, правда, у Лефевра человечки выглядели динамичнее.

Получив имена, фрагменты знаний становятся, по выражению Де Боно, замороженными и неприкосновенными, и мы вынуждены рассматривать мир, построенный из имен, как из кирпичиков, которые нужно взломать и исследовать, чтобы облегчить понимание целого. Лефевр в конце 60-х годов в работах по логике рефлексивных игр и рефлексивному управлению нашел вполне изящный способ «взламывания и исследования» рефлексивных структур. Он придумал очень простой аппарат их формального представления и изображения, показал достаточно широкие области приложений именно этих представлений и изображений.

Помимо удобных и вполне тривиальных заимствований, например, из исследования операций для обозначения действий субъектов, реализующих рефлексивный процесс, Лефевр нашел способ более точного представления сути этого процесса – посредством ряда установленных друг против друга зеркал. Таким образом, он продемонстрировал объективную необходимость не только в именовании новых «рефлексивных» понятий, но и в их изображениях. Далее все пошло своим чередом: в зависимости от частоты употребления этих понятий в некоторой вполне конкретной социальной группе, в полном соответствии с законом Ципфа, начал складываться профессиональный язык современного рефлексивного движения.

Изобразительный язык, предложенный Лефевром, оказался хорошо приспособленным для пояснений алгебраических многочленов, в виде которых записывался рефлексивный процесс или операции над рефлексивными структурами. Но не только. Он позволил упростить сам процесс познания рефлексивных процессов и систем, не упрощая их самих, в полном соответствии с принципом Эшби: «создание моделей – это освобождение системы от лишней информации». Представив рефлексивное взаимодействие структур как изначально бессубъектное, Лефевр открыл предельно широкие возможности наполнения рефлексивных моделей любой, уже «нелишней» для решения практических задач информацией. Это наполнение самим В.Лефевром было фундаментально осуществлено много позже, когда он обратился к психологическим и моральным категориям.

Говорят, что есть живая и вполне успешная практика реализации рефлексивных моделей поведения, например, в следственной практике, в пиаровских акциях или в планировании военных операций, подтверждающая их эвристическую силу и практическую ценность. Может быть, так, а может быть, и нет. Главное не в этом, а в принципиальной возможности, уточняя и обрабатывая детали, надстраивать рефлексивные многочлены и первичные изображения. Это созвучно мысли Делеза: «Что-либо обозначая, мы исходим из того, что смысл понят, что он уже налицо». Именно смысл предписывает обозначения. Вряд ли Лефевр был знаком с Делезом, но эта идея была замечательно реализована в алгебре рефлексивных структур и соответствующих графических метафорах.

В заключение приведу некоторые соображения, высказанные мною на прошлогоднем октябрьском симпозиуме по рефлексивному управлению. Речь пойдет о В.А.Лефевре и Дж.Соросе. Когда Лефевр делал первую попытку описать онтологию рефлексивных процессов, он ограничил себя рамками исследования конфликтующих структур. Корни этой онтологии рефлексии легко усматриваются в исходном

представлении «об исследовании систем, сравнимых с исследователем по совершенству». В ситуациях, описываемых посредством рефлексивных моделей, исследовательские действия людей влияют на исследуемый объект, изменяя его поведение. Для объяснения такого влияния у Лефевра не было необходимости прибегать к каким-либо содержательным информационным представлениям. Эти представления появились позже в схемах рефлексивного управления.

Дж.Сорос не читал Владимира Лефевра, по его словам, он исходил из попперовской концепции несовершенного понимания. Ощущая себя удачливым финансистом, чтобы компенсировать (прежде всего, для себя) эту несовершенство, Сорос представлял себе системы, принимающие решения, как системы с двойной обратной связью. Свойство таких систем осуществлять действия, влияющие на понимание, Сорос, не слишком задумываясь, назвал рефлексивностью и применил это свойство для описания поведения экономических агентов. Как и раннему Лефевру, Соросу не потребовалось какого-либо обращения к информации, циркулирующей в системе или отображающей внутренний мир человека. «С одной стороны, – пишет он в «Алхимии финансов», – участники стремятся понять ситуацию, в которой они участвуют; с другой стороны, их понимание служит основой для принятия решений, которые влияют на ход событий. Эти две роли интерферируют друг с другом». Вот, собственно, и вся его интерпретация несовершенного понимания. И хотя Дж.Сорос делает вид, что его мало интересуют другие реальности, кроме мышления и действий, он все же, когда переходит к иллюстрациям, говорит о ситуациях неопределенности и обращается к информационному описанию ситуации, считая, что агенты экономического поведения выигрывают лишь тогда, когда обладают релевантной информацией.

Простое сравнение исходных пунктов понимания природы рефлексивных процессов у Лефевра и Сороса показывает: несмотря на различные ключевые слова, они отталкиваются от одного и того же – опыта исследования объектов, обладающих свойством рефлексии. В дальнейшем, однако, их пути существенно расходятся. Лефевр пошел намного дальше приемов рефлексивного управления, основывающихся на передаче информации. Он пришел к неинформационному обоснованию рефлексивной природы морального выбора, найдя для нее наполненное смыслом обозначение. Сорос остался на уровне первоначальных информационных представлений, хотя и продвинулся в описании движущих сил экономического поведения – предпочтений и привычек участников.

Любые попытки осмыслить значение рефлексивной проблематики в научной или культурной жизни нашей страны (и США, наверное,

тоже) неразрывно связаны с именем Владимира Александровича Лефевра. Однако я вряд ли злоупотребил бы столь частым его упоминанием – просто, так сложилась в моем понимании история рефлексивного движения.

Теперь из Талмуда: «Текст того, что изучается, забывается. Но процесс учебы очищает сам по себе».

Даже если Владимир Лепский напечатает этот текст, он все равно забудется. Но этот Круглый стол выполнит очищающую функцию.

Еще два слова, Я бы не хотел, чтобы рефлексивное движение стало синонимом всего антитехнологичного и претендовало бы на роль новой научной идеологии «спасения России».

Петровский В.А. *

(Российская Академия образования)

Меня поражает, что рассуждая о личности, общении, сознании, самосознании и даже самой рефлексии, многие исследователи до сих пор изъясняются так, будто бы

теории В.А.Лефевра не существовало вовсе. Необходима, и мне кажется это совершенно очевидным, популяризация идей рефлексивной теории. С другой стороны, необходима логико-семиотическая проработка деталей теории.

Я бы выделил здесь две проблемы. Первая – это проблема конгруэнтности символического и текстового (словесного) рядов рефлексивных построений. Есть по сути три языка рефлексивной теории Лефевра. Это формальный язык: язык символов, логико-математически определенных отношений между ними, далее – тешащий нас метаязык, и, наконец, язык как бы промежуточный. В последнем случае речь идет о языке, допускающем формализацию, «взывающем» к ней, однако в этом плане еще не состоявшемся. Такой язык находится «между» языком формальной теории и метаязыком. Стремление формализовать всё и вся, требуя совпадения промежуточного и формального языка, было бы, разумеется, проявлением методологической паранойи. Но иногда, мне кажется, ощутим всё же избыток промежуточного языка (мы называем его языком «маргинальным»), и это может затруднить понимание основного, формального языка. При этом популяризация теории, как это случилось с идеями гениального создателя транзактного анализа Э.Берна, может привести к свёрхупрощениям и оказаться

* Наиболее острая дискуссия завязалась по вопросу использования формальных средств для описания рефлексивных процессов (В.А.Петровский, В.М.Розин, О.С.Анисимов, В.Е.Лепский и др.). В частности, обсуждению подвергалась проблема возможностей, ограничений и расширений языка многочленов, предложенного В.А.Лефевром. Отдельные аспекты этой дискуссии представлены в данном номере журнала (см. статью В.А.Петровского и комментарий В.М.Розина и В.Е.Лепского).

разрушительной. Я имею в виду, в частности, уточнения способов символического описания состояния рефлексивной системы и операторов осознания в связи с различением картины реальности с позиции внешнего наблюдателя и наблюдателя внутреннего. Моя мысль состоит в том, что до сих пор не достигнута должная конгруэнтность между символами, которые используются в записях, и текстовым сопровождением этих символов.

Вот что пишет Лефевр в своей работе «Конфликтующие структуры»: «...Пусть мы имеем два члена Tx и Txu . Персонаж Y может иметь как адекватное отражение Tx , так и принципиально неадекватное. Символика регистрирует лишь факт «существования» такого члена во внутреннем мире персонажа Y . Поэтому *при употреблении символики необходим специальный комментарий* (выделено мной – В.П.), характеризующий степень адекватности с позиции внешнего исследователя» (с. 15). Естественно, возникает вопрос: а если попробовать обойтись без специального комментария, например, за счет введения дополнительных операций, – как это сделано в моей статье, представленной в данном номере журнала. Рождающаяся при этом запись более сложна, но позволяет более точно, без сопутствующих комментариев, освещать устройство внутреннего мира X и, в частности, позволяет отобразить существование одного наблюдателя во внутреннем мире другого.

И вторая проблема – осознать и символически зафиксировать особый онтологический статус того, что Лефевр называет «состоянием рефлексивной системы». Возьмем самый простой случай – состояние рефлексивной системы $T + Tx$. Что означает это выражение с точки зрения философской? На мой взгляд, эта запись соответствует тому, что может быть названо единством мысли и мыслимого, созерцания и созерцаемого, переживания и переживаемого. Словом, если говорить обобщенно, это единство субъективного и объективного.

Какая же философская категория могла бы напомнить здесь нам о себе? Мне представляется – это гегелевская Идея, то есть единство понятия и объективности (единство понятийного отражения и отражаемого, пульсация переходов между реальностью и картиной реальности).

Подобная интерпретация лефевровских конструкций могла бы быть вполне эвристичной для психологии «Я». Если в рамках предлагаемой трактовки взглянуть на Я, то Я есть идея себя, свойственная индивиду, или, что то же самое, – *индивид саморефлексии*. Можно словесно, а можно и графически маркировать сказанное. В данном случае речь идет о том индивиде, который может быть описан как субъект, объект и носитель рефлексивного акта (обобщенно, как источник рефлексии), и наряду с этим – как результат, образ и достояние рефлексии (обобщенно, как содержание рефлексии).

Возникает такой вопрос: «А существует ли знак, который бы эксплицировал динамическое единство объективного и субъективного аспектов *Я*?»

Такой знак есть (мы говорим о нем «живой знак») – кубик Неккера (он буквально на наших глазах как бы движется, «выворачивается наизнанку»: дальние, «заслоненные», стороны кубика то выступают на передний план, то вновь отступают). Объективное и субъективное, символизируемое сторонами кубика, меняются местами. Кубик Неккера, таким образом, мог бы заместить знак «+» в выражении $T + T\bar{x}$.

В заключение, возвращаясь к нашему тезису о том, что действительно необходима не только популяризация, но и детализация идей рефлексивной теории, я хотел бы отметить: Лефевр открыл (сконструировал) совершенно особый язык, позволяющий прояснить и осмыслить то, что чаще всего спрятано под спудом слов. Поэтому, мне кажется, мало сказать о его теории «вклад в науку» (хотя это, несомненно, так). Речь доподлинно идет о вкладе в культуру, ибо Лефевр предложил образец того, как человек, человечество могут осознать себя, свое собственное индивидуальное и коллективное *cogito*. Но развитие теории Лефевра – это не только ее всё более широкое распространение (метафора «розы ветров» казалась бы нам здесь вполне уместной), но и проработка ее формальных аспектов, развитие самого языка теории.

Ведь если мы не достигнем должной конгруэнтности текстового и символического рядов, популяризация идей рефлексивной теории, в противовес детализации, может обернуться большими потерями, чем приобретениями. Теория Лефевра этого явно не заслуживает. Итак, необходим поиск новых семиотических форм.

Розин В.М.

(Институт философии РАН)

Сначала я хотел бы обратить внимание, что рефлексия формируется в контексте методологического подхода.

В этом смысле интересно взглянуть на историю России. Еще в конце прошлого века Латышев, обсуждая проблемы методики математики, говорил о необходимости рефлексии мышления, чтобы разрешить проблему сворачивания большого объема знаний, подлежащих усвоению. Мы знаем блестящую школу историографии Петрушевского, она так и называлась «методологической». Можно указать и на работы Л.С.Выготского: реализуя методологический подход в психологии, он обсуждает рефлексю. Наконец, в наше время – это московский методологический кружок (см. статью В.М.Розина в данном номере журнала). За счет чего при этом извлекались новые ходы мысли? За счет позиции, как бы сказал Михаил Бахтин, «внеаходности». Когда я делал доклад

– мне возражали, я вынужден был учитывать различные точки зрения моих оппонентов, которые видели материал совершенно по-другому. Так вот, при отсутствии правил мышления, реагируя на возражения оппонентов и обосновывая свои построения мысли, я вынужден был сам формулировать ходы и правила движения мысли. В результате постепенно выстраивалась новая логика, которая была связана с отдельной мыследеятельностной работой, особым типом коммуникаций.

Вторая ситуация. Изучение мышления как деятельности привело к тому, что происходило своеобразное оборачивание, то есть знания о мышлении, выработанные в ходе его исследования, использовались как гипотезы о строении исторических типов мышления, и наоборот. Причем, опять же задним числом, это оправдывалось и понималось как рефлексия мыслительной деятельности. Повторю, это результаты исследования тех форм мышления, которые выделялись в истории, использовались методологами для нормирования собственной работы, и наоборот когда находились новые способы самоорганизации мышления, они затем переносились на исторические образцы мышления людей. Вот такое переворачивание прошлого в настоящее и настоящего в прошлое тоже понималось как особая рефлексивная работа.

Третий тип рефлексивной работы представляет собой особый тип дедукции. Есть классические работы Г.П.Щедровицкого, где он разворачивает схемы деятельности за счет рефлексии. Задается клеточка деятельности, затем механизмы рефлексии и организации деятельности, что позволяет вводить разные позиции (практика, методиста-ученого, методиста-педагога), виды знания, структуры коммуникации. По сути, это тип дедуктивного теоретического мышления. Хочу обратить внимание, что это опять таки совершенно другой тип работы, но осознавался он как рефлексия. Еще одна ситуация была обусловлена описанием конкретных типов деятельности, что тоже понималось как рефлексия.

Что же получается? Рассмотренный здесь материал показывает, что нет рефлексии как одной реальности. Мы привыкли говорить о рефлексии как об акте. Так она и изображается на схемах в виде круговой стрелки или табло. Но я хочу обратить внимание, что говоря о рефлексии, мы имеем дело с совершенно разными ситуациями. В данном случае первая ситуация была связана с необходимостью конституировать новые способы изучения мышления; вторая – с переносом в историю знаний, полученных в ходе самоорганизации методологов, и наоборот, исторических знаний о мышлении в современную ситуацию самоорганизации мышления; третья связана с проведением теоретической дедукции, с использованием понятия рефлексии; четвертая – это описание конкретных видов деятельности.

Таким образом, хотя мы говорим о рефлексии вообще, но реально имеем дело с совершенно разными ситуациями рефлексивной деятельности. А что же здесь тогда общего? Общее в том, что, как правило, при этом всегда присутствует отображение деятельности – своей или чужой. Например, мы начинали с изучения мышления, которое трактовалось как деятельность. В контексте рефлексии разные типы работы затем сворачиваются и осознаются как описания деятельности, изучение деятельности, отображение деятельности и т.д. Однако, вероятно, необходимо различать два разных момента. Одно дело – та реальная задача и структура рефлексивной деятельности, которая разворачивается. Эта деятельность каждый раз разная, она привязана вот к этим конкретным ситуациям. Совершенно другое – когда каждый раз мы отображаем эту структуру особым образом, а именно используем идею деятельности и ее отображение. Наконец, есть и третий момент, очень важный. Как правило, во всех этих ситуациях присутствует установка или на развитие или на продуктивное мышление. Обратите внимание, понятие рефлексии во многом связано с этими установками, причем не обязательно только на развитие, не реже и на продуктивное мышление. Действительно, в тех четырех ситуациях, о которых я говорил выше, речь о развитии шла только в третьем случае, когда обсуждалась рефлексия как тип дедукции, в остальных случаях можно говорить о продуктивном мышлении, которое позволяет получить новообразования, но различные, поскольку решаются разные задачи.

И последнее. А что имеется в виду под отображением деятельности? Во первых, это особый тип коммуникации. Так, когда мы изучали рефлексии и за счет этого конституировали способы изучения мышления, очень важно было то, что участники семинара находились в разных позициях, обладали разным видением, могли возражать, предъявлять контрпримеры. В такой коллективной работе, которая представляет собой уникальный процесс, где имеют место позиции «вненаходимости», существует возможность выставить аргументы «против», предъявлять контрпримеры или принципиально другие способы решения, формируется рефлексивная позиция.

Второй момент, это – отображение деятельности. Опять же, что значит деятельность? Анализ рассмотренных примеров и разных ситуаций показывает, что деятельность всякий раз понимается совершенно по-разному. В одном случае деятельность сразу кладется как некая онтология. Но это редко. Чаще всего – это возможность понять, как работает другой. Мы тоже говорим о деятельности, но в другом смысле. Я, например, могу установить взаимопонимание, излагая свою точку зрения, если я отображаю свою деятельность, выкладываю ее. То есть

я хочу сказать, что когда мы говорим о деятельности, то это всего лишь функция, место. Не морфология, а именно место, где мы обнаруживаем нечто общее или некоторое условие совместного мышления, и вот это мы чаще всего называем деятельностью. А дальше мы начинаем онтологизировать, превращаем эти случаи в онтологию, говоря, что есть такая настоящая реальность.

Как опыт Московского методологического кружка, так и более широко опыт рефлексивного движения в России показывает, что нужно различать, по меньшей мере, три вещи. Во-первых, *контексты рефлексии*, которые различаются в разных ситуациях и для разных задач. Во-вторых, *схему рефлексии*, включающую в себя идею отображения деятельности в различных ее вариантах. И, наконец, в-третьих, *структуру рефлексивной деятельности*, которая тоже может сильно варьировать.

Анисимов О.С.

*(Российская академия госслужбы
при Президенте РФ)*

По прохождении многих лет выстраивается смысловая схема, которая объединяет взлет совершенно практической рефлексивной рабо-

ты в Московском методологическом кружке. Практика взаимодействия была необычайно психологически насыщенной, поскольку каждый представитель выступал ярким выразителем своей версии, своего представления о том, о чем ведется речь. И хотя общая проблематика как-то конфигурировалась, выявлялась, обозначалась на нейтральных тестах, все же сама практика рефлексивного бытия, на мой взгляд, уже тогда была столь сложна с перепадами от естественных форм взаимодействия до предельно искусственных форм взаимодействия чистой мысли, что вот сам этот вот феномен коллективного бытия, о котором в какой-то степени говорил В.М.Розин в своем выступлении, он создавал материальную, натуральную предпосылку рефлексивному движению.

Если взять содержания, в том числе чисто мыслительные, языковые по характеру содержания, это конечно, вся история психологии и даже философии: когда мыслитель пытался хоть как-нибудь оценить свой вклад и поставить себя в историю, он вынужден был рефлексировать. Иногда рефлексия выделялась особым блоком, и получались рефлексивно-ориентированные философы. Но как движение, которое соединяет культуру и живую практику в том среднем звене, когда культура должна была влиять на практику – научную, проектировочную, образовательную практику, это явление, мне кажется, сложилось уже к концу пятидесятых годов. А затем длинный ряд трансформаций: где группирования, где размежевания, где фокусировки внимания, которые по инструментальным выражениям сохраняли саму принадлеж-

ность к рефлексивному взаимодействию в сложнейших формах. В этом поле выделялись те, кто фокусировал внимание непосредственно на рефлексии. В.А.Левефр как раз, как мне кажется, осуществил переход от практического отношения к тому действию, которое коллективно осуществлялось: к выделению предметности рефлексии и в рамках этой предметности попыток создания «предъязыков». Создавались и специальные модели и схемы, которые позволили бы зафиксировать и сделать специально анализируемыми эти явления.

Чтобы этот тезис как-то натурализовать, приведу схему, в которой, как мне кажется, различия между отношениями, подходами к этому событию, к этому взаимодействию Г.П.Щедровицкого и Левефра можно было бы увидеть как разные, но не противоречащие аспекты; противоречия, как мне кажется, в фокусировках. Здесь я бы согласился с тем, что говорил В.М.Розин о самом характере бытия в этом взаимодействии и лидерских позициях Щедровицкого и в субъективном плане, и в объективном плане. В субъективном плане он хотел быть обязательно впереди, и эта установка действовала столь ярко, вынуждая к такому варианту самоорганизации, к такому варианту помещения своего действия и результатов действия в объективно-значимое пространство, социокультурное и культурное, что без рефлексивности и без особой организации рефлексии это было бы невозможно.

Как видится мне это различие? Прежде всего, нужно ввести предваряющий изобразительный тезис, различающий «преддательностное» бытие с раздвоением деятельностного бытия на собственно действия и рефлексии, на рефлексивные отношения с соответствующей возможностью коррекции действия с «преддательностным» в этом отношении жизнедеятельностным бытием. Требовалось соответствующее помещение, при определенных условиях, особо организованной коммуникации в рефлексивную часть, в рефлексивное поле, которое, особым образом организуясь, создает новое начало базового процесса, оно тоже, в свою очередь, может рефлексировать. Но при этом обнаруживаются разные позиции. Я не буду сейчас их обозначать, но очень важную роль играет различие между автором понимающим, критиком, который подсоединяется тогда, когда нужно, и пониманием, и противопоставлением. Критика была очень важным звеном всей этой истории, особой функцией и соответствующим местопребыванием в арбитраже.

Особо хотел бы отметить соорганизацию всех этих процедур. Щедровицкий, будучи лидером, вынужден был, для того чтобы удерживать ситуацию под контролем, осуществлять собственное воздействие на нее, поскольку он совмещал организационную позицию и, как правило, критическую и арбитражную позицию. Он должен был ввести

специальную рефлекссию, рефлексивное обеспечение всего этого взаимодействия. Мало того, он вынужден был заниматься разработкой специальных средств для организации этой рефлексии и дальше. В связи с фокусировкой возникала возможность дифференцированных многообразных средств, в числе которых было средство, ориентированное на анализ рефлексивных процессов.

Я вижу различие, упомянутое выше, таким образом. Щедровицкий в силу занимаемой позиции вынужден был вырабатывать интегральный аппарат средств, которые обеспечивают выживаемость и его как лидера, и всего движения. А Лефевр, в большей степени в связи с необходимостью реализации своего интереса, создавал фокусированную часть рефлексии и соответствующее экспериментальное обеспечение, которое объективно выступало как особая специализация средств в этом направлении. Отсюда появлялось дискуссионное противопоставление: либо когда интересы Лефевра не совпадали с интегральными интересами аппарата, либо когда Щедровицкий замечал слишком большое пристрастие к этой фокусировке и уходу всего дискуссионного процесса от магистрального движения всей дискуссии. В какой-то степени я это наблюдал.

Другая сторона этого же процесса: в Московском методологическом кружке сохранялись и поддерживались любые движения, в том числе и те, с которыми яростно сражался Щедровицкий – психологически-ориентированные, даже психологизаторские. Сквозная линия, то есть форма существования самого бытия и образа бытия, который натурализировался в феноменах кружковского типа, постепенно обрастала таким количеством различий и инструментализаций, что это неизбежно должно было найти свой практический выход, и возникало просто в контакте.

И вот тогда образовался особый феномен игрового моделирования, игрового оформления этих взаимодействий, от предполагаемости практики. Практика рано или поздно была бы непосредственно введена в игровое моделирование, в игровую модель. Когда в 1979 году начался игровой период, появилась и сама потенциальная возможность: все то, что касалось не просто инструментов и чего-либо отчужденного, а самого способа рефлексирования передать, транслировать социокультурно в более широкие профессиональные слои. И это реально происходило в 80-е годы.

90-е годы – время интенсивного распространения особого типа социокультурного и культурного заражения рефлексивностью огромных пространств. Но вместе с тем появлялись проблемы, связанные с тем, что рефлексировать хорошо, но рефлексия, которая подается неорганизованно, разрушает любую практику. То есть возникли и осознаны

были как позитивные, так и негативные явления от этого рефлексивного бытия. Они в разной степени были осознаны и внешним и внутренним образом. Кроме того, далеко не всегда в самом Московском методологическом кружке осознавали отрицательные явления этого бытия и этого приложения накопленных различий.

Вот в этом состоянии происходило движение и объясняется следующая замедленная фаза, с моей точки зрения, когда совокупные развлечения и предмодели стали вноситься в образовательный процесс, в некоторые экспериментальные приложения в тех или иных управленческих структурах. Это накопление постепенно стало требовать того, что раньше называлось конфигуратором, – какого-то объяснения, внесения ясности и упорядоченности системной организации всех этих различий. На этом фоне и оформилось специфическое движение.

В середине 90-х годов движение перешло на акмеологическую почву. Сама идея возникла фактически на фоне высших этажей управления в Академии Госслужбы, особым образом там она и существует.

Возникла сама необходимость внесения рефлексивности, что и проделывается не только мной, но и И.Н.Семеновым и другими коллегами. Главное, четко выявилось осознание того, о чем, кстати, говорил и Лепский, – профессионал на более высоком уровне не может избежать рефлексии. И чем более высокий уровень профессионализма, тем в большей степени рефлексивная составляющая предопределяет успешность эффекта, но только тогда, когда эта рефлексия организована, когда все упорядочено и достаточно собранно. То есть возникает не накопительный, а оформительский этап культурной работы. Внесение такой трехслойности в организацию управленческой деятельности – если оно было бы к тому же еще обеспечено рефлексивностью в достаточной пропорциональной мере – оказалось бы весьма продуктивным. Но саму рефлексивность еще следует обеспечить средствами языковой культуры и соответствующей культурой мышления. И вот на этой как бы ноте осознания, которая в определенной степени сейчас является рефлексивной, сейчас фактически возникает пересамоопределение организаторов всего этого процесса. То есть, фактически, то, что Лепский говорит, – этот призрак уже привносится в высшее управление. Становится общепризнанным: если не осуществится своего рода культурная революция в самой управленческой деятельности, то у нас не будет ни хороших и оптимальных стратегий, ни просто упорядоченной иерархии управленческой деятельности, а дальше и деятельности общества в целом. Как бы мы не осознавали: вот сама живая практика рефлексии с такой сложной, многопозиционной и многопредметной организацией, которая зародилась на нашей почве и шла, сохраняя

ряд традиций (идущих от Фихте, Гегеля и т.д.), – вот это все привело к радикальной проблематизации самого построения всего профессионально-деятельностного процесса. Ее еще нет, но дух ее уже виден. Мне кажется, мы подходим к этой черте.

Лучшее, что можно сделать для нашей страны, – не делать из рефлексивного движения фетиш, но иметь в виду, что рефлексивные механизмы и механизмы рефлексивной самоорганизации – это есть интегральные механизмы развития и саморазвития человека. Это можно особым образом обосновывать; из этого стянется и обоснуется все остальное – только надо это все хорошо осознать, и нужно заниматься этим осознанием.

Марача В.

(Журнал «Кентавр»)

В контексте сегодняшнего семинара хотел бы представить одно из направлений школы Г.П.Щедровицкого, которое условно можно назвать «методология общественных изменений». Жестко структурированной школы нет, скорее есть ряд отдельных исследователей – С.Попов, В.Розин и еще ряд других, которые движутся достаточно автономно, но при этом сверяют свои точки зрения, поэтому можно условно говорить о некоем отдельном направлении.

Момент интереса к рефлексии первоначально был связан с эпистемологической проблематикой. Дело в том, что если смотреть на проблему общественных изменений как на проблему социальной инженерии, то, понятно, хочется строить действия по общественным изменениям на базе каких-то знаний о том объекте, о той области, на которую пытаешься оказать воздействие. Вот как раз с этими самыми знаниями и возникает ряд проблем, поскольку наиболее отработанный в европейской культуре естественно-научный тип знания применительно к обществу не срабатывает в связи с тем, что начинаются рефлексивные парадоксы.

Социальный объект «играет» с исследователем, начинает сам вырабатывать знания о себе, конкурировать с знаниями исследователя и т.д.

Я хотел отметить специфику интеллектуальной ситуации, в которой знания о рефлексивных процессах или рефлексивно-аналитическая позиция нужны и востребованы практикой общественных изменений. Предположим, что есть субъекты некоторого общества, они связаны между собой, вступают в определенные отношения, образуется и поле отношений между ними. Эти субъекты гражданского общества представляют собой то, что мы называем рефлексивное общественное образование. То есть они осознают себя, осознают собственные отношения, и поскольку общество – это саморегулирующаяся система,

то они в том числе вырабатывают и некоторые нормы, которые по отношению к этому полю выступают в функции правил поведения и разрешения конфликтов и т.д.

На другом полюсе мы рисуем совершенно другого субъекта, которого назовем агентом социальных изменений. Этот агент в сложившуюся ситуацию пытается ввести некую другую норму, которая регулирует отношения субъектов гражданского общества иначе, пытается их заставить действовать по-другому.

В обществе стратегия такого прямого руководства совершенно бесперспективна, а нормальная общая стратегия применительно к гражданскому обществу – это внесение неких новых правил поведения с сохранением у этих субъектов свободы воли. Это совершенно нормальная, парламентская стратегия.

Ситуация заключается в том, что мы как бы имеем конкуренцию двух норм поведения, одну из которых можно поименовать нормой естественной, а другую нормой искусственной. Тем самым для агента социальных изменений, который не тупо действует, применив законы и думая, что так и будет, а для агента социальных изменений, который наблюдает, что происходит, цель состоит в том, чтобы добиться некоторого максимального сближения естественно признаваемой нормы и нормы, привносимой искусственно. То есть он свою искусственно привносимую норму сделал легитимной и добился «стяжки». Это на языке политологии и права именуется легитимизацией. Если перейти к терминологии конфликтующих структур В.Лефевра, то это значит построить устойчивое рефлексивное состояние. А социологическая терминология в плане О.И.Генисаретского такие устойчивые состояния именуется «институтами». Для того чтобы это сделать, агент социальных изменений как раз и нуждается в том, о чем я в самом начале заявил: в «рефлексивно-аналитической позиции». Эта позиция «понимает», во-первых, рефлексивные процессы, во-вторых, «фиксирует» расхождение между естественными и искусственными нормами, в-третьих, «воспринимает» действия агента социальных изменений.

В качестве примера подобной ситуации, когда агент социальных изменений и рефлексивно-аналитическая позиция взаимодействуют, можно назвать суды, причем эту роль может выполнять следствие. Рассмотрим ситуацию суда над полковником Будановым.

Объективно, какое бы действие суд не предпринял, это будет действие, вносящее социальное изменение. Виновата ситуация военных действий, когда сложились некоторые нормы поведения, принципиально отличающиеся от норм закона. И тут приходит некоторый субъект и пытается разрешить ситуацию по нормам уголовного права, которые сформировались в совершенно другом контексте, или апеллируя

к более чем амбивалентным «правам человека». В итоге усугубляется неопределенность.

Второй случай – это парламенты, когда парламентарии пытаются принести некоторую новую норму. Рефлексивно-аналитическую функцию выполняет в том числе журналистика и целый ряд влияющих структур. Это, видимо, наиболее широкий вариант данной системы, мы будем именовать политико-правовым пространством: верхняя рефлексивно управляющая система становится сопоставимой с управляемой системой. Только в этот момент есть шансы добиться успеха, поскольку система становится соразмерной.

Здесь поле для возможных разработок, оно может интересовать такие дисциплины, как право, политологию, государственное управление, экономику и целый ряд областей.

Рейт Д.В.

(Холдинг “Креон”)

Рефлексивные процессы могут существенно влиять на устойчивость функционирования сложных субъектов хозяйственной деятельности.

В начале 90-х годов возникла и стала быстро расти система бирж «Алиса». Она имела отделения в десятках городов, в том числе, два – в Америке. На некотором этапе ее развития отделениям потребовалась большая финансовая самостоятельность. При этом у руководства каждого отделения зародились предположения, что «соседи» хотят еще большей самостоятельности от центра и, видимо, имеют к тому основания. Лавинообразное нарастание описанных рефлексивных процессов вылилось в центробежные тенденции, буквально разорвавшие систему бирж. Интересно, что даже когда эти процессы были поняты руководством «Алисы», остановить их оказалось невозможно.

Распространение Интернета обострило проблему устойчивости. Мобильность каждого из включенных в сеть субъектов хозяйственной деятельности дестабилизирует ситуацию. Такова динамичная сеть. Ее альтернатива – стабильная сеть с жестко закрепленными компонентами быстро вырождается в вертикально интегрированную функциональную систему. Сеть типа внутренний рынок обречена балансировать на грани экономически необоснованного протекционизма и полного растворения в окружающей среде.

Итак, создание устойчивого субъекта хозяйственной деятельности, организованного сетевым образом и способного варьировать параметры связи своих компонентов в целях максимизации сетевых преимуществ, является проблемой.

Представляется, что сохранение устойчивости сетевой организации может быть достигнуто избирательным подавлением «центробежных» рефлексивных процессов на уровне Совета директоров. В качестве

адекватного проблеме эмпирического решения предлагается введение нескольких механизмов взаимодействия, составляющих систему хозяйственных субъектов по разным основаниям.

На этих принципах был создан сетевой креативный холдинг нового типа. Он включает произвольное число относительно самостоятельных фирм (лиц), состоящих между собой в экономических договорных отношениях и разделяющих некоторую общую идеологию (например, эволюционную идеологию креативного развития). Договоры между участниками холдинга заключены сроком на пять лет. Ежегодно в договоры могут вноситься коррективы по обоюдному согласию сторон. Деятельность организации отражается Интернет-порталом. Общее управление осуществляется Советом директоров, состоящим их руководителей фирм, входящих в холдинг и ответственных каждый за свое направление хозяйственной деятельности (и соответствующий «предметный» шлюз портала). Ротация носителей внешних функций относительно внутренних функций организации позволяет избежать наиболее распространенной угрозы эффективности стабильной сети – требования полной утилизации ее ресурсов в интересах центра. Прием новых членов может быть осуществлен только единогласно, в чем прослеживаются элементы соборности. Будущий возможный состав Совета по общей договоренности ограничен тринадцатью членами. По достижении этого числа членов организационная форма холдинга может быть пересмотрена.

Второй (и, может быть, главной) функцией Совета директоров является управление креативностью, которое осуществляется путем накопительного рейтингового голосования по еженедельным результатам работы каждой из входящих фирм (или каждого из участников, если участниками являются физические лица). Этот механизм можно трактовать как внутренний рынок, на котором еженедельная креативность участников «оплачивается» исходя из фиксированной суммы условной «креативной валюты», находящейся в коллективной собственности участников.

Сравнивая приведенные описания сложных субъектов хозяйственной деятельности, можно видеть, что во втором из них приняты меры по сужению пространства возможных неконтролируемых рефлексивных построений каждого из составляющих субъектов.

Символические операции с «креативной валютой» создают условия открытого внеэкономического выражения взаимных претензий и одобрения. По поводу того, что публично и несомненно, человек менее склонен рефлексировать.

Интерактивность открывает возможность для действия, альтернативного рефлексии.

Максимов В.И.

(Институт проблем управления РАН)

Наше направление исследований и разработок можно условно назвать «когнитивно-

рефлексивная технология моделирования и управления». Рефлексивная составляющая играет важную роль в этих исследованиях. Учет рефлексивных процессов организуется через использование представлений фактически виртуальной реальности субъектов о той реальности, которую мы моделируем. При построении такого рода моделей рефлексии разной степени вложенности – как индивидуальная, так и коллективная – пересекаются; приходится сталкиваться с совершенно новыми задачами, требующими новых методологических подходов. Важнейшим исходным положением построения данного класса моделей является тезис, что прошлый опыт в будущем малорезультативен. Надо учиться прогнозировать быстро меняющееся будущее. С помощью специальных процедур на основе субъективных представлений участников процесса принятия решений мы строим когнитивную карту, представляющую собой знаковый или взвешенный граф, где описаны взаимодействия факторов разной природы. Дуги – это влияния этих факторов друг на друга. В эту модель вводится дискретное время, и события начинают разворачиваться. То есть, в конце концов, мы видим, как идет процесс в созданной нами реальности, где отобраны самые значимые факторы. Фактически мы получаем субъективную модель. Причем важно отметить, что построенные модели позволяют также решать «обратную задачу». То есть мы даем, как многие американские модели, ответ на вопрос «Что будет – если...?», но не только потому, что в таких реальных сложных объектах, как регион, город и т.п., что ни сделай, обязательно что-нибудь будет происходить. Но все будет не так, как нам хочется, и мы все время будем «ходить» по какой-то области, даже не приближаясь к цели. При решении обратной задачи мы даем ответ на вопрос «Что сделать, чтобы...?», и определяется, какие воздействия необходимо подать на вход для достижения желаемой цели. Мы их подаем и грубо попадаем в нужную нам область. Потом подаваемые воздействия можем уточнять как угодно. Эти модели применяются для прогнозирования развития регионов, различных объектов геополитической среды, а также для решения ряда других прикладных задач.

Капустян В.М.

(НИИ Информационных технологий)

В монографии «Конфликтующие структуры» есть понятие «система, нарисованная на другой системе».

Это важнейший результат, который стоит развить. До В.Лефевра многоэтажными символиками занимались многие исследователи, но,

к сожалению, их работы сегодня не находят должного внимания. В частности, подобные идеи высказывал Авенариус в работе «Критика чистого опыта». Простая двухуровневая символика предложена Пирсом. Простая двухуровневая психология и двухуровневая рефлексия создана Вацлавиком. Надо серьезно браться за то, что сделал В.Лефевр, а то получается так: плодородный слой, в который он бросил свои зерна, увеличивается, а зерна не прорастают. Нужны прикладные разработки.

Зенкин А.А.

(Вычислительный центр РАН)

Остановлюсь на рассмотрении проблем визуальной поддержки рефлексивных процессов лиц, принимающих

решения (ЛПР). Перед лицом, принимающим решение, есть проблема, которую нужно решить. Есть эксперты, на основании мнений которых ЛПР формулирует решение. Есть специализированная система визуального анализа данных, которая позволяет визуализировать суть проблемы. В.Лефевр (ранние работы начала 70-х годов, касающиеся психографии) визуализировал суть проблемы с помощью алгебры своих графических субъектов, он стал изобретателем, если так можно сказать, когнитивной реальности, впервые использовал визуализацию как средство отображения семантики предметной функции. Если визуализирована суть проблемы, то ЛПР становится активным участником. Причем, если визуализация выполнена на соответствующем уровне, то уровень компетентности ЛПР поднимается до уровня эксперта. И самое замечательное то, что эксперты в этой ситуации ведут себя совсем не так, как раньше – при предъявлении письменных изложений своих точек зрения и даже при обсуждении за круглыми столами. Перед картинкой, которая визуализирует проблему, причем если она еще динамически отражает мнения конкретных специалистов, они – совсем другие люди, которые выходят на совершенно другие решения. Говорю об этом на основании личного опыта, накопленного при разработке и использовании систем визуальной поддержки деятельности математиков-исследователей.

Важно отметить, что на протяжении последних 300 лет наука стала настолько абстрактной, что она совершенно оторвалась от живого созерцания и сузила возможности ее постигать, как она того заслуживает. И, самое печальное, она оторвалась от морали. Академик Арнольд говорит о катастрофической ситуации именно благодаря тому, что наука стала слишком совершенной в том смысле, что она стала слишком абстрактной. Именно визуальная поддержка исследователей позволит динамично разворачивать вектор развития от абстрактного мышления к живому созерцанию и обратно.

Задорожников И.Е.

(«Психологический журнал»)

Касаясь социокультурного контекста обсуждаемых вопросов о выдвигании рефлексивной проблематики на передний план, хочу отметить: обсуждение идет в русле того, что можно назвать французским термином «кларизм» (ясность, проясненность).

Действительно, сегодня как никогда нужен своеобразный «рентген» рефлексии. Аспект «ясности» обсуждается во многих науках, в частности в Институте философии РАН обсуждалась проблема точности психологических понятий (А.В.Брушлинский). Проходит очарование фрейдизмом и даже неопределенностью – рефлексивные процессы трудно строить на «зыбучих песках» бессознательного. Усиливается внимание к «анализу» в философии (работы А.Ф.Грязнова), все большей популярностью пользуется аналитическая философия, английские традиции, где проявляются слова, где больше ясности, чем затемнения, присущего «сумрачному германскому гению».

Экономическая теория сейчас также строится на новых основаниях: вы знаете, что прекращаются эти шаманские «камлания» о саморегулирующей роли рынка, которая все охватывает и все объясняет. То же самое можно сказать о политической деятельности, уже не считается, что «черный PR» решает все. Им задается темнота неосмысленной (квази) неопределенности, от которой можно ждать чего угодно. Важно и то, что сейчас нет такого шумного «камлания» вокруг чистой цифири, вокруг моделей оптимизирующих, которые все решают. Это тоже идет в русле кларизма.

Есть основание поддерживать рефлексивное движение, которое характеризуется должной прозрачностью понятий.

Григорьев Э.П. (*Российская академия госслужбы при Президенте РФ*) обобщил результаты своих исследований и разработок систем поддержки рефлексивного синтеза альтернатив в метрике «золотого сечения».

Степанов А.М. (*Институт мета-аналитических исследований*) рассмотрел возможности использования гомеостатики для моделирования реактивных и рефлексивных статусов человеческой психики.

Беляев И.П. (*НИИ Информационных технологий*) отметил значение работ В.Лефевра в междисциплинарном аспекте, как фундамента для интеграции разнородных знаний.

Лепский В.Е. (*Институт психологии РАН*), подводя итог круглому столу, подчеркнул, что сегодня мыслящий человек обнаруживает возможность, значимость и неизбежность рефлексии, дистанцируясь, если вспомнить

слова Достоевского, от «чуда, тайны, авторитета», хотя и не отвергая их онтологического статуса. Фактически рефлексивные процессы и строящееся на них управление – остро востребованный продукт на современном этапе социокультурного развития, в первую очередь – России.

Понять мысли и чувства другого – значит упростить (в высоком смысле) его и свою жизнь, причем это касается субъекта любой степени общности: от индивида до общества в целом, особенно группового субъекта, ответственного за принятие решений. Этим и обуславливается глубокий интерес к рефлексивным процессам, значимые следы которого – проведение конференций, круглых столов, выпуск журнала, многие другие инициативы в данном направлении.

ФУНКЦИИ БЫСТРОЙ РЕФЛЕКСИИ В БИПОЛЯРНОМ ВЫБОРЕ

В.А.Лефевр (США), Дж.Адамс-Веббер (Канада)

Владимир Александрович Лефевр
Калифорнийский университет,
Ирвин, США, профессор

Джек Адамс-Веббер
Брукский университет, Онтарио,
Канада, профессор

Введение

В течение последних двадцати лет наш взгляд на рефлексию существенно расширился. Ранее она понималась, главным образом, как сознательное конструирование человеком образа себя и других. Теперь у нас есть свидетельства, что существует рефлексия и принципиально другой природы. В психику человека как бы встроен врожденный информационный процессор, функция которого состоит в автоматической генерации этих образов вместе с их субъективным миром. Работа этого процессора порождает специфический спектр человеческих реакций, никак сознательно не контролируемых и протекающих чрезвычайно быстро (одна-две миллисекунды). Этот вид рефлексии, в отличие от традиционной, был назван быстрой рефлексией (fast reflexion, Lefebvre, 1987). Сегодня мы пытаемся расшифровать математические законы, которые управляют автоматическим функционированием этого врожденного процессора, и выяснить, как эти законы проявляют себя в наблюдаемом поведении человека (Adams-Webber, 1996a). Итогом работы должна стать формальная модель субъекта с быстрой рефлексией.

Такая модель, в идеале, должна обладать двумя свойствами – целостностью и однородностью. Целостность означает, что модель способна отражать одновременно как перцепцию и поведение, так и субъективный мир. Термин однородность указывает на то, что различные аспекты активности субъекта должны быть описаны на одном и том же языке. Общий метод, позволяющий добиться и целостности и однородности, состоит в представлении субъекта в виде композиции математических функций. Различные элементы композиции интерпретируются как «входы», «выходы», а также как образы себя и других субъектов. Эти образы, в свою очередь, должны иметь внутренний мир, в котором находятся образы следующего порядка. В результате мы можем получить унифицированное описание внутренней и внешней активности субъекта. Композиция математических функций есть также математическая функция. Она описывает поведение субъекта. Поэтому структура композиции может отражать не только внутренний мир субъекта, но и макроструктуру вычислительного процесса, порождающего поведение. В простейшем случае, когда функция поведения известна заранее, информация о субъективной сфере может быть получена чисто математически, путем анализа свойств этой функции.

Проникновение понятия «рефлексия» в психологию

Нельзя считать случайностью, что первые шаги в этом направлении были сделаны в России, где влияние бихевиоризма было неизмеримо слабее, чем в Америке. Эти шаги связаны с обнаружением внезапного прерывания автоматизированной деятельности испытуемого в процессе экспериментальной игры. Типичный эксперимент состоял из двух фаз. В первой фазе программа, играющая роль оппонента, формировала у испытуемого определенный тип поведения, выгодный для испытуемого в контексте данной игры. Затем во второй фазе программа внезапно меняла свою тактику таким образом, что выработанное поведение переставало быть выгодным. В этих экспериментах было обнаружено, что испытуемые способны к резкому прерыванию поведения старого типа. Никаких свидетельств постепенного переучивания обнаружено не было (Лефевр, 1967; 1969; 1971; Лепский, 1969; Баранов и Трудолобов, 1969а,б; Lefebvre, 1972; 1977а).

Прерывание автоматизированной активности часто сопровождалось «инсайтом» или «осознанием»: испытуемый внезапно «понимал», что его оппонент во время первой фазы эксперимента целенаправленно обманывал его. При такой интерпретации понятие «осознание» приобретало функциональный смысл. Оно оказывалось связанным если не с реорганизацией автоматизированной активности, то по крайней мере, с ее быстрой блокировкой. Тем не менее, использование таких

терминов, как «осознание», «понимание», «намерение», смысл которых в значительной степени зависит от контекста, угрожало возвратом к идеям интроспективной психологии девятнадцатого века с потерей возможности проверять гипотезы с помощью эксперимента.

Альтернатива состояла в попытке построить простую формальную модель субъекта, в рамках которой понятия, отражающие субъективный мир человека, могли бы приобрести ясный и однозначный смысл. Эти исследования привели, в итоге, к созданию ряда частных моделей субъекта с быстрой рефлексией.

В этой работе мы ограничиваемся анализом только одной линии развития этих моделей, связанной с изучением биполярного выбора (*Lefebvre, 1977b, 1982; Лёфевр, 1991; V.A.Lefebvre, V.D.Lefebvre, Adams-Webber, 1986; Krylov, 1994; Miller & Sulcoski, 1999*). Эти исследования столкнулись с рядом сложных методологических проблем, которым посвящено большое число публикаций (*Townsend, 1983; 1990; Adams-Webber, 1987; 1995; Batchelder, 1987; Levitin, 1987; Wheeler, 1987; Zajonc, 1987; Kauffman, 1990; Rapoport, 1990; Popper, 1992; Ponner, 1996; Schreider, 1994; Шрейдер, 1998; Лёфевр, 1990; Lefebvre, 1995*).

Механизм генерации образов себя и других

Гипотеза о существовании внутреннего процессора, порождающего быструю рефлексию, может быть описана следующими словами (*Lefebvre, 1985*):

(1) Субъект содержит в себе формальный механизм для моделирования себя и других. Этот механизм универсален и не зависит от культуры, к которой принадлежит субъект.

(2) Модели себя и других рефлексивны, т.е. они тоже могут содержать модели себя и других, и т.д.

(3) Внутренний формальный механизм для моделирования включает в себя вычислительный процесс, протекающий автоматически и не зависящий от осознанной воли субъекта. Этот процесс предопределяет реакции субъекта в ситуациях выбора между оценками «хорошо» и «плохо»; он также генерирует внутренние переживания субъекта, такие как чувство вины и осуждение других.

(4) Модели себя и других также обладают вычислительными возможностями, которые позволяют субъекту автоматически моделировать как свои собственные внутренние переживания, так и переживания других людей.

Следует подчеркнуть, что этот моделирующий механизм не является цепочкой логических рассуждений типа «я думаю, что он думает, что я думаю...» и т.д. Такие цепочки являются чисто лингвистическими структурами. Мы говорим о прямом «вычислительном» моделировании

себя и других, которое осуществляется автоматически и независимо от внутренней речи (Lefebvre, 1985, стр.291-292).

Эта гипотеза, опубликованная шестнадцать лет назад, была не только общей методологической декларацией. Она сопровождалась детальным описанием возможного механизма, проводящего когнитивные вычисления. Однако лишь недавно начали появляться экспериментальные аргументы в ее пользу. Например, Хьюз и Каттинг (Hughes & Cutting, 1999) продемонстрировали, что способность детей репродуцировать внутренний мир других людей протекает автоматически и не зависит от степени развития речевой сферы.

Описанный в этом разделе механизм автоматической генерации образов себя и других выходит за рамки традиционного понимания рефлексии как сознательной конструктивной деятельности человека, связанной с его желаниями и волей. Создавая сознательно свой портрет, человек может наделять его многими чертами по своему выбору. В отличие от этой «творческой» деятельности, процессор, о котором идет речь, неотделим от самого человеческого существа. Субъект в нормальном состоянии даже не ощущает его присутствия. Он не способен выйти из-под контроля этого аппарата простым волевым усилием, подобно тому как он не может заставить себя перестать понимать слова, звучащие на родном языке. Мы назвали автоматический процесс генерации образов быстрой рефлексией, чтобы не смешивать его с сознательным процессом постижения себя и других.

Рефлексивная модель биполярного выбора

Модель представляет субъекта, находящегося перед лицом биполярного выбора одной из двух альтернатив: *A* и *B*. Одна из них, *A*, играет роль позитивного полюса, а другая, *B*, негативного (Lefebvre, 1977b; 1980; 1995; 1997; Лефевр, 1996). В простейшем случае, когда внутренний мир субъекта не содержит образов других субъектов, выбор может быть описан особой функцией, $X_1 = f(x_1, x_2, x_3)$, где все переменные определены на интервале $[0, 1]$ (см. Приложение). Значение x_3 есть интенция субъекта совершить выбор позитивного полюса. Чем больше значение x_3 , тем сильнее «желание» субъекта совершить такой выбор. Значение X_1 интерпретируется как вероятность, с которой субъект готов выбрать позитивный полюс *A*, в реальности.

Значение x_1 есть давление внешнего мира в сторону позитивной альтернативы в момент выбора, а значение x_2 есть давление в сторону позитивной альтернативы, ожидаемое субъектом на основе его предшествующего опыта. Мы можем рассматривать значения x_1 и $(1 - x_1)$ как нормализованные полезности альтернатив *A* и *B* непосредственно в момент выбора, а значения x_2 и $(1 - x_2)$ как нормализованные ожидаемые полезности.

Математическое рассмотрение функции $X_1 = f(x_1, x_2, x_3)$, зависящей от трех переменных, показывает, что она может быть представлена как композиция одной функции $F(x, y)$ от двух переменных: $X_1 = F(x_1, F(x_2, x_3))$, причем такое представление единственно. Функция $X_2 = F(x_2, x_3)$ интерпретируется как образ себя, имеющийся у субъекта. При такой интерпретации субъект обладает функционально правильным образом себя в прямом смысле этого слова, поскольку одна и та же функция, $F(x, y)$, описывает его одновременно как с собственной, так и с внешней точки зрения. Первая переменная этой функции, x , представляет перцептивный вход, а вторая, y – ментальный образ себя. Поэтому рассматривая функцию $F(x_2, x_3)$, которая играет роль образа себя, мы можем интерпретировать переменную x_2 как образ входа, а переменную x_3 как ментальный образ у образа себя. Чтобы избежать путаницы, мы называем этот вторичный образ моделью себя. При такой интерпретации переменная x_3 получает дополнительный смысл: она представляет не только интенцию, но и модель себя у субъекта. В результате мы получили формальный аналог макроструктуры внутреннего мира субъекта.

Этот аналог есть структура композиции $F(x_1, F(x_2, x_3))$. В то же время эта структура описывает процесс когнитивных вычислений значения X_1 : сначала вычисляется $X_2 = F_2(x_2, x_3)$, затем $X_1 = F_1(x_1, X_2)$.

Интенция субъекта может зависеть от факторов, которые не представлены переменными x_1 и x_2 и, в принципе, может принимать любое значение из интервала $[0, 1]$. В случае, когда интенция зависит только от x_1 и x_2 , мы предполагаем, что когнитивный механизм так координирует значения X_1 и x_3 , чтобы выполнялось равенство $X_1 = x_3$ (Lefebvre, 1992; Лефевр, 1991). Это равенство соответствует утверждению, что субъект имеет адекватную модель себя.

Функциональная роль образа себя

Теоретические модели позволяют производить мысленные эксперименты. С их помощью мы можем прояснить роль, которую образ себя играет в биполярном выборе.

Представим себе субъекта перед лицом морального выбора. Пусть в его системе ценностей альтернатива A есть достойный поступок, а альтернатива B – недостойный. Предположим, что субъект на основании своего предыдущего опыта имеет картину мира, склоняющего его к выбору позитивного полюса, т.е. $x_2 = 1$. Пусть у субъекта есть интенция выбрать позитивный полюс, т.е. $x_3 = 1$. По этим данным мы находим значение образа себя: $X_2 = F(1, 1) = 1$ (см. Приложение). Это равенство означает, что субъект видит себя совершающим достойный поступок. Вообразим себе

теперь, что в самый момент выбора мир совершает действие, склоняющее субъекта совершить негативный поступок: $x_1 = 0$. При таких условиях реальный выбор соответствует значению $X_1 = F(0, F(1,1)) = 0$, т.е. субъект совершает недостойный поступок.

Представим себе, что через некоторое время субъект попадает в такую же ситуацию. Он ожидает, на основе своего опыта, который он получил в первой ситуации, что мир будет склонять его в сторону негативного полюса, т.е. значение x_2 изменилось. Если раньше $x_2 = 1$, то теперь $x_2 = 0$. Пусть интенция субъекта по прежнему позитивна ($x_3 = 1$), тогда значение его образа себя становится равным $X_2 = F(0,1) = 0$.

Если мир по прежнему склоняет субъекта выбрать негативный полюс ($x_1 = 0$), то реальный выбор субъекта будет соответствовать значению $X_1 = F(0, F(0,1)) = 1$, т.е. субъект совершит хороший поступок. В первом случае субъект видел себя достойным человеком ($X_2 = 1$), но совершил плохой поступок ($X_1 = 0$); во втором случае субъект мысленно увидел себя совершающим плохой поступок ($X_2 = 0$), однако при этом совершил хороший поступок ($X_1 = 1$). Образ себя играет роль совести субъекта: видение себя “плохим” препятствует выбору негативного полюса. Это следует из того, что в формальной модели $X_1 = 1$, если $X_2 = 0$. Поэтому одна из возможных функций образа себя состоит в блокировке некоторых действий. Если при $x_1 = 0$ значение образа себя X_2 внезапно изменилось с $X_2 = 1$ на $X_2 = 0$, мы можем описать это изменение на интроспективном языке так: мир толкает субъекта в сторону зла, однако субъект, представив себе, что он способен совершить зло, испытал укол совести и отказался поддаться давлению окружающей среды.

Различие между автоматическим и намеренным выбором

Это различие традиционно основывается на обыденном наблюдении: человек в одних случаях осуществляет именно то, что он заранее задумал совершить, а в других фаза предварительного планирования отсутствует (Bargh & Chartrand, 1999). Рефлексивная модель позволяет сделать ясным формальное различие между этими случаями. Переменная x_3 представляет волю (интенцию, желание, намерение) субъекта, а переменная X_1 его поведение. Автоматическим может быть названо лишь такое поведение, которое не зависит от воли. Таким образом, при автоматическом выборе переменная X_1 не должна существенно зависеть от переменной x_3 . Аналогично, выбор субъекта может быть назван намеренным лишь при условии, что $X_3 \equiv x_3$. Наконец, возможны смешанные случаи, при которых X_1 зависит от x_3 , однако значение x_3 не полностью детерминирует значение X_1 .

Автоматический выбор

Такой выбор возможен лишь в случае, если существует такая пара $x_1 = a$ и $x_2 = b$, для которой $X_1 = f(a, b, x_3)$ не зависит от значения x_3 (см. Приложение). Для иллюстрации рассмотрим эксперимент Вегнера и Уитли (*Wegner & Wheatley, 1999*). Испытуемый держал два своих пальца на кнопках, соответствовавших ответам ДА и НЕТ. Другой человек, являющийся помощником экспериментатора, помещал два своих пальца сверху на пальцы испытуемого. Испытуемый через наушники слышал тривиальные вопросы типа «Является ли Вашингтон столицей США?» и предполагал, что те же вопросы слышит второй человек, который должен скрывать свои реакции. Задача, которая ставилась перед испытуемым, заключалась в том, чтобы почувствовать движения мускулов другого человека и нажать на соответствующую кнопку. В действительности, помощник не слышал вопросов, и микродвижения его пальцев не могли быть с ними связаны. Оказалось однако, что испытуемые нажимают кнопку правильно в соответствии со смыслом вопроса в 87 % случаев.

Комментируя этот эксперимент, авторы пишут: «Они (испытуемые) отвечали правильно и не ощущали присутствия своей воли, думая, что главную роль играет другой человек. Общий образец (pattern) поведения, полученный в шести независимых экспериментах, свидетельствует, что правильные ответы продуцировались автоматически» (*Wegner & Wheatley, 1999, с. 457*).

Этот вывод соответствует механизму, который отражен в формальной модели. Ясно, что практически все испытуемые не испытывали никаких сомнений: Вашингтон это столица США. Давление внешнего мира было стандартным социальным требованием «говорить правду» (в приведенном примере – нажать кнопку ДА). Таким образом, $x_1 = 1$. Как показано в Приложении, при таком значении x_1 выбор является автоматическим, т.е. не зависит от интенции x_3 .

Намеренный выбор

В этом случае значение переменной x_3 полностью предопределяет значение переменной X_1 . В соответствии с моделью, это возможно лишь при условии, что $x_1 = 0$ и $x_2 = 0$ одновременно, т.е. ситуация такова, что мир склоняет субъекта выбрать негативный полюс ($x_1 = 0$), и реальное давление мира совпадает с ожиданием субъекта ($x_2 = 0$). При таком условии, $X_1 \equiv x_3$, т.е. любая субъективная интенция x_3 «превращается» в готовность X_1 . На первый взгляд кажется, что такое представление намеренного или «свободного» выбора должно столкнуться с серьезным затруднением: реальные люди в случае, когда им известен правильный ответ, могут проявить своеволие и ответить неправильно.

Вернемся к эксперименту Вегнера и Уитли. Как мы показали выше, правильный ответ на вопросы типа «Является ли Вашингтон столицей США?» – генерируется автоматически. Однако каждый социальный психолог, проводивший опросы большого числа людей, сталкивался со случаями сознательного «противодействия», особенно в длинных сериях тривиальных и скучных вопросов. Не противоречат ли эти факты модели? Нет, не противоречат. Более того, модель позволяет вскрыть психологический механизм такого «бунта испытуемых». Представим себе, что в экспериментах типа тех, которые были описаны Вегнером и Уитли, испытуемый в течение некоторого времени, отвечал на вопросы, характеризуемые значениями $x_1 = 1$, $x_2 = 1$. Представим себе далее, что после большой серии пустых вопросов «система ценностей» испытуемого внезапно изменяется: позитивный полюс, выбор «правды», становится негативным, а негативный, выбор «лжи» – позитивным. Стандартное социальное требование «говорить правду» не исчезает, но теперь оно направлено к негативному полюсу. Давление к новому позитивному полюсу в момент выбора равно нулю. Таким образом, $x_1 = 0$, $x_2 = 0$ и субъект делается способным к намеренному (или свободному) выбору. Следовательно, инверсия полюсов остановила состояние автоматической деятельности.

Золотое сечение и другие константы

Важным стимулом развития рефлексивных моделей в США была серия экспериментов, основанная на использовании биполярных оценок – с помощью антонимов (таких как сильный-слабый) – в контексте развития теории персональных конструктов Дж.Келли (*Kelly, 1955*). Описание этого направления в психологии можно найти в обзорной работе Адамса-Веббера (*Adams-Webber, 1996b*). В начале семидесятых годов было сделано неожиданное открытие (*Adams-Webber & Benjafeld, 1973; Benjafeld & Adams-Webber, 1976*). Оказалось, что испытуемые, в среднем, оценивают своих знакомых позитивными полюсами биполярных конструктов с частотой 0.62. Бенджафельд и Адамс-Веббер (*Benjafeld & Adams-Webber, 1976*) выдвинули гипотезу, что теоретическое значение этой константы может быть равно золотому сечению $(\sqrt{5} - 1) / 2 = 0,618...$. Первая попытка объяснить психологический механизм и условия появления золотого сечения в экспериментах с биполярными конструктами была сделана с помощью рефлексивной модели (*Lefebvre, 1985*). В соответствии с этой моделью, золотое сечение должно возникать при следующих двух условиях:

(1) У испытуемого нет операционального критерия для определения того, обладает ли данный объект тем качеством, присутствие или отсутствие которого требуется установить.

(2) Приписывание объекту данного качества является позитивным действием, а отрицание его у объекта негативным.

Поясним смысл пункта (2). Важно не то, является данное качество позитивным или негативным по существу, а то, как оценивается акт приписывания этого качества данному объекту. Пусть некто купил часы, которые не идут. Оценивая его покупку по конструкту «удачная-неудачная», мы должны позитивным полюсом считать оценку «неудачная», а негативным – «удачная».

Чтобы подвергнуть предсказание модели тестированию, требовалось изучить результаты экспериментов, в которых выполняются именно эти условия. Анализ имеющейся литературы показал: указанные условия соблюдаются в классе экспериментов, в которых альтернативы различаются только тем, что одна из них «показывается» испытуемому заранее, а вторая появляется перед ним лишь в момент выбора.

Наиболее подходящими были эксперименты, в которых одна из альтернатив показывалась испытуемому заранее с чрезвычайно короткой экспозицией в 1-3 миллисекунды. За такой промежуток времени испытуемый неспособен сознательно запомнить предъявляемую альтернативу (это проверялось в специальном эксперименте), но тем не менее оказалось, что «старая», предъявляемая прежде, альтернатива выбирается испытуемыми чаще, чем новая (*Kunst-Wilson & Zajonc, 1980*). Это могло оказаться следствием того, что после предварительной демонстрации одной из альтернатив, она, помимо воли и сознания испытуемого, начинает играть роль позитивного полюса. Другими словами, предварительное предъявление ориентирует альтернативы. Если принять это предположение, то в соответствии с рефлексивной моделью, «старая» альтернатива должна выбираться не просто чаще, а с частотой 0,62. Мы рассмотрели все доступные нам данные о подобных экспериментах (*Lefebvre, 1995*) и нашли, что частоты выбора ранее предъявлявшейся альтернативы таковы:

Kunst-Wilson & Zajonc (1980) 0,60

Seamon, Brody & Kauff (1983) 0,61

Mandler, Nakamura & Van Zandt (1987) 0,62

Bonnano & Stilling (1986) 0,66, 0,63, 0,62, 0,61, 0,63, 0,62

В последней строчке приводится шесть чисел, поскольку авторы провели шесть независимых серий экспериментов.

Мы видим, что данные группируются около значения 0,62, т.е. именно так, как предсказывает рефлексивная модель.

Эта модель дает количественные предсказания также и для случаев, когда еще до начала эксперимента у испытуемого возникает устойчивая интенция выбрать всегда один и тот же полюс, позитивный или негативный. В первом случае $x_3 = 1$, и модель предсказывает, что в

действительности испытуемый будет выбирать позитивный полюс с вероятностью $X_1 = 2/3$; во втором случае $x_3 = 0$, и модель предсказывает выбор позитивного полюса с вероятностью $X_1 = 1/2$.

Специальные эксперименты с биполярными конструктами, в которых контролировалась интенция испытуемых, показали, что при позитивной интенции частота выбора позитивных прилагательных 0,67, а при негативной – 0,5 (*Adams-Webber, 1997; Adams-Webber & Rodney, 1983*). Таким образом, рефлексивная модель прошла и через этот тест.

Заключение

Мы описали простейшую модель субъекта с быстрой рефлексией, когда у него отсутствует образ другого. Построение более сложных моделей начинается не с нахождения функции, описывающей выбор субъекта, а с фиксации его рефлексивной структуры, которая предопределяет такую функцию. Следует иметь в виду, что рефлексивные модели не ограничены рассмотрением фиксированных состояний субъекта. С самого начала развития рефлексивного подхода в нем строились и динамические модели (*Лефевр, Баранов, Ленский, 1969*), широко распространенные в современной психологии (*Barton, 1994; Kelso, 1995*).

Недавнее использование динамической модели для представления многократной рефлексии (*Lefebvre, 1999*) привело нас к гипотезе, что одна из фундаментальных функций быстрой рефлексии состоит в борьбе с хаосом, который появляется в итеративных когнитивных вычислениях.

Приложение

1. Основное уравнение

Функция $X_1 = f(x_1, x_2, x_3)$, описывающая готовность субъекта выбрать позитивный полюс, такова

$$X_1 = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2)x_3, \quad (1)$$

где x_1, x_2, x_3 элементы $[0, 1]$ (*Лефевр, 1991; Lefebvre, 1992*).

2. Теорема о рефлексии

Функциональное уравнение

$$\Phi(x_1, \Phi(x_2, x_3)) = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2)x_3,$$

где x_1, x_2, x_3 числа из $[0, 1]$ и все значения $\Phi(x, y)$ принадлежат $[0, 1]$, имеет единственное решение $\Phi(x, y) = 1 - y + xy = F(x, y)$. (Доказательство дано в *Lefebvre, 1992*; см. также *Лефевр, 1996*).

Из этой теоремы следует, что субъект представим как композиция

$$X_1 = F(x_1, F(x_2, x_3)) \quad (2)$$

Образу себя соответствует функция

$$X_2 = F(x_2, x_3) = 1 - x_3 + x_2x_3 \quad (3)$$

3. Адекватная модель себя

Адекватность означает, что $X_1 = x_3$. Из (1) следует, что субъекту с адекватной моделью себя соответствует функция

$$X_1 = \begin{cases} \frac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2}, & \text{если } x_1 + x_2 > 0 \\ \text{любое число из } [0, 1], & \text{если } x_1 + x_2 = 0 \end{cases} \quad (4)$$

4. Автоматический выбор

Выбор называется автоматическим, если значения $x_1 = a$ и $x_2 = b$ таковы, что $f(a, b, x_3) \equiv \text{const}$, где x_3 любое число из $[0, 1]$. Из (1) следует, что выбор является автоматическим, если по крайней мере одна из переменных (x_1, x_2), принимает значение 1.

5. Намеренный выбор

Выбор называется намеренным, если значения $x_1 = a'$ и $x_2 = b'$ таковы, что выполняется тождество $f(a', b', x_3) \equiv x_3$, где x_3 любое число из $[0, 1]$. Из уравнения (1) следует, что выбор является намеренным лишь при условии, что $x_1 = x_2 = 0$.

6. Золотое сечение и другие константы

Предполагается, что (а) давление внешнего мира в сторону обоих полюсов одинаково: $x_1 = 1/2$; (б) ожидаемое субъектом давление в сторону позитивного полюса совпадает с его готовностью выбрать позитивный полюс: $x_2 = X_1$. При этих условиях из уравнения (1) следует, что

$$X_1 = \frac{1 + x_3}{2 + x_3} \quad (5)$$

Если интенция субъекта не детерминируется заранее, его модель себя адекватна: $X_1 = x_3$, тогда уравнение (5) превращается в уравнение $X_1^2 + X_1 - 1 = 0$, откуда $X_1 = (\sqrt{5} - 1) / 2 = 0,618\dots$. Если у субъекта заранее возникает позитивная интенция, $x_3 = 1$, то из (5) следует, что $X_1 = 2/3$, а если негативная $x_3 = 0$, то $X_1 = 1/2$.

Литература (на русском языке)

1. Баранов П.В., Трудюлюбов А.Ф. (1969а). Об одной игре человека с автоматом, проводящим рефлексивное управление. /Проблемы эвристики. М. Высшая школа.
2. Баранов П.В., Трудюлюбов А.Ф. (1969б). О возможности создания схемы рефлексивного управления, независимой от сюжета экспериментальной игровой ситуации. /Проблемы эвристики. М. Высшая школа.
3. Лепский В.Е. (1969). Исследование рефлексивных процессов на матричной игре с нулевой суммой. /Проблемы эвристики. М. Высшая школа.
4. Лефевр В.А. (1967). Конфликтующие структуры. М. Высшая школа. (второе издание: М. Советское радио, 1973).
5. Лефевр В.А. (1969). Устройства, оптимизирующие свою работу в результате противодействия человека. /Проблемы эвристики. М. Высшая школа.
6. Лефевр В.А.; Баранов П.В.; Лепский В.Е. (1969). Внутренняя валюта в рефлексивных играх. //Техническая кибернетика, No.4, с.29-33.
7. Лефевр В.А. (1971). Формальный метод исследования рефлексивных процессов. //Вопросы философии, No.9, с. 103-115.

8. Лефевр В.А. (1990). От психофизики к моделированию души. Вопросы философии, No.7, с.25-31.
9. Лефевр В.А. (1991). Формула человека. М. Прогресс.
10. Лефевр В.А. (1996). Космический субъект. М. Ин-квартио.
11. Поппер, К. (1996). Вступительное слово к книге В.А.Лефевра "Космический субъект", М. Ин-квартио.
12. Шрейдер Ю.А. (1998). Этика. Текст. М.

References (in English)

13. Adams-Webber, J. (1987). Comment on Lefebvre's Model from the Perspective of Personal Construct Theory. *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 177-189.
14. Adams-Webber, J. (1995). A Pragmatic constructivist Gambit for Cognitive Scientists. *//PSYCOLOGY*, 6(34).
15. Adams-Webber, J. (1996a). Comparing Self and Others in Fast Reflexion. *//International Journal of Psychology*, 31, 319.
16. Adams-Webber, J. (1996b). Repertory Grid Technique. *//Corsini, R. & Auerbach, A. J. (Eds.), Concise Encyclopedia of Psychology*, New York: Wiley.
17. Adams-Webber, J. (1997). Self-reflexion in Evaluating Others. *//American Journal of Psychology*, 110, 527-541.
18. Adams-Webber, J. & Benjafield, J. (1973). The Relation between Lexical Marking and Rating Extremity in Interpersonal Judgment. *//Canadian Journal of Behavioral Sciences*, 5, 234-241.
19. Adams-Webber, J. & Rodney, (1983). Rational Aspects of Temporary Changes in Construing Self and Others. *//Canadian Journal of Behavioral Sciences*, 15, 52-59.
20. Bargh, J. A. & Chartrand, T. L. (1999). The Unbearable Automaticity of Being. *//American Psychologist*, 54, 462-479.
21. Barton, S. (1994). Chaos, Self-Organization, and Psychology. *//American Psychologist*, 49, 5-14.
22. Batchelder, W. H. (1987). Comments on Some Critical Issues in Lefebvre's Framework for Ethical Cognition. *//Journal of Social and Behavioral Structures*, 10, 214-226.
23. Benjafield J. & Adams-Webber, J. (1976). The Golden Section Hypothesis. *//British Journal of Psychology*, 67, 11-15.
24. Bonnano, G. A. & Stilling, N. A. (1986). Preference, Familiarity and Recognition after Repeated Brief Exposure to Random Geometric Shapes. *//American Journal of Psychology*, 99, 403-415.
25. Hughes, C. & Cutting, A. L. (1999). Nature, Nurture, and Individual Differences in Early Understanding of Mind. *//Psychological Science*, 10, 429-432.
26. Kauffman, L. (1990). Self and Mathematics. In Wheeler, H. (Ed.), *The Structures of Human Reflexion*, New York: Peter Lang.
27. Kelly, G. A. (1955). *The Psychology of Personal Constructs*. New York: Norton.
28. Kelso, J. A. S. (1997). *Dinamic Patterns*. Cambridge, MA: A Bradford Book.
29. Krylov, V. Yu. (1994). On One Model of Reflexive Behavior Distinct from Lefebvre Model. *//Applied Ergonomics*, 1, 21-24.
30. Kunst-Wilson, W. R. & Zajonc, R. B. (1980). Affective Discrimination of Stimuli that Cannot Be Recognized. *//Science*, 207, 557-558.
31. Lefebvre, V. A. (1972). A Formal Method of Investigating Reflexive Processes. *//General Systems*, XVII, 181-188.
32. Lefebvre, V. A. (1977a). *The Structure of Awareness*. Beverly Hills, CA: Sage Publication,
33. Lefebvre, V. A. (1977b). A Formal Approach to the Problem of Good and Evil. *//General Systems*, XXII, 183-185.
34. Lefebvre, V. A. (1980). An Algebraic Model of Ethical Cognition. *//Journal of Mathematical Psychology*, 22, 83-120.
35. Lefebvre, V. A. (1982). *Algebra of Conscience*. Dordrecht, Holland: Reidel. New expanded edition: Dordrecht, Holland: K Cuwer, 2001.
36. Lefebvre, V. A. (1985). The Golden Section and an Algebraic Model of Ethical Cognition. *//Journal of Mathematical Psychology*, 29, 289-310.
37. Lefebvre, V. A. (1987). The Fundamental Structures of Human Reflexion. *//Journal of Social and Biological Structures*, 10, 129-175.

38. Lefebvre, V. A. (1992). *A Psychological Theory of Bipolarity and Reflexivity*. Lewiston, N.Y.: The Edwin Mellen Press.
39. Lefebvre, V. A. (1995). The Anthropic Principle in Psychology and Human Choice. // *PSYCOLOQUY*, 6(29).
40. Lefebvre, V. A. (1997). *The Cosmic Subject*. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of Psychology Press.
41. Lefebvre, V. A. (1999). Sketch of Reflexive Game Theory. *Proceedings of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior*. Los Alamos, New Mexico.
42. Lefebvre, V. A., Lefebvre, V. D., & Adams-Webber, J. (1986). Modeling an Experiment on Construing Self and Others. // *Journal of Mathematical Psychology*, 30, 317-330.
43. Levitin, L. (1987). Niels Bohr's Atom and Vladimir Lefebvre's "Inner Computer." // *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 183-185.
44. Mandler, G., Nakamura, Y., & VanZandt, B. J. S. (1987). Nonspecific Effects of Exposure on Stimuli that Cannot Be Recognized. // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 13, 646-648.
45. Miller, L. D. & Sulkoski, M. F. (1999). Reflexive Model of Human Behavior: Variations on Lefebvre's Theme. /*Proceedings of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior*. Los Alamos, NM: Army Research Laboratory.
46. Popper, K. (1992). Note in the Appendix to Lefebvre, V. A., *A Psychological Theory of Bipolarity and Reflexivity*. Lewiston, N.Y.: The Edwin Mellen Press.
47. Rapoport, A. (1990). Reflexion, Modeling, and Ethics. /Wheeler, H. (Ed.): *The Structure of Human Reflexion*. New York: Peter Lang.
48. Schreider, J. A. (1994). Fuzzy Sets and the Structure of Human Reflexion. // *Applied Ergonomics*, 1, 19-20.
49. Seamon, J. G., Brody, N., & Kauff, D. M. (1983). Affective Discrimination of Stimuli that are not Recognized: Effects of Shadowing, Masking, and Cerebral Laterality. // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 9, 544-555.
50. Townsend, J. T. (1983). Vladimir A. Lefebvre. *Algebra of Conscience* (book review). // *Journal of Mathematical Psychology*, 27, 461-471.
51. Townsend, J. T. (1990). Lefebvre's Human Reflexion and Its Scientific Acceptance in Psychology. /Wheeler, H. (Ed.), *The Structures of Human Reflexion*, New York: Peter Lang.
52. Wegner, D. M. & Wheatley, T. (1999). Apparent Mental Causation. // *American Psychologist*, 54, 480-492.
53. Wheeler, H. (1987). A Constructional Biology of Hermeneutics. // *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 2, 103-123.
54. Zajonc, R. B. (1987). Comment on Interpersonal Affiliation and the Golden Section. // *Journal of Social and Biological Structures*, 212-214.

РЕФЛЕКСИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ*

Г.П Щедровицкий (Россия)

Георгий Петрович Щедровицкий (1929-1994) – одна из центральных фигур в становлении и развитии проблематики рефлексивных процессов. Он оставил после себя громадное творческое наследие, которое является источником вдохновения для многих поколений исследователей, а также сотни учеников и десятки школ. Г.П.Щедровицкий – ярчайшая личность, крупное явление в российской философии. Как заметил В.А.Лефевр, «по влиянию на умы в советской (российской) культуре его можно сравнить разве что с Берtrandом Расселом в англоязычной культуре».

Рефлексия – один из самых интересных, сложный и в какой-то степени даже мистический процесс в деятельности; одновременно рефлексия является важнейшим *моментом в механизмах развития деятельности*.

В современных энциклопедиях рефлексия определяется как «форма теоретической деятельности общественно-развитого человека, направленная на осмысление всех своих собственных действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека» [1], или как «осмысление чего-либо при помощи изучения и сравнения; в узком смысле – новый поворот духа после совершения познавательного акта к «я» (как центру акта) и его микрокосму, благодаря чему становится возможным присвоение познания» [2].

Хотя уже у Аристотеля, Платона и др. можно найти много глубоких рассуждений, касающихся различных сторон того, что мы сейчас относим к рефлексии, все же основной и специфический круг проблем, связываемых сегодня с этим понятием, зарождается лишь в новое время, а именно благодаря полемике Локка и Лейбница [3; 4, с. 99-108, 115-116], или, еще более точно, благодаря тому, что эта полемика стимулировала размышления Канта. У Канта понятие рефлексии приобретает ту гносеологическую (и вместе с тем методологическую) форму, в которой оно сейчас обычно и репрезентируется¹.

У Фихте в дополнение к этому оно получает эпистемологический оттенок (рефлексия знания есть «наукоучение»²) и ставится в контекст процессов развертывания или развития «жизни»³. Гегель сделал попыт-

Рефлексивные процессы и управление. № 1, 2001. С. 47-54

* Фрагмент статьи «Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности», впервые опубликованной в сборнике «Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология)», Москва, 1975 г.

ку дать рефлексии имманентное определение в рамках общей картины функционирования и развития духа [17, с. 466-481].

После Гегеля понятие рефлексии стало и остается до сих пор одним из важнейших в обосновании философского анализа знания¹.

Вместе с тем, до сих пор почти не было попыток описать рефлексию или тем более построить ее модель в рамках собственно научного, а не философского анализа деятельности и мышления.

¹ "Рефлексия (reflexio) не имеет дела с самими предметами и не получает понятия прямо от них; она есть такое состояние" души, в котором мы приспосабливаемся к тому, чтобы найти субъективные условия, при которых мы можем образовывать понятия. Рефлексия есть сознание отношения данных представлений к различным нашим способностям познания и только при ее помощи отношение их друг к другу может быть правильно определено. Раньше всякой дальнейшей обработки своих представлений мы должны решить вопрос, в какой способности познания они связаны друг с другом... Не все суждения нуждаются в исследовании, т.е. во внимании к основаниям их истинности... Но все суждения и даже все сравнения требуют рефлексии, т.о. различения той способности познания, которой принадлежат данные понятия ...

Да будет позволено мне называть место, уделяемое нами понятию или в чувствительности, или в чистом рассудке, трансцендентальным местом. Соответственно этому оценку места, принадлежащего всякому понятию согласно различиям в его применении, и руководство для определения места всякого понятия, согласно правилам, следовало бы называть трансцендентальной топику: эта наука основательно предохранила бы от всяких подтасовок чистого рассудка и возникающей отсюда шумихи, так как она всегда различала бы, какой познавательной способности принадлежат понятия..." [5, с. 186-189].

² "Рефлексия, которая должна происходить в том же сознании, есть состояние совершенно отличное от внешнего восприятия, отчасти даже противоположное ему... Знание в своей внутренней форме и сущности есть бытие свободы... Об этой свободе я утверждаю, что она существует сама по себе... И я утверждаю, что это самостоятельное, особое бытие свободы есть знание... в знании действительного объекта вне меня как относится объект ко мне, к знанию? Без сомнения, так: его бытие а его качества не прикреплены ко мне, я свободен от того и другого. парю над ними, вполне к ним равнодушен... Свободу, необходимую для того, чтобы сознание носило хотя бы форму знания, оно получает от объективирующего мышления, благодаря которому сознание, хотя и связанное с этим определенным построением образов, подымается по крайней мере над бытием и становится свободным от него. Таким образом, в этом сознании соединяются связанная освобожденная свобода: сознание связано в построении свободно от бытия, которое поэтому переносится мышлением на внешний предмет... Рефлексия должна поднять знание над этой определенной связанностью, имеющей место во внешнем восприятии. Оно было связано в построении, следовательно, оно должно стать свободным и безразличным именно по отношению к этому построению, подобно тому как раньше оно стало свободным и безразличным по отношению к бытию... В рефлексии есть свобода относительно построения, поэтому к этому первому сознанию бытия присоединяется сознание построения. В восприятии сознание заявляло: вещь есть, и больше ничего. Здесь новое возникшее сознание говорит: есть также образ, представление вещи. Далее, так как это сознание есть реализованная свобода построения, то знание высказывает о себе самом: я могу создать образ этой вещи, представить ее, могу также и не создавать" [6, с. 8-10].

³ Я описал внешнее восприятие, как такое состояние осознания, причина которого лежит просто в самом существовании сознания, а то новое состояние, которое вызывается рефлексией, как такое, которое задерживает поток причинности, и тогда жизнь становится принципом благодаря возможности свободного акта» [6, с. 15]; см. также [6, с. 138-140].

Во многом это объясняется тем, что не ставилась сама задача создания собственно научных теорий деятельности и мышления. Но если мы ставим и всячески подчеркиваем эту задачу, то непосредственно сталкиваемся с проблемами системно-структурного моделирования, теоретического описания и эмпирического анализа рефлексии в рамках соответствующих научных предметов. Эта задача определяет как тот ракурс, в котором мы должны рассматривать рефлексию, так и средства, с помощью которых мы будем ее изображать.

Естественно (и это должно было вытекать из всего изложенного выше), что рефлексия интересует нас, прежде всего, с точки зрения метода развертывания схем деятельности, т.е. формальных правил, управляющих конструированием, или, при другой интерпретации, изображением механизмов закономерностей естественного развития деятельности [8, с. 36-37]. Однако в этом плане она оказывается слишком сложной. Представления, накопленные в предшествующем развитии философии, связывают рефлексию, во-первых, с процессами производства новых смыслов, во-вторых, с процессами объективации смыслов в виде знаний, предметов и объектов деятельности, в-третьих, со специфическим функционированием а) знаний, б) предметов и в) объектов в практической деятельности. И, наверное, это еще не все.

Но даже этого уже слишком много, чтобы пытаться непосредственно представить все в виде механизма или формального правила конструирования и развертывания схем. Поэтому мы должны попытаться каким-то образом свести все эти моменты к более простым отношениям и механизмам, чтобы затем вывести их из последних и таким образом организовать все в единую систему.

Таким более простым конструктивным принципом служат связи кооперации. Уже из них или на их основе мы выводим потом специфические характеристики функционирования сознания, смыслов, знаний, предметов и объектов. Значит, должна быть создана схема такой кооперативной связи, которая могла бы рассматриваться как специфическая для рефлексии.

В этой роли у нас выступает схема так называемого «рефлексивного выхода». Она была получена в связи с другими задачами⁵, но затем была использована для введения и объяснения рефлексии как таковой. И хотя, наверное, рефлексия может вводиться в контекст деятельности

⁴ Ср. например: рефлексия «название для актов, в которых поток переживания со всеми его разнообразными событиями становится ясно постигаемым и анализируемым» [9, с. 181].

⁵ Решающую роль сыграли два момента: необходимость объяснить специфику и происхождение методологических знаний [10] и полемика с В.А. Лефевром по поводу предложенных им схем и формальных описаний рефлексии [11].

исходя из многих различающихся между собой эмпирических ситуаций, мы повторим здесь вкратце тот способ введения ее, который мы давали в исходных работах.

Представим себе, что какой-то индивид производит деятельность, заданную его целями (или задачами), средствами и знаниями, и предположим, что по тем или иным причинам она ему не удастся: либо он получает не тот материал, либо вообще не может осуществить необходимые действия. В каждом из этих случаев он ставит перед собой (и перед другими) вопрос: почему у него не получилось и что нужно сделать, чтобы все-таки получилось то, что он хочет.

Но откуда и как можно получить ответ на такой вопрос?

Самым простым будет случай, когда он сам (или кто-то другой) уже осуществлял деятельность, направленную на достижение подобной цели в сходных условиях и, следовательно, уже есть образцы такой деятельности. Тогда ответ будет простым описанием соответствующих элементов, отношений и связей этой деятельности, лишь переведенными в форму указания или предписания к построению ее копии.

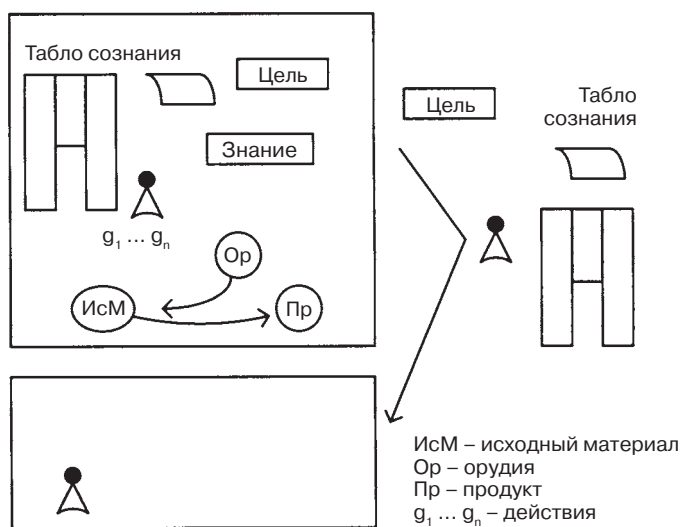
Более сложным будет случай, когда деятельность, которую нужно осуществить в связи с поставленными целями и данными условиями, еще никогда никем не строилась и, следовательно, нет образцов ее, которые могли бы быть описаны в методологических положениях. Но ответ все равно должен быть выдан, и он создается теперь уже не просто как описания ранее совершаемой деятельности, а как проект или план предстоящей деятельности⁶.

Но сколь бы новой и отличной от всех прежних ни была проектируемая деятельность, сам проект или план ее может быть выработан только на основе анализа и осознания уже выполненных раньше деятельностей и полученных в них продуктов.

Каким должен быть этот анализ и фиксирующие его описания и каким образом проект новой деятельности будет опираться на подобные описания - все эти вопросы, которые должны обсуждаться особо.

⁶ Ср. «Чтобы схематизировать себя как таковой, для созерцания ей (способности – Г.Ш.) необходимо раньше своей деятельности увидеть возможность этого действия, и ей должно казаться, что она может его совершить, а может и не совершить. Это возможное действие она не может увидеть в абсолютном должествовании, которое на этой ступени еще невидимо, поэтому она его видит в также слепо схематизированной причинности, которая, однако, не есть непосредственно, причинность, а кажется, что она становится таковой вследствие видимого выполнения способности. А такая причинность есть влечение. Способность должна чувствовать влечение к тому или иному действию, но это не определяет непосредственно ее деятельности, так как такая непосредственность заслонила бы то нее проявление ее свободы, а в ней то весь вопрос... Если способность должна видеть себя как должствующую, то необходимо, чтобы раньше этого определенного видения себя как принцип, она видела бы вообще, а так как она видит только через посредство собственного саморазвития, то необходимо, чтобы она развивалась...» [6, с. 139-140, 138].

А нам важно подчеркнуть, что во всех случаях, чтобы получить подобное описание уже произведенных деятельностей, рассматриваемый нами индивид, если мы берем его в качестве изолированного и «всеобщего индивида»⁷, должен выйти из своей прежней позиции деятельности и перейти в новую позицию, внешнюю как по отношению к прежним, уже выполненным деятельностям, так и по отношению к будущей, проектируемой деятельности. Это и будет то, что мы называем рефлексивным выходом; новая позиция деятеля, характеризующаяся относительно прежней позиции, будет называться рефлексивной позицией, а знания, вырабатываемые в ней, будут рефлексивными знаниями, поскольку они берутся относительно знаний, выработанных в первой позиции.

Приведенная схема рефлексивного выхода будет служить первой абстрактной модельной характеристикой рефлексии в целом.

Рассматривая отношения между прежними деятельностями (или вновь проектируемой деятельностью) и деятельностью индивида в рефлексивной позиции, мы можем заметить, что последняя как бы поглощает первые (в том числе и ту, которая еще только должна быть произведена); прежние деятельности выступают для нее в качестве материала анализа, а будущая деятельность – в качестве проектируемого объекта. Это отношение поглощения через знания выступает как

⁷ Объяснение через гносеологический принцип «изолированного индивида» и детальную критику его см. в книге [12].

вторая, хотя и неспецифическая, характеристика рефлексии в целом⁸. Отношение рефлексивного поглощения, выступающее как статический эквивалент рефлексивного выхода, позволяет нам отказаться от принципа «изолированного всеобщего индивида» и рассматривать рефлексивное отношение непосредственно как вид кооперации между разными индивидами и, соответственно, как вид кооперации между разными деятельностями.

Теперь суть рефлексивного отношения уже не в том, что тот или иной индивид выходит «из себя» и «за себя», а в том, что развивается деятельность, создавая все более сложные кооперативные структуры, основанные на принципе рефлексивного поглощения. Вместе с тем мы получаем возможность даже собственно рефлексивный выход отдельного изолированного индивида рассматривать единообразным способом как образование рефлексивной кооперации между двумя «деятельностными позициями» или «местами». Для того чтобы две деятельности – рефлектируемая и рефлектирующая – могли выступать в кооперации с друг другом как равноправные и лежащие как бы наряду, нужно, чтобы между ними установились те или иные собственно кооперативные связи деятельности и были выработаны соответствующие им организованности материала. Это могут быть собственно «практические» или инженерно-методические производственные связи передачи продуктов одной деятельности в качестве исходного материала или средств в другую деятельность; это могут быть собственно теоретические, идеальные связи объединения и интеграции средств деятельности, объектов, знаний т.п. при обслуживании какой-либо третьей деятельности. Те или другие, но какие-то собственно кооперативные связи должны быть. И это требование сразу создает массу затруднений и парадоксов.

Дело в том, что рефлексивный выход, или, что, то же самое, отношение рефлексивного поглощения, превращает исходную деятельность даже не в объект, а просто в материал для рефлектирующей деятельности. Рефлектируемая и рефлектирующая деятельность не равноправны, они лежат на разных уровнях иерархии, у них разные объекты, разные

⁸ Последняя характеристика получает свой смысл и значение рефлексии только через первую, сама по себе она не содержит ничего специфически рефлексивного. Если мы правильно понимаем Гегеля, то именно это он имел в виду, когда ввел понятие о внешней рефлексии и характеризовал ее как чисто формальное действие: «И мыслительная рефлексия, поскольку она ведет себя как внешняя, равным образом безоговорочно исходит из некоторого данного, чуждого ей непосредственного и рассматривает себя как лишь формальное действие, которое получает содержание и материю извне, а само по себе есть лишь обусловленное последней движение» [7, с. 474]. Вообще, интересно и поучительно, хотя бы в плане анализа языка диалектики, рассмотреть гегелевские определения рефлексии с точки зрения вводимых нами схем и моделей.

средства деятельности, они обслуживаются разными по своему типу знаниями, и чтобы теперь, преодолевая все эти различия, их можно было соединить в рамках единой кооперации практического, теоретического или инженерно-методического типа, нужны весьма сложные и изощренные организации.

Если говорить о науке и научных знаниях, то главными здесь становятся проблемы организации таких научных предметов, которые могли бы постоянно снимать, «сплющивать» рефлексию, т.е. объединять знания, онтологические картины, модели, средства и т.п., полученные в рефлектируемой и рефлектирующей позициях. Именно это породило специфический круг логических и методологических проблем, определявших развитие теоретической логики в XVIII и первой половине XIX вв. Такая постановка вопроса заставляет нас углубляться в более детальный анализ самой рефлексивной связи и объединяемых ею деятельностей. Не имея возможности проводить этот анализ систематически, мы отметим лишь несколько наиболее важных моментов.

Объединение рефлектируемой и рефлектирующей позиции может проводиться либо на уровне сознания – случай, который более всего обсуждался в философии, либо на уровне логически нормированного знания. В обоих случаях объединение может производиться либо на основе средств рефлектируемой позиции (в этих случаях говорят о заимствовании и «заимствованной позиции» [13, с. 14-16]⁹), либо же на основе специфических средств рефлектирующей позиции.

Когда рефлектирующая позиция вырабатывает свои специфические знания, но при этом не имеет еще своих специфических и внешне выраженных средств и методов, то мы говорим о смысловой (или допредметной) рефлексии. Если же рефлектирующая позиция выработала и зафиксировала свои особые средства и методы, нашла им подходящую онтологию и, следовательно, организовала их в особый научный предмет, то мы говорим о «предметной рефлексии»¹⁰.

⁹ «Хотя сознание освободилось от первого состояния, оно все может свободно в него возвращаться. Оно может себя делать таким сознанием, причинность которого заключается только в его бытии. Это возвращение известно всякому под именем внимания. К первому бытию, которое продолжает существовать, не поглощая всецело бытия сознания, прибавилось второе, властвующее над первым. Это второе, раз появившись, не может быть уничтожено, но оно свободно может снова отдаваться первому...» [6, с. 14].

¹⁰ Точнее, нужно было бы говорить о рефлексии, успокоившейся в предмете, ибо здесь стираются все следы его рефлексивного происхождения и дальнейшее развитие предмета может происходить без помощи и посредства знаний, получаемых в заимствованной позиции; сама рефлектируемая деятельность превращается при этом в «чистую практику», оторванную от каких-либо процедур получения знаний.

Каждое из этих направлений связи и организации знаний характеризуется своей особой логикой и методом анализа. Причем одни способы и формы связи сохраняют специфику рефлексивного отношения, т.е. отнесенность знаний к определенным способностям познания (в терминологии Канта), к определенным видам деятельности и предметам (в нашей собственной терминологии), а другие, напротив, совершенно стирают и уничтожают всякие следы рефлексивного отношения. Но это все вопросы, которые нужно обсуждать в специальных работах.

Хотя все изложенное в этом разделе должно рассматриваться скорее как намек на огромную область проблем, нежели как описание или введение каких-то средств и генетических принципов анализа деятельности, этого будет достаточно, чтобы понимать использование идеи рефлексивных отношений при анализе типов знаний, их места и деятельности, а также принципов развития знаний, во многом автономного от развития деятельности.

Литература

1. Философская энциклопедия. Т. 4. - М.: Советская энциклопедия, 1967.
2. Философский словарь. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
3. Локк Дж. Избранные философские произведения. Т. 1. - М.: Мысль, 1960.
4. Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разуме. - М.-Л.: Соцэкгиз, 1936.
5. Кант И. Критика чистого разума. Спб., 1907.
6. Фихте И.Г. 1. Факты сознания. П. Наукословие, изложенное в общих чертах. - Спб., 1914.
7. Гегель. Г. Наука логики. Соч. Т. 3. - М.: Соцэкгиз, 1937.
8. Щедровицкий Г.П. О методе семиотического исследования знаковых систем /Семиотика и восточные языки. - М.: Наука, 1967.
9. Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. 3. Ideen zu einer reinen Phenomenologie und phänomenologischen Philosophie. Buch 1. Allgemeine Einführung in die reine Phenomenologie. Haag, Nijhoff, 1950.
10. Щедровицкий Г.П., Дубровский В.Я. Научное исследование в системе «методологической работы» / Проблемы исследования структуры науки. Изд-во Новосибирского госуниверситета, 1967.
11. Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании /Проблемы исследования систем и структур. М., 1965.
12. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления (к критике гегелевского учения о формах познания). - М.: Высшая школа, 1968.
13. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. - М.: Высшая школа, 1967

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗЛИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «СХЕМА РЕФЛЕКСИИ», «РЕФЛЕКСИВНАЯ РАБОТА», «КОНТЕКСТ РЕФЛЕКСИИ»

В.М.Розин (*Россия*)

Институт философии РАН,
заведующий лабораторией,
доктор психологических наук

В настоящее время представления и понятия рефлексии используются не только в философии и методологии, но и в других дисциплинах. При этом рефлексия часто трактуется столь широко и неопределенно, что впору спросить: продолжают ли авторы иметь дело с рефлексией и пользуются ли они понятиями? Большинство исследователей говорит о рефлексии, как будто это натуральный объект (способность психики, механизм мышления, тип деятельности и т.п.), который можно созерцать и описывать наподобие того, как это делает естествоиспытатель. В то же время анализ показывает, что рефлексия – это объект особого рода: первоначально он возникает в форме определенной коммуникации и объяснения и лишь затем объективируется и «оестествляется» как механизм деятельности и способность. Всего два примера: один, относящийся к истории философии, а другой – к истории Московского методологического кружка (ММК).

В «Метафизике» Аристотель, обсуждая, что собой представляет самое первое начало (Разум, божество), вводит схему («При этом разум, в силу причастности к предмету мысли, мыслит самого себя, соприкасаясь и мысля, так что одно и то же есть разум и то, что мыслится им» [1, с. 211]), которую сегодня мы бы ретроспективно могли отнести к одной из первых схем рефлексии. Эта схема понадобилась, чтобы замкнуть и обосновать построенный им органон знаний и наук, поскольку существовала конкуренция философских взглядов, а в системе Аристотеля было неясно, как обосновать начала, на которые опирались доказательства. Вводя такое начало, как божественный Разум, созерцающий и мыслящий самого себя, и подчиняя ему все остальные

начала (отдельных наук), Аристотель укрепляет свою систему, чтобы она могла противостоять критике со стороны других философов. Исходный контекст в данном случае – необходимость обосновать построенную систему в ситуации философской конкуренции и критики; рефлексивная работа состоит в истолковании философского и научного мышления, как представляющего собой проявление божественного Разума («Разум мыслит самого себя, раз мы в нем имеем наилучшее». «И умозрение есть то, что приятнее всего и лучше. Если поэтому так хорошо, как нам, богу – всегда, то это изумительно: если же – лучше, то еще изумительней» [1, с. 211, 215]). Обратим внимание: схема рефлексии («мышление, мыслящее само себя») – это всего лишь один момент в структуре рефлексивной работы, относящийся к организации и своеобразной визуализации смыслов, работы, которая, в свою очередь, обусловлена контекстом рефлексии.

Второй пример. При формировании ММК (вторая половина 50-х годов, первая половина 60-х) А.Зиновьевым и Г.Щедровицким была поставлена задача изучения мышления. При этом отрицались и подвергались критике традиционные подходы к изучению мышления – формально-логический и психологический. Не ориентировались участники ММК (подобно Аристотелю или Канту) и на разрешение парадоксов в мышлении. Зато они стремились реализовать при исследовании мышления естественнонаучную установку (подход), исторический и семиотический подходы, некоторые идеи Маркса и Л.С. Выготского. Не менее существенным была структура самого исследования мышления, включавшего в себя: *семинарскую работу (коллективное мышление), жесткую критику и обсуждение каждого шага представляемого очередным докладчиком исследования, рассмотрение альтернативных шагов других участников, формулирование для данного случая и шагов принципов и правил работы и мышления, схематизацию выдержавших критику и обоснование шагов исследования и полученных результатов* [4]. Уже задним числом через несколько лет вся эта работа осознавалась как рефлексия коллективного мышления. Спрашивается, почему как рефлексия, а не что-нибудь другое? Потому, что мышление истолковывалось в деятельностной онтологии (с самого начала формулировалась задача «изучения мышления как деятельности»), а также потому, что подразумевалась установка на развитие мышления [4]. Схема рефлексии в данном случае шла от представлений Гегеля, Фихте и Маркса, сформулировавших идею развития (развертывания) целого, по сути, понимаемого как деятельность, через механизм его отображения, приписываемого этому же целому. В данном случае контекст рефлексии – это задача изучения мышления как деятельности и предположение, что мышление развивается. Рефлексивная работа – коллективное мышление, включающее критику,

обоснование, альтернативные шаги, формулирование принципов и правил, схематизацию полученных результатов.

Анализ этих двух и других случаев показывает, что по материалу все три компонента рефлексии – схемы, работа и контекст могут существенно различаться. Что же тогда характеризует сущность рефлексии? Во-первых, *особый тип коммуникации и работы*. Рефлексия предполагает выход из сложившегося мышления, предмета, реальности и возможность как бы из другой плоскости представить (описать, схематизировать) материал того, что было в том месте, откуда рефлексирующий вышел. Последнее, как утверждает Михаил Бахтин, возможно лишь за счет позиции «внеаходимости», то есть особой коммуникации, например, «Я и Другой», «коллективная работа и критика», «Я в одной позиции и Я в другой позиции» и т. д. Во-вторых, *рефлексия – это установка на развитие, изменение, продуктивное мышление* и так далее, противостоящие установке на воспроизводство сложившихся способов работы. В-третьих, рефлексия предполагает *специфическое объяснение собственной работы и мышления, а именно: в реальности деятельности и развития*. Осмысление этой реальности в определенной линии развития мысли строится на основе схемы рефлексии.

Рефлексивное объяснение развития предполагает, с одной стороны, *универсумализацию*, то есть задание такого целого, который *совмещает в себе и то, что развивается, и механизм развития*, с другой – особую логику естественного и искусственного, когда *естественное объясняется через искусственное, и наоборот* [2; 3]. Подобное объяснение развития хотя и широко распространено в философии, методологии и отдельных науках, но, по сути, неадекватно, так как проблемы, коммуникация, коллективная работа, схематизация, объективизация, «оестествление» и другие реальные факторы и механизмы развития трактуются в превращенной форме [2; 3]. Например, как с точки зрения культурно-исторической реконструкции можно понять утверждение Аристотеля, что, когда он мыслит, то всего лишь воспроизводит божественный образец Разума, мыслящего самого себя? Вернемся еще раз к анализу работы Аристотеля.

Приписывая началам рассуждения такое свойство, как недоказуемость, Аристотель фиксировал, с одной стороны, сложившуюся практику (каждый мыслитель что-то принимал как начало, а другие знания уже доказывал на основе этого положения); с другой – он исходил из очевидного соображения, что при выяснении оснований доказательства нельзя идти в бесконечность, где-то приходится остановиться и это последнее положение уже не может быть доказано.

Но как в этом случае быть с самими началами, как убедиться в их истинности? Вопрос непростой. Часть ответа на него Аристотель по-

лучает, рефлексирова практику построения начал: их строили, обобщая эмпирический материал, характеризующий определенный предмет.

Однако это только часть ответа. Начала задают объект как таковой; следовательно, они являются элементами того, что есть на самом деле, – последнего целого, вне которого ничего уже нет. Но последнее целое (об этом говорил еще Фалес) – это бог или объектность («Все»). Соответственно, для двух этих образований Аристотель находит два явления – «Разум» и «Единое». Исходя из этого мироощущения, Аристотель трактует все начала, как принадлежащие одному целому (божественному Разуму), и стремится упорядочить все знания и науки, устроить из них совершенный мир, управляемый разумом («Между тем, – говорит Аристотель, – мир не хочет, чтобы им управляли плохо. Не хорошо многовластье: один да будет властитель» [1, с. 217]).

Но как Разум (Единое) связать с отдельными началами, ведь они все разные и их много? Чтобы преодолеть этот разрыв, Аристотель вводит особые промежуточные начала: категории (сущность, суть бытия, род, вид, количество, качество, причина, форма, материя, природа, многое, возможность, действительность, способность, владение, лишение и др.), из которых, как из конструктора, «создаются» сами начала отдельных наук. Например, вещи Аристотель составляет из сути бытия, формы, материи и относит к определенному роду и виду. Изменение (движение, рост, заболевание и т. д.) составляется из сущностей, сути бытия, форм, материи, способности, возможности, действительности, качества, количества, состояния. В системе Аристотеля категории стоят выше начал, но ниже Разума (Единого).

Приводя таким образом движение к основаниям рассуждения, то есть началам, Аристотель, как бы мы сегодня сказали, отчасти рефлексировал и свою собственную позицию по отношению к другим мыслителям. Ведь Аристотель предписывал им, навязывал определенные правила и модели рассуждения. От чьего имени он выступал? От имени божественного Разума, от имени порядка и блага. Следующий вопрос, который здесь возникал, что такое божественный Разум (Единое)? Раз сам Аристотель выступает от имени божественного Разума, то, рефлексирова собственную деятельность, Аристотель тем самым отвечает на вопрос, чем занят божественный Разум. Что же делает Аристотель как философ? Во-первых, мыслит. Во-вторых, предписывает другим мыслителям, т. е. мыслит (нормирует) их мышление. Отсюда получается, что «божественный Разум» – это «мышление о мышлении», то есть рефлексия и созерцание (усмотрение, «умозрение» новых знаний и начал).

Так или примерно так рассуждал Аристотель. Осознавал ли он связь своей позиции с представлениями о Разуме или нет (вероятно,

не осознавал), но, во всяком случае, Аристотель построил систему рассуждений, оправдывающую его позицию и деятельность. При этом Аристотелю пришлось установить иерархические отношения в самом мышлении: одни науки и начала являются подчиненными (фактически нормируемыми), а другие (первая философия, первые начала) – управляющими. Если «вторые» науки и начала («вторая философия») обосновываются в первой философии, то последняя как бы является самообоснованной, коль скоро сам философ исходит из блага и божественного Разума. В конечном счете, философ, подобно поэту, который действовал как бы в исступлении, душой которого овладевали музы, также действовал не сам, а как божественный Разум. Правильность же его построений гарантировалась, если он исходил из единого, блага и божественного [5, с. 35-163].

Конечно, одной рефлексии и опрокидывания в мышление сложившихся отношений нормирования было недостаточно; в конце концов каждый крупный философ считал себя мудрым, т. е. посвященным в божественное. Система Аристотеля не имела бы той значимости и силы, если бы в ней не был предложен весьма эффективный принцип организации и упорядочения всего мыслительного материала, всех полученных знаний. Весь мыслительный материал упорядочивался и организовывался, с одной стороны, в связи с иерархическим отношением нормирования, с другой – в связи с требованием доказательства всех положений (кроме начал); с третьей стороны, в связи с удовлетворением правил истинного рассуждения (мышления). Сами же эти правила строились так, чтобы избежать противоречий и, одновременно, ассимилировать основную массу работающих эмпирических знаний, полученных в рамках мышления.

Если принимать эту реконструкцию, то приходится признать, что намеченная Аристотелем схема рефлексии была, с одной стороны, с современной точки зрения, неадекватна, в том смысле, что не отражала реальную ситуацию и работу Аристотеля, но с другой – вполне адекватна, поскольку обеспечивала для Аристотеля и философов его времени необходимое обоснование и осмысление философской работы. Более того, те философы, которых Аристотель убедил в том, что через него действует божественный Разум, мыслящий мышление, брали данную схему рефлексии на вооружение и начинали мыслить, руководствуясь этой схемой, то есть, как бы мы сказали сегодня, осуществляя рефлексию.

Таким образом, хотя схема рефлексии, с точки зрения современного уровня развития методологии, и неадекватно представляет реальную мыслительную работу, она вполне успешно работает в ситуации, когда формы методологического осознания и работы не позволяют понять,

что же происходит на самом деле. Говоря «на самом деле», я отдаю себе отчет, что на следующем этапе развития мышления, выяснится, что на самом деле – это тоже превращенная форма мышления, а не реальность как таковая.

Рассмотренный здесь материал позволяет говорить о четырех основных этапах в *жизненном цикле рефлексии*. Первый можно назвать «предрефлексивным», второй – этапом «рефлексивной схематизации», третий – «объективации и оестествления» рефлексии, четвертый – этапом «распредмечивания рефлексии». Например, реальная работа Аристотеля по построению античного органаона знаний, предполагая, что сначала он еще не задумывался, как обосновать свои построения, или работа участников ММК в начале 60-х годов, когда они использовали представление о рефлексии как один из философских терминов наряду с другими, а не для того, чтобы нормировать свою работу, – то и другое может быть отнесено к предрефлексии. Построение схем рефлексии («мышление о мышлении» и «рефлексия деятельности»), а также использование их для осмысления и обоснования реальной работы – примеры рефлексивной схематизации. Превращение схем рефлексии в объекты изучения, использование их в качестве онтологических схем или даже моделей рефлексии – примеры объективации и оестествления. Кстати, этот этап позволяет и формировать соответствующие «способности рефлексии» (в этом последнем случае можно говорить и об этапе «субъективации рефлексии»). Наконец, демонстрируемый здесь мной этап анализа рефлексии вполне может быть отнесен к распредмечиванию рефлексии.

Означает ли все сказанное, что понятие рефлексии постепенно должно сходить со сцены – или использование превращенных форм мышления (в частности, рефлексии) является обязательным условием любого развивающегося мышления?

Литература

1. Аристотель. Метафизика. М.-Л. 1934.
2. Розин В.М. Рефлексия как культурно-исторический и психологический феномен // КЕНТАВР. Вып. 24. М., 2000.
3. Розин В.М. Понятие рефлексии в философии и современной методологии // Рефлексивное управление. М., 2000.
4. Творческий путь и личность Г.П.Щедровицкого // Вопросы методологии. 1995. № 1-2.
5. Розин В.М. Культурология. М., 1998, 1999, 2000.

ОПЫТ СОБЫТИЙНОЙ ТРАНСКРИПЦИИ РЕФЛЕКСИИ*

В.А.Петровский (Россия)

Российская академия образования,
доктор психологических наук

Говоря о событийной транскрипции высказываний рефлексивной алгебры Лефевра, я буду иметь в виду знакосочетания формального языка, фиксирующие одновременно рефлексию как состоявшийся акт («событие») и как динамическое единство его сторон, а именно источника и содержания рефлексии («со-бытие» того, что отражается и отражает, и того, что образует отражение как таковое).

Чем обусловлена желательность такой транскрипции? На наш взгляд, возможности, содержащиеся в рефлексивных построениях Лефевра, в том числе, и в его ранних работах, напоминают о себе каждому, кто ощущает себя вовлеченным в «рефлексивное движение» (В.Е. Лепский), инициированное основателем Школы. «Событийная транскрипция» – один из фрагментов «самоактуализации» его идей. Целесообразность событийной транскрипции рефлексивных многочленов Лефевра обусловлена также интересами практики (к прикладным аспектам рефлексивной теории я отношу также ее участие в построении смежных *фундаментальных наук* и психологии, в частности).

Идею событийной транскрипции состояния рефлексивной системы мы обсудим, обращаясь к самой простой форме рефлексивного оператора Лефевра ($1 + x$) и порождаемому при этом состоянию рефлексивной системы:

$$T(1 + x) = T + Tx$$

Здесь T – плацдарм; Tx – плацдарм с точки зрения X . Символ «+» сводит вместе объективный (физический) и субъективный (психический) аспекты рефлексии, реализуемой персонажем X по отношению

к плацдарму T . Таковы некоторые исходные символы, участвующие в развертке рефлексивной алгебры В.А. Лефевра (этими простыми символами, а также некоторыми, немногим более сложными, мы ограничимся в нашем анализе).

Мы уже отмечали однажды, что выражение $T + Tx$ может интерпретироваться в терминах гегелевской *идеи* как единство рефлекслируемого объекта и его рефлексивного образа¹. Сама по себе возможность подобной формализации – явление чрезвычайной значимости для тех наук, которые имеют дело с соотношениями субъективного и объективного. В первую очередь это касается психологии. Но для того, чтобы раскрыть потенциал использования предлагаемых логических фигур рефлексивной алгебры, нам кажется необходимым сделать еще один шаг в направлении интерпретации и формализации результатов применения рефлексивных операторов $(1 + x + \dots)$.

Формальное обустройство «внутренних миров» персонажей. Обращаясь к выражению $T + Tx$, мы не можем не отметить тот факт, что в этой записи отсутствует какое-либо явное указание на «внутренний мир» персонажа X , а также что здесь не зафиксирована позиция персонажа X как «носителя» рефлексивного образа T . Обнажается парадоксальность ситуации: объект рефлексии *существует* (это плацдарм T), образ рефлексии *существует* (это Tx), однако, на фоне этого, отсутствуют субъективное (сознание – «в чем») и объективное (субстрат – «в ком») «пространства» существования рефлексивного образа. Это парадоксальное положение дел изменяется только тогда, когда усложняется оператор рефлексии, например, когда он приобретает вид $(1 + x + yx)$. В этом случае персонаж X приобретает свой «внутренний мир», в котором начинает «жить» образ T , вместе с образом Ty , и кроме того X обнаруживает себя как носитель присущих ему образов мира (образов «плацдарма» T). Напомним читателю, как выглядит теперь «внутренний мир» персонажа X , символизируемый содержимым скобок в правой части равенства:

$$T(1 + x + yx) = T + Tx + Tyx = T + (T + Ty)x.$$

Таким образом, сравнивая состояния рефлекслирующих систем, порожденных операторами $(1 + x)$ и $(1 + x + yx)$, мы замечаем принципиальное различие в описании их строения (отсутствие в первом случае символов внутреннего мира и его носителя и наличие того и другого во втором случае). Естественно поставить вопрос: следует ли просто

¹ В.А. Петровский. «Идея» Гегеля, «оператор осознания» Лефевра и самопричинность «Я» // Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума 17-19 октября 2000 г. (под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского), Москва – 2000.

«привыкнуть» к этому парадоксу, воспринимая подобное положение вещей как некую данность, или, быть может, попытаться обнаружить такую форму записи, которая позволила бы изображать состояние рефлекслирующей системы **единообразно**, безотносительно к уровню сложности реализуемого оператора рефлексии?

Ограничение прерогатив маргинального языка. Необходимость поиска новой формы записи состояния рефлекслирующей системы может быть мотивирована еще одним соображением. Речь идет о достижении соответствия (конгруэнтности) символического и текстового (словесного) рядов в рефлексивных построениях. Существуют, по сути, три языка рефлексивной теории В.А. Лефевра. Это – вполне безупречный формальный язык (язык символов и логико-математически определенных отношений между ними). Далее – будто манна небесная! – метаязык (он проясняет для нас смысл используемых символов и отношений формального языка). И, наконец, язык, как бы промежуточный, – язык, на котором создатель рефлексивной алгебры вносит *логически необходимые* пояснения к логико-математическим отношениям, присутствующим в формальном языке, не формализуя, однако, сами эти пояснения. Назову такой язык «встроенных» уточнений языком маргинальным. Существование маргинального языка в составе языка теории – явление вполне естественное. Было бы абсолютной нелепостью (симптомом маниакальной одержимости) стремление изгнать маргинальный язык из сферы развивающейся теории. Более того, думаю, что о *развивающейся* теории можно судить по приметам присутствия в ней маргинального языка. Однако в рефлексивной логике, как мне кажется, порою ощущается его избыток, заслоняющий необходимость развертки формального языка². Событийные транскрипции призваны преодолеть эту избыточность. Они посягают на «исключительные права» обыденного языка придавать тот или иной смысл символам формального языка. И здесь я имею в виду, в частности, формальное различие двух картин реальности: с позиции внешнего и внутреннего наблюдателей. Пока что еще тут не достигнута должная конгруэнтность между символами, используемыми в записях, и текстовым (словесным) сопровождением этих символов. Вот что пишет В.А. Лефевр в классической работе «Конфликтующие структуры»: «...Пусть мы имеем два члена Tx и Ty . Персонаж Y может иметь как адекватное отражение Tx , так и принципиально неадекватное. Символика регистрирует лишь факт «существования» такого члена

² Маргинальный язык – особый искус для тех, кто работает в жанре популяризации научных теорий или пытается «напрямую» приложить ее к решению своих насущных проблем. При этом популяризация (как это случилось, например, с идеями гениального создателя трансактного анализа Эрика Берна) может привести к свехупрощениям и нанести удар по имиджу теории.

во внутреннем мире персонажа *Y*. Поэтому *при употреблении символики необходим специальный комментарий* (выделено мною – В.П.), характеризующий степень адекватности с позиции внешнего исследователя»³. Возникает вопрос: а если бы мы захотели обойтись без «специального комментария» (ведь маргинальный язык по мере развития теории рано или поздно должен быть проработан на формальном уровне)?

Итак, суммируем сказанное. Нам приоткрылась проблема: как «обустроить» (формально) внутренние миры персонажей, обеспечивая единообразие в записи состояния рефлексивной системы независимо от степени сложности рефлексии? как зафиксировать возможное несоответствие картины реальности и самой этой реальности во внутреннем мире персонажей, опуская словесные комментарии, принадлежащие маргинальному языку?

Примеры событийной транскрипции. Предлагаемое нами (очень простое, по крайней мере, в исходной посылке) решение заключается в том, чтобы, во-первых, выражению $T + Tx$ поставить в соответствие выражение

$$T + Tx \rightarrow T + \{(T)'\}X,$$

а, во-вторых, раскрыть выражение $\{(T)'\}X$ как объединение двух элементов $\{(T)'\}X$ и $\{(T)'\}X$. Поясним вначале запись $\{(T)'\}X$. Эта запись набрана курсивом и читается так: «Образ T в X и вместе с X ». Речь, таким образом, идет о содержании внутреннего мира персонажа X , о присутствии во внутреннем мире образа T , который выступает здесь совместно («наряду», «на равных») с X .

Как видим, в этой записи используются три новых знака, а именно фигурные скобки $\{ \}$, круглые скобки $()$, верхний индекс (штрих « $'$ » над символом справа); при этом, дополнительно, укрупняется буква x (по сравнению с традиционной записью) справа от T , превращаясь в X . Заметим также, что вся запись в правой части приведенного выше соотношения (включая и особняком стоящее T) набрана курсивом.

Фигурные скобки будут обозначать для нас тот факт, что речь идет о содержании внутреннего мира X , **круглые скобки**⁴ – о том, что имеется в виду некоторое событие, в данном случае, характеризующее элемент T (а именно, тот факт, что T берется как целое), а **штрих над скобками сверху и справа** говорит о том, что рассматривается образ этого события. **Укрупнением буквы X** мы подчеркиваем особое значение, которое

³ В.А. Лефевр. Конфликтующие структуры. Издание третье. М., 2000. С. 15.

⁴ Скобки использует и сам В.А.Лефевр, но только тогда, когда он объединяет между собой «рифмующиеся» элементы, вида Tx и Tux (то есть осуществляет процедуру вынесения наблюдателя X за скобки).

придается персонажу X : он выступает здесь одновременно как субъект и носитель образа T .

Курсив вводится для того, чтобы предотвратить смешение исходной и модифицированной записей (особенно тогда, когда мы опустим, в интересах облегчения восприятия, фигурные или круглые скобки). Осталось пояснить операцию подчеркивания: она обозначает тот факт, что мы фиксируем и как бы извлекаем из выражения соответствующую «часть» (то есть, это операция «абстрагирования»): поэтому выражение $\{(T')\}X$ может быть прочитано как: «Образ T во внутреннем мире X », а выражение $\{(T')\}\underline{X}$, соответственно, « X как субъект и носитель образа T ». Запишем последовательность предпринятых шагов:

$$T(1+x) \rightarrow T + \{(T')\}X = T + \{(\underline{T})'\}X + \{(T')\}\underline{X}.$$

Именно это выражение дает нам пример *событийной транскрипции рефлексивной системы*; термину «событийная транскрипция» здесь соответствует результат применения рефлексивного оператора $(1+x)$ к плацдарму T .

Отталкиваясь от соотношения, образующего событийную транскрипцию рефлексивной системы, мы можем сделать еще один шаг, характеризующий результирующую транскрипцию состояния рефлексивной системы. Постулируя, что $\{(\underline{T})'\}X = (T)''$, а $\{(T')\}\underline{X} = X$, а также что $(T)' = T''$, мы, таким образом, приходим к выражению итоговому выражению $T + T' + X$, которое даёт нам пример искомой результирующей формы. Итак,

$$T(1+x) \rightarrow T + \{(T')\}X = T + \{(\underline{T})'\}X + \{(T')\}\underline{X} = T + T' + X.$$

Сравнивая событийную и результирующую транскрипции рассматриваемой системы и отмечая преемственность, существующую между ними, мы должны отметить, что событийная транскрипция позволяет описать содержание внутреннего мира персонажа X , а результирующая – итог рефлексии с позиции универсального наблюдателя.

Уточнения, подобные тем, которые предложены выше, могут заметно модифицировать рабочие формы записи состояния рефлексивной системы, соответствующие операторам различной степени сложности.

То, что мы получаем при этом, выражает факт рефлексии, предпринимаемой персонажами X , Y , Z , ..., и в частности, без сопутствующих комментариев, – устройство «внутреннего мира» каждого из персонажей при учете возможного несовпадения реальности T и образов этой реальности в их сознании⁵. Фиксируется также тот факт, что X может обладать образом Y , который, будучи частью содержания внутреннего мира X , не обязательно идентичен Y .

Событийные транскрипции рефлексии и категория «Я». Рассмотрим, как «работает» предлагаемая система фиксации рефлексивных актов в прикладном плане – в области психологии «Я». Рефлексивная логика Лефевра, с учетом сделанных уточнений, связанных с введением событийных транскрипций, предоставляет замечательные возможности для обсуждения интересующей нас психологической категории. Поскольку речь идет далее именно о «Я» (а оно определяется нами как «индивид в саморефлексии»⁶), мы будем иметь дело с совершенно уникальной ситуацией, когда «плацдарм T » и рефлекслирующий его «персонаж X » выступают как что-то *одно*. И поэтому мы вполне вправе обозначить оба элемента одним символом. Пусть этим символом будет «человечек», с легкой руки В.А.Лефевра вот уже тридцать лет след в след сопровождающий методологов во всех их странствиях. Итак, мы можем записать сейчас вместо знакосочетания $T + \{(T')\}X$ знакосочетание $\text{♂} + \{(\text{♂})'\} \text{♂}$.

Заметим теперь, что имеет место следующее тождество:

$$\text{♂} + \{(\text{♂})'\} \text{♂} = \{(\text{♂})'\} \text{♂},$$

ведь знакосочетание $\{(\text{♂})'\} \text{♂}$ означает объединение $\{(\text{♂})'\}$ и ♂ , а последняя из двух его частей, как мы помним, равна ♂ ; объединяя между собой ♂ и ♂ (чисто «лефевровский» ход!), мы элиминируем избыточный элемент ♂ . Выражение $\{(\text{♂})'\} \text{♂}$ естественно трактовать как *единство индивида и его рефлексивной представленности в самом себе*. То же может быть выражено и иначе, когда мы подчеркиваем, что имеется в виду *образ индивида, существующий в самом индивиде и рассматриваемый совместно с ним* (сравните это описание с тем, которое имеет более общий характер и приведено ранее: $\{(T')\}X$ – это образ T в X , рассматриваемый вместе с X).

То, что у нас получилось при этом, представляет собой самое простое определение «Я» («Я» как таковое):

⁵ Приведем еще один пример событийной и резюмирующей транскрипций:

$T(1 + ux) \rightarrow T + \{((T)Y)\}X = T + \{((I)Y)\}X + \{((T)Y)\}X$ (событийная транскрипция) = $T + \{((T)Y)\} + X = T + \{((I)Y) + ((T)Y)\} + X = T + ((T) + Y) + X = T + (T)'' + Y' + X = T + T'' + Y' + X$ (резюмирующая транскрипция). Важно заметить также, что, отталкиваясь от постулируемых условий, выражение $\{((I)Y)\}X + \{((T)Y)\}X$ можно сразу записать в более простом виде (опуская круглые скобки), а именно $\{I''Y\}X + \{T''Y\}X$, что существенно проясняет нам архитектуру событийной транскрипции. Последнее выражение можно записать еще более просто (опуская фигурные скобки): $I''Y'X + T''Y'X$.

Итак: $T(1 + ux) \rightarrow T + \{((T)Y)\}X = I''Y'X + T''Y'X = T + T'' + Y' + X$ (эта «сумма» в общем случае – некоммутативная).

⁶ В.А. Петровский. «Идея» Гегеля, «оператор осознания» Лефевра и самопричинность «Я» // Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума 17-19 октября 2000 г. (под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского), М., 2000.

$$\langle Я \rangle = \{ (\text{♂})' \} \text{♂}.$$

Принципиально, что в этом базовом определении «Я» могут быть выделены «стороны» - объективная и субъективная ипостаси «Я». Так, в частности, $\{ (\text{♂})' \} \text{♂}$ будет означать для нас, что речь идет об индивиду как *источнике* саморефлексии. Понятие «источник саморефлексии» может быть далее детализировано посредством выделения в нем таких аспектов как «объект», «субъект» и «носитель» рефлексии. Симметричная запись, а именно $\{ (\text{♂})' \} \text{♂}$, указывает на содержание саморефлексии индивида; оно, соответственно, может быть детализировано посредством выделения в нём «образа», «произведения» («продукта») и «достояния»⁷ рефлексии. Таким образом, запись $\{ (\text{♂})' \} \text{♂}$ может быть представлена как сумма двух записей:

$$\{ (\text{♂})' \} \text{♂} = \{ (\text{♂})' \} \text{♂} + \{ (\text{♂})' \} \text{♂}.$$

Итак, подытоживая, мы имеем:

$$\langle Я \rangle = \text{♂} + \{ (\text{♂})' \} \text{♂} = \{ (\text{♂})' \} \text{♂} = \{ (\text{♂})' \} \text{♂} + \{ (\text{♂})' \} \text{♂}.$$

Обратим внимание на то, что, формулируя эти соотношения, мы исходим из предположения, что человек ♂ может быть отождествлен с собой как *субъектом и носителем рефлексии* – $\{ (\text{♂})' \} \text{♂}$ и – собою же как объектом рефлексии: ♂ .

Сосредоточимся теперь на двух выражениях, определяющих «Я»: $\{ (\text{♂})' \} \text{♂}$ и $\{ (\text{♂})' \} \text{♂} + \{ (\text{♂})' \} \text{♂}$. Первое выражение описывает «Я» как некое событие: факт состоявшейся саморефлексии индивида; второе описывает «Я» как *со-бытие*, подчеркивая тем самым факт двойственности бытия индивида: сосуществование его в качестве источника и содержания рефлексии.

Приведенные рассуждения могут быть распространены на более сложные разновидности «Я». Событийная транскрипция позволяет в емкой форме выразить существо их внутреннего построения. Поставим в соответствие знакосочетанию $X(1 + xw \dots ux)$ знакосочетание $X(X^{(n)}W^{(n-1)} \dots Y^{(2)}X^{(1)})$ и приравняем последнее к знакосочетанию $X^{(n+1)}X^{(n)}W^{(n-1)} \dots Y^{(2)}X^{(1)}$. Здесь n – число элементов в исходной записи $w \dots zu$; далее, любая пара $\dots V^{(k)}U^{(k-1)} \dots$ интерпретируется как «образ персонажа V в персонаже U , берущийся вместе с U », а $X^{(1)}$ отождествляется с X . Здесь X – носитель, объект и субъект образа себя самого, причем данного себе в рефлексии *опосредствованно* – через образы других персонажей, которые отражают его и, кроме того, отражаются друг в друге. Эти рассуждения могут быть обобщены на все виды рефлексивных операторов⁸. При введении дополнительных логико-символичес-

⁷ Вместо термина «достояние» можно использовать более привычное слово «данность».

ких конструкциях удастся описать и строго определить такие формы «Я» как автономное «Я» (оно имеет вид $X^{(n)} \dots X^{(2)}X^{(1)}$), социальное «Я» ($X^{(n)}W^{(n-1)} \dots Y^{(2)}X^{(1)}$), интегральное «Я» (сочетание различных по сложности «автономного» и «социального» «Я»). Детализируются также понятия, образующие каждую из выделенных категорий (например, автономное «Я») предстает как своего рода каскад связанных между собой рекурсивным отношениями Идей: «Я» как *такового* (X^2X^1), *наличного* «Я» ($X^3X^2X^1$), *когитального* «Я» ($X^4X^3X^2X^1$). Кроме того, открывается доступ к анализу таких явлений субъектности как “свободная причинность «Я»” (см. упомянутые выше статью автора в сборнике тезисов международного симпозиума по проблемам рефлексивного управления), особого феномена самосознания – «Невидимки во мне» (сообщение автора на этом симпозиуме) и др.⁹

Событийная транскрипция состояния рефлексивной системы обладает тем замечательным свойством, что она, как косточки четок, может быть разъята и воссоединена вновь в любом месте. Положим, событийная транскрипция содержит 32 элемента – по числу букв русского алфавита:

$$A^{(32)}B^{(31)}B^{(30)} \dots K^{(21)}Л^{(20)} M^{(19)} H^{(18)} \dots Э^{(3)}Ю^{(2)}Я^{(1)}.$$

В этом случае она может быть представлена, например, в такой форме:

$$A^{(32)+} B^{(31)} B^{(30)} \dots K^{(21)}Л^{(20)} M^{(19)} H^{(18)} \dots Э^{(3)}Ю^{(2)}Я^{(1)},$$

и такой:

⁸ Всё только что сказанное, заметим, дает нам пример «маргинального языка», который в дальнейшем может и должен быть подвергнут формализации.

⁹ Строго говоря, и в общем случае, речь должна идти о переходе от знакосочетания $T(1+xw \dots ux)$ к знакосочетанию $T/X(n)W(n-1) \dots Y(2)X(1)E/$. Обратим внимание на косые скобки //, в которые заключено знакосочетание $X(n)W(n-1) \dots Y(2)X(1)E$; они указывают на то, что имеется в виду особый оператор, «применяемый» к T. В результате реализации этого оператора мы получаем знакосочетание вида $T(n+1)X(n)W(n-1) \dots Y(2)X(1)E$. Здесь E – это, своего рода, «единичный» элемент, обладающий свойством совершенного отражения любого элемента слева. Перед нами «чистая форма», принимающая в себя и сохраняющая в себе бытие любых других форм. В отношении E определены следующие формальные условия функционирования: $V[E] = V(1)E$ (образ персонажа V в персонаже E в сочетании с E) = VE (персонаж V как таковой в E и вместе с ним), что дает нам соотношение $\underline{VE} + V\bar{E} = V+E$; и, кроме того, $E/V/ = E(1)V = EV$ (образ E в V идентичен E) = $E + V$. Отметим, что «применение» оператора $/X(n)W(n-1) \dots Y(2)X(1)E/$ к X – при определении «Я» – порождает новый элемент E, который должен быть присоединен к выражению $X(n+1)X(n)W(n-1) \dots Y(2)X(1)$:

$$«Я» = X/X^{(n)}W^{(n-1)} \dots Y^{(2)}X^{(1)}E/ = X^{(n+1)}X^{(n)}W^{(n-1)} \dots Y^{(2)}X^{(1)} + E.$$

Элемент E в правой части равенства может интерпретироваться как «планшет», на котором зафиксировано состояние рефлексивной системы, или как «объективное сознание» Наблюдателя, или, наконец, как «рамки», в которые мы можем мысленно погрузить результаты деятельности предшествующей рефлексии. Зарисуем результат подобного «погружения»: «Я» = $X/X^{(n)}W^{(n-1)} \dots Y^{(2)}X^{(1)}E/ = X^{(n+1)}X^{(n)}W^{(n-1)} \dots Y^{(2)}X^{(1)}$.

$$A^{(32)}B^{(31)}B^{(30)} \dots K^{(21)}L^{(20)} + M^{(19)}H^{(18)} \dots \mathcal{E}^{(3)}\mathcal{I}\mathcal{O}^{(2)}\mathcal{Y}^{(1)},$$

и такой:

$$A^{(32)}B^{(31)}B^{(30)} \dots K^{(21)}L^{(20)} M^{(19)}H^{(18)} \dots \mathcal{E}^{(3)}\mathcal{I}\mathcal{O}^{(2)} + \mathcal{Y}^{(1)},$$

и такой:

$$A^{(32)}B^{(31)}B^{(30)} \dots K^{(21)} + L^{(20)} M^{(19)} + H^{(18)} \dots \mathcal{E}^{(3)}\mathcal{I}\mathcal{O}^{(2)}\mathcal{Y}^{(1)}$$

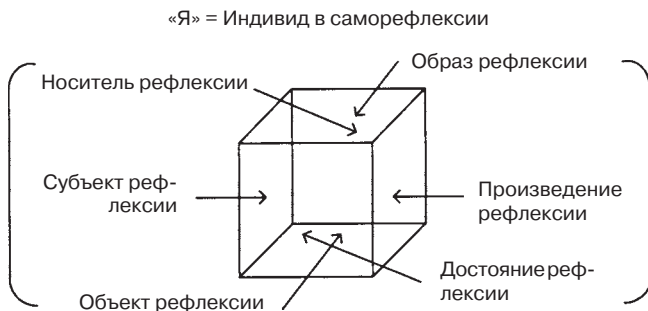
и наконец, такой:

$$A^{(32)} + B^{(31)} + B^{(30)} + \dots + K^{(21)} + L^{(20)} + M^{(19)} + H^{(18)} + \dots + \mathcal{E}^{(3)} + \mathcal{I}\mathcal{O}^{(2)} + \mathcal{Y}^{(1)}.$$

Это свойство совершенно уникально: «произведение» элементов, превращается в совокупность «сумм» «произведений» (а в конечном счете и самих элементов). Таково, должно быть, вознаграждение за нарушение коммутативности результирующей транскрипции рефлексии системы (см. прим. 9).

«Живой знак» Идеи. Остановимся также на осмысления символа «+» в приведенных записях. Перед нами не только знак суммы, объединения чего-то с чем-то. Перед нами – знак перехода, превращения чего-то во что-то. Такова, как мы уже отмечали, природа «Идеи». Правомерен вопрос: не существует ли знак, который бы непосредственно указывал нам на объединение и взаимопереход «объективного» и «субъективного» аспектов «я»? Речь идет о «динамическом знаке» («существует ли такой знак?» – об этом, как мне помнится, говорил Щедровицкий). Такой знак есть (я назову его «живым знаком»). Это, если можно так выразиться, «естественный знак» искусственного происхождения. Он функционирует по естественным законам восприятия, но создан культурой (так некоторые психотропные средства функционирует «по законам тела», однако синтезируется в лабораториях), и этот знак – куб Неккера (см. рисунок).

Круглые скобки **слева** указывают на объективный аспект существования рефлексии индивида (♂); круглые скобки **справа** – на субъективный аспект существования рефлексии индивида (♀).

«Живой знак» Идеи

Удивительны свойства этой фигуры! Отдельные грани кубика, чередуясь, то выступают вперед, то отступают назад, борясь за лидерство. Куб Неккера – «живой знак», будто специально замысленный природой, чтобы в движении своих переходов воплотить в себе «Я» как идею рефлектирующего себя индивида. «Живые знаки», я думаю, суть способ существования Идеи вообще, и в частности Идеи себя, присущей индивиду и являющей собой его «Я».

В последнем случае индивид в качестве *источника* саморефлексии (объект, субъект, носитель) как бы рокируется с самим собой как *явлением* саморефлексии (образ, результат, достояние): физическое и психическое, объективное и субъективное, пульсируя, переходят друг в друга.

Теперь мы можем иначе зарисовать «Я» – в качестве события и события: вместо символа «+» здесь должен фигурировать кубик Неккера (в силу того, что выдающиеся – буквально, если всмотреться – свойства этой фигуры и ее логический статус еще не осознаны создателями компьютерных систем, мы заменим его символом « \aleph »):

$$\langle \text{Я} \rangle = \{ (\uparrow \downarrow) \} \uparrow \downarrow = \{ (\uparrow \downarrow) \} \downarrow \uparrow \aleph \{ \downarrow (\uparrow \downarrow) \} \uparrow \downarrow.$$

При событийной интерпретации феноменов рефлексии мы наделяем «внутренним миром» персонажа, непосредственно рефлексиирующего себя (здесь это – самоотраженность, символизируемая знакосочетанием $\{ (\uparrow \downarrow) \} \uparrow \downarrow$ и соответствующая исходному выражению Tx), что было бы невозможным при использовании «не-событийной» формы записи состояния рефлексивной системы. При усложнении оператора рефлексии, например, при использовании таких конструкций как $(1 + x + yx)$, $(1 + x + x^2)$ и т.п., «применяемых» персонажем X к себе самому, мы имеем дело не только с «картинами картин» рефлексии, но также – изображением субъектов, осуществляющих рефлексии. Между тем, при «не-событийной» записи, знакосочетания Tux или Txx не указывают нам прямо на персонажей U и X , выполнивших рефлексии – перед нами свидетельства без свидетелей.

В заключение отметим следующее. В контексте психологии «Я», мы рассмотрели лишь одну из проблем рефлексивной теории, – проблему событийной транскрипции и производных от неё форм рефлексии.

Единичный пример, из области феноменологии «Я», иллюстрирует простую мысль: популяризация и «внедрение» идей этой теории требует от тех, кто выбрал для себя этот путь, продолжения логико-математических и семиотических разработок в парадигме В.А. Лефевра.

Полемика

Розин В.М.

(Институт философии РАН,
доктор психологических наук)

Вадим Петровский предлагает событийную транскрипцию теории В.Лефевра, аргументируя необходимость подобной транскрипции, с одной стороны, «возможностями, содержащимися в рефлексивных построениях» этой теории, с другой – «интересами практики» и, как дальше выясняется, прежде всего, психологии. Петровский обращает внимание на два несовпадающих описания рефлексии («отсутствие в первом случае символов внутреннего мира и его носителя и наличие того и другого во втором случае»), а также использование в рефлексивной теории Лефевра трех разных языков – безупречного формального языка (язык символов и логико-математических отношений между ними), метаязыка (он проясняет смысл используемых символов и отношений формального языка) и промежуточного языка «встроенных» уточнений, который характеризуется Петровским как язык маргинальный. С точки зрения Петровского, в рефлексивной логике Лефевра «ощущается избыток маргинального языка, заслоняющий необходимость развертки формального языка». Событийные транскрипции, утверждает Петровский, призваны преодолеть эту избыточность. И дальше Петровский, переходя от методологических пояснений к делу, излагает конкретный пример подобной событийной транскрипции, дающей возможность по-новому увидеть и понять, что такое «Я» (оно определяется Петровским как «индивид в саморефлексии»).

В принципе, ничто не мешает Вадиму Петровскому развивать теорию Лефевра, другое дело, как он осознает свои нововведения и что реально делает. Теория Лефевра, если придерживаться круга задач, для которых она создавалась, вполне закончена. «Избыток маргинального языка» или «возможности, заложенные в лефевровской теории» появляются только тогда, когда меняются задачи. И действительно, Петровский пытается на основе схематизмов и положений, разработанных Лефевром, решать совершенно другие задачи. Понятно, что психологический анализ «Я», причем в таком ключе, как Петровский понимает психологическое познание (думаю, это понимание существенно отличается от лефевровского), требует и новых понятий и новой символики. Конечно, проще присоединиться к уже существующей славной парадигме и сделать вид, или искренне думать, что событийная транскрипция есть продолжение и развитие теории Лефевра. Вряд ли это так. Вадим Петровский, используя язык и некоторые понятия Лефевра, по сути, создает самостоятельную теорию. Так ее и нужно обсуждать. Другое дело, если Петровский сможет показать, что новые понятия, которые

он вводит, снимают лефевровские, или что можно построить некую метатеорию, где лефевровская теория и новая, построенная самим Петровским, являются двумя частными случаями. Пока же он этого не сделал, но излагает дело так, что всего лишь развивает лефевровскую теорию, создается ненужная абберация.

Лепский В.Е.

(Институт психологии РАН,
доктор психологических наук)

Статья В.А. Петровского «Опыт событийной транскрипции рефлексии» написана на хорошем профессиональном уровне и посвящена важной проблеме развития формального языка теории рефлексивных процессов. Действительно, одной из главных нерешенных проблем остается на сегодняшний день оценка степени адекватности предметного мира модели этого мира с позиции внешнего наблюдателя. Любые предложения по формализации постановки подобной задачи заслуживают внимания.

Наиболее удачным на сегодняшний день, с моей точки зрения, является подход Лефевра, ибо предложенные им записи T , Tx , Txx автоматически предполагают наличия несоответствия между различными моделями, так как понятно, что модель мира (Tx) и модель модели мира (Txx), в силу различия формы, содержательно не могут представлять собой одно и то же (в соответствии с принятыми Лефевром правилами игры).

В.А. Петровский предложил в чем-то аналогичный лефевровскому язык, только более усложненный и требующий еще больше специального комментария. Так, автор ставит в соответствие выражению $T + Tx$ выражение $T + \{T'\}X$, используя при этом гораздо больший объем «специального комментария», чем Лефевр, и теряет при этом универсальность операции «осознания», ибо X начинает осознавать нечто, чего ранее не было (T'), т.е. X осознает не мир T , а какую-то иную сущность. Строго формально подобное преобразование выглядит несколько надуманным, ибо T' ранее не было определено.

Далее автор статьи, как бы полностью перечеркивая логику Лефевра, вводит следующие элементы: фигурные скобки, круглые скобки, штрих, укрупнение буквы, курсив и подчеркивание (простейший язык программирования имеет меньше команд!). В символике Петровского $\{T\}X$ есть образ T в X , $\{T\}X$ есть субъект X как носитель образа T . В символике Лефевра это различие можно выразить более просто. Образ T в X есть Tx , а субъекту как носителю образа T соответствует выражение $T + Tx$.

В заключение отмечу, что статья Петровского является, по существу, лишь одним из частных комментариев (с использованием специальной символики) рефлексивных полиномов.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ФОРМА РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СИТУАЦИИ В РОССИИ

О.С.Анисимов (*Россия*)

Российская академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор психологических наук

Профессиональная деятельность управленца может быть оценена по уровням профессионализма, в зависимости от той или иной системы критериев определения особенности каждого уровня [4; 13; 14; 15; 18]. Поскольку мы опираемся на деятельностный подход и ту версию сущности деятельности, которую разрабатывала и разрабатывает группа методологов, объединенная в Московский методологический кружок (ММК), то предложим простейшие основания членения уровней. Они будут использованы для оценки теперешнего состояния стратегического мышления и деятельности, состояния способности к ее профессиональному осуществлению.

Наиболее простая типология («лестница») уровней, с нашей точки зрения, включает следующие: «дилетантский», «рутинный», «инновационный», «критериально-инновационный». В основе дилетантского уровня лежит вовлечение в реализацию норм деятельности человека, не осознающего необходимости приведения своих возможностей в соответствие с требованиями фиксированных (актуальных и потенциальных, конкретных и абстрактных) норм деятельности. Дилетант принимается за решение задач без проверки внутренней готовности к решению задач, без установки на коррекцию этой готовности в случае обнаружения несоответствия внешним нормативным требованиям.

Для рутинного профессионализма характерно осознание необходимости указанного соответствия и готовность к коррекции своих возможностей вплоть до реального существования способностей отно-

сительно фиксированной нормы. Кроме того, что особенно значимо, рассматривается конкретная норма, «задача». Задача имеет готовый способ решения. Поэтому для налаживания рутинного слоя профессиональной деятельности требуются типовые задачи, минимальное количество которых позволяет достигать фиксированных целей, при условии наличия у деятелей соответствующих способностей.

Инновационный уровень характерен необходимостью коррекции содержания задач в рамках прежних или новых целей. Поэтому деятель должен иметь способности (мотивационные, интеллектуальные, волевые и др.) к переходу от одного содержания задач к другому. В случае инновационно-критериального уровня переход от задачи к задаче опосредствуется критериями интеллектуального (теория, понятие, категория, концепция) и духовного (идеал, ценности, мировоззрение и мироотношение) типов. На пути инновационного использования интеллектуальных критериев оформляются такие типы норм как «метод», «подход», «принцип», «стратегия» [3; 5; 8; 9]. В этих же условиях осуществляется оформление таких важнейших единиц мышления как «проблематизация» и ее резульативное выражение – «проблема», а также само различие между «задачей» и «проблемой», переходимость от задачи к проблеме. Оформляются и основные культурные формы организации мышления – «задачная» и «проблемная». В частности, без использования обеих групп критериев не может быть построена «стратегия» [9; 10].

Возникает вопрос: имеем ли мы «рутинных» стратегов и, тем более, инновационных и инновационно-критериальных стратегов? Мы отвечаем – нет. Крайне простое обоснование состоит в том, что учебные процессы вузовского и послевузовского типа не предполагают специальной подготовки стратегов по критериям уровня профессионализма. Характерные для стратегической мышледеятельности задачи, не выделены, не типизированы. Внутренние предпосылки тех управленцев, которые практически вовлекаются в стратегическую мышледеятельность, не корректируются под требования типизированных задач [5; 6; 7; 22]. Диагностика уровня способностей и уровня деятельности тех, кто создает стратегии, была осуществлена в 80 – 90-е гг. в специальных процедурах игромоделирования – «организационно-деятельностных играх» (ОДИ) [1]. Результаты такой диагностики позволили сделать более охватывающий вывод о дилетантском уровне профессионализма всего управленческого корпуса – даже несмотря на естественные процессы практической, стихийной адаптации к условиям управления, формирования стихийных стереотипов и приход к «успешности» в управлении тех, кто более талантлив.

Каждущийся иллюзорным подобный «приговор» опирается совсем

на иную базу критериев, чем это принято. Само по себе накопление знаний, стихийных умений не может быть признаком появления профессионализма в управлении, даже рутинного. Эти процессы не переводят дилетанта на более высокий уровень профессиональной деятельности. Действительно, если реально опираться на содержание и форму фиксируемых задач, их типизированность, то для появления задач требуется непосредственное основание – обобщенное представление об управленческой деятельности, акцентировки в содержании этих представлений, система вопросов («неизвестных») к процессу поиска ответов («искомых») с соответствующими действиями в рамках ряда ответов. Чтобы возможен был этот мыслительный и действенный цикл, необходима сама «теория деятельности», а затем еще более надежное основание – «язык теории деятельности».

Анализ игропрактики показал, что подавляющая масса управленцев не имеет систематических теоретико-деятельностных представлений, не обладает языком теории деятельности как системой средств профессиональной деятельности управленцев. А ведь именно управленцы по своей функции должны строить и перестраивать деятельность – свою и исполнителей [3; 4].

Можно ли представить себе математика-профессионала вне специфичного для него языка, системы средств мышления математика? В управленческую же деятельность в качестве средств привлекаются самые разнообразные синкретические, собранные из различных областей знания, языковые средства. Умение же правильно пользоваться этими интеллектуальными средствами еще более стихийно. Поэтому и консультационно-аналитический корпус, не обладающий средствами теории деятельности, не может быть профессиональным, так как его представители могут опираться не на присущие миру деятельности языковые средства, а на содержания, почерпнутые из практики, из различных областей знания, на свою творческую работу мысли вне ее подчиненности деятельности или типодеятельностной функции.

Деятельностное мировоззрение и мироотношение, парадигмы понятий и категорий соответствующего языка, общекультурные требования к мышлению, типовые культурные формы мышления и т.п. им, как правило, не известны. Они не только не знают положения дел в культуре мышления и культуре рефлексивного анализа деятельности, не только не стремятся овладеть и их применять (в особенности культуру развиваемую в ММК), но и резко отрицательно относятся к попыткам внести формы и средства таких культур в реальность управления [5; 6; 7; 22].

Игро моделирование, проведенное за два десятилетия по форме ОДИ, где специфичным и главным слоем является как раз пробле-

матизация «естественных форм рефлексии», показало, что среди множества внутренних причин сопротивления переводу мышления, рефлексии, мыследеятельности управленца с уровня «естественности» (дилетантского уровня профессионализма) на уровень «искусственно-естественный» (собственно профессиональный уровень) можно выделить следующие:

во-первых, это своеобразный *интеллектуально-нормативный профессиональный «нигилизм»*. Сама ценность и практическая необходимость подчинения нормативным указаниям не оспаривается и часто стимулируется, но приведение своих способностей в соответствие с нормами деятельности сознается, по преимуществу, как удел исполнителей. В свою очередь в сознании управленца, так или иначе, закрепилось убеждение о том, что управленческая деятельность исключительно подвижна, носит творческий характер, непредсказуема, а нормативные рамки, как правило, носят ориентирующий, а не предписывающий характер;

во-вторых, преобладает *убеждение о том, что управленческая деятельность не может быть технологизирована* по ее существенной составляющей. Организация труда больше носит вторичный, косвенный к сути дела характер (например, организация времени). Вместо технологических форм, непосредственно требующих соответствия способностей их содержанию, значимость отходит в сторону стереотипов и «опытности». В России в годы реформ было внесено огромное количество зарубежной управленческой и экономической литературы, которая превосходит отечественную в своем статусе. Но эти источники чаще не несут «задачный» характер и сводятся к ориентировкам, к массе разнородных сведений – тем более что все эти знания не опираются на теорию деятельности и сводимы к эмпирической схематизации опыта;

в-третьих, в отличие от зарубежных коллег, которые адаптированы к социо-культурному опыту стихийной рефлексивной самоорганизации, *управленцы России* не только еще более *стихийны в рефлексии*, но и рассматривают роль самой рефлексивной самоорганизации в решении задач как второстепенную, малозначимую и мешающую успешному достижению цели.

Все вышеуказанное наиболее ярко проявляется в стратегических формах управления. Для того чтобы оценить негативное воздействие подобных установок и внутренней готовности в разработке и реализации стратегий, следует обсудить само понятие «стратегия» и «стратегическое управление». Чаще обсуждается феномен стратегического планирования. В.В.Трейер, А.М.Каширин, Ю.М.Швырков рассматривают стратегическое планирование как «особый вид деятельности,

...состоящий в подготовке проектов стратегических решений..., реализация которых обеспечит их (хозяйственных субъектов, органы власти, субъектов федерации, государства в целом) эффективность функционирования в долгосрочной перспективе с учетом изменений условий внешней среды» [20, с. 15]. Важно подчеркнуть, что разработка стратегии выступает здесь как особый вид деятельности, имеющий проектный характер. Проектирование обращено к эффективности функционирования, к учету изменений внешней среды и к долгосрочности функционирования систем. Наряду с этим О.С. Виханский выделяет выживание организации в долгосрочной перспективе «за счет установления динамичных сбалансированных отношений с окружающим, позволяющих решать проблемы всех, кто заинтересован в деятельности организации» [12, с. 31].

А.Е. Балабанов выделяет роль стратегического планирования в упреждении хода событий, выявлении тенденций, обеспечении единства действий на различных уровнях системы управления [11, с. 114, 239]. Кроме того, стратегическое планирование и управление предполагает работу по оформлению смысла и названия деятельности, их превращению в ориентиры управленческой работы, на основе которых строятся технологии управления [11, с. 240, 246]. Поэтому система стратегических представлений должна «достигать высокой степени общности, чтобы вместить непротиворечиво различное» [11, с. 239]. О.Б. Алексеев считает, что стратегическое управление складывается в пространстве рефлексии управленческих технологий в противовес разработке управленческих моделей [1, с. 15, 18]. Оно «позволяет увязать разнонаправленные цели, многообразные ресурсы в границах одного потока деятельности» [1, с. 19].

Мы видим, что стратегия относится к особому типу норм, к абстрактным проектам деятельности, ориентированным на долгосрочность, прогнозируемость отношений с внешней средой, на сохраняемость и прочность той системы, которая подвергается деятельностью нормированию. Эта система выступает как целое, в котором согласуются все действия, на всех качественно различных уровнях, пользующихся разнородными ресурсами. Стратегия является основой конкретного нормирования.

И. Ансофф считает, что стратегия – это «набор правил для принятия решений, которыми руководствуется организация в своей деятельности..., инструмент, который может помочь в условиях нестабильности» [2, с. 68, 74]. Необходимость в стратегии «отпадает, как только ход событий выведет организацию на желаемые события» [2, с. 69]. Можно не соглашаться с прямой зависимостью наличия стратегии от возникновения нестабильности в деятельности и считать, что страте-

гия нужна целостности организации всегда, когда она предполагает достижение новых долговременных целей. Но в период нестабильности она нужна тем более.

Интерес к стратегии возрос в середине XX века, хотя в военной и военно-политической сфере он был значим всегда. Неслучайно множество атрибутивных характеристик было введено военными мыслителями. В последнее время количество работ по стратегическому управлению резко возросло. Достаточно упомянуть таких авторов, как Б. Куин, Р. Фриман, И. Дутон, Дж. Брайсон, И. Пирс, Р. Робинсон, И. Гайнер, А. Хальден, Ф. Вестлей, Х. Минцверг, И. Мароне, А. Чандлер, Б. Арнисон и др.

Характерными являются взгляды А. Халачми. Он считает, что «стратегическое управление выражается в действиях, направленных на извлечение максимальных выгод из сильных сторон организации с использованием благоприятных условий внутри нее и вне нее..., стратегический план объединяет цели организации, ее политику и действия в единое целое», а также обратную связь, предваряет контроль за сферой действий менеджеров более низкого класса, определяя важные ценности, требуемые результаты. Это способствует унификации в принятии решений различных людей и подразделений, снижает неопределенность операций [21, с. 673]. Сам процесс стратегического планирования включает в себя «исследование, обзор данных, принятие решений и оценку решений, исследование последствий и адекватности того, какие решения принимались раньше» [21, с. 678]. Во главе планирования должен быть реформатор, который привносит в организацию максимальный уровень лидерства и коммуникативности для обеспечения нейтрализации настроения угрозы со стороны сотрудников, сглаживания напряжений [21, с. 687].

Приведенные варианты характеристик стратегии и стратегического управления обладают одной объединяющей особенностью. Они эмпиричны и оформляют опыт реальных управленческих действий вне контекста современной мыслительной культуры. Если делать акцент на культуру мышления и, в особенности, рефлектирующего мышления, то введенная оценка эмпиризма может быть выражена следующим образом.

В качестве основополагающего средства анализа мы берем категорию «рефлексия». Специфические разработки по рефлексии в 60-х гг. в ММК проводил В. Лефевр [16; 17], а также его ученики. Объективной средой этих разработок выступала сама рефлексивность бытия ММК, особый акцент на рефлексивной организации и самоорганизации в дискуссиях 50-70-х гг., а затем рефлексивная ориентированность механизма игрового моделирования в ОДИ с 1979 года [22;23]. Осу-

ществляя понятийную реконструкцию содержания управленческой функции в рамках псевдогенетического метода, мы показали, что управленческая функция является результатом выделения, оформления и вторичного обеспечения рефлексивного сервиса целедостижения и реализации нормы деятельности [3; 4; 10]. Но вместе с превращением рефлексии в управленческий тип деятельности возникает расщепление и самой деятельности управленца на «действия» в форме решения задач и «рефлексию управленческого действия» в форме постановки и решения проблем. Сохранение рефлексивной служебной функции во всех появляющихся новых звеньях системы деятельности и позволило подчеркнуть качественное различие управления, делающего акцент на действии и ставящего акцент на рефлексии. Второй путь и выразил В. Лефевр формулой «рефлексивное управление» [19].

Особенностью современного периода развития страны, с точки зрения технологии управления, является сочетание нестабильности, хаотичности в подборе способов управления, в их реализации, с одной стороны, и внешняя необходимость в таких «техниках» управленческой деятельности, которые могли бы обеспечить прорыв в общий поток развития мировой экономики и цивилизационного устремления на границе столетий и тысячелетий – другой не позволяет опереться на достаточно надежные механизмы функционарно ориентированного управления, а ценность «прорывного» управления снижает значимость функционарных моделей принятия и реализации управленческих решений.

Вместе с осознанием указанного положения дел оформляется и содержание заказа на практику, технологии управления, на формирование или коррекцию профессиональных качеств лиц, принимающих решение и участвующих в реализации решений. Если концептуально выразить сущностное основание такого заказа, то можно ввести общий признак «техники» управления, адекватный внешним условиям: управление должно быть рефлексивным. Это означает, что в центре внимания оказываются не строго определенные нормы мышлествий, психокорретировочных, социотехнических и иных действий управленца, хотя их значимость никак не уменьшается, а рефлексивная самоорганизация управленца. Только такой управленец может своевременно и строго определенно вписываться как в фиксированные рамки требований вышестоящих управленцев и в легко опознаваемые коррекции рамок, так и в ситуации, порождающие быстрое нахождение строго определенных, но не долговечных рамок организации управленческой деятельности. Иначе говоря, лицо, принимающее решение, вынуждено находить решения, опирающиеся на то, что он предопределил для себя. Вся управленческая соорганизация, вся организационная структура

учреждения попадает в зависимость от динамики и результативности рефлексивного самообеспечения лица, принимающего решения. Более того, чтобы способствовать нейтрализации влияния быстро меняющихся условий (как внешних, так и внутренних для учреждения), чтобы выделять осмысленные периоды полного соответствия системе рамок нормативных требований, гарантировать соответствие им и готовность к переопределению содержания готовности, лицо, принимающее решение, должно опираться на способность к рефлексивной самоорганизации нижестоящих управленцев.

Рефлексия является основополагающим интегральным механизмом выработки нормативных требований к «своей» деятельности у любого специалиста. Она же выступает механизмом, создающим базу для разотождествления с текущей деятельностью, с реализуемой нормой, поскольку центральным звеном рефлексии выступает проблематизация предшествующего опыта. Естественно, что при возрастании роли рефлексии и, в частности, проблематизации деятельности и норм деятельности, смещения пропорции функциональной значимости целого «действие-рефлексия» в сторону рефлексии, возрастает ответственность за ход и результаты рефлексии. Внешне это означает усиление требований в пользу неслучайности рефлексии, в сторону придания интеллектуальным процессам культурной формы.

Итак, рефлексия, как специфический механизм, реализует три исходных функции: *реконструкции происшедшего («исследование»)*, *реконструкции причины затруднения и динамики ее «тормозящего» влияния на действие («критика»)* и *конструирования измененного способа действия («нормирование»)*. Эти три функции выражают переход от прошлого к будущему через границу двух ориентаций – сохранения и изменения действия. Но реализация этих исходных функций может происходить в Е-форме («естественной», стихийной, ситуационной, индивидуальной и т.п.) или в ЕИ-форме, когда организующее начало еще не является ведущим, и в ИЕ-форме («искусственно-естественной», культуросообразной, нестихийной, наиндивидуальной, надситуационной и т.п.). Конкретным условием перехода от ЕИ к ИЕ-форме рефлексии выступает введение интеллектуальных критериев (концепций, понятий, категорий, мировоззрений) и духовных критериев (идеалов, ценностей). При этом интеллектуальная самоорганизация должна не просто ориентироваться, но и подчиняться требованиям критериев. Тем самым, появляется классическая проблема соотношения и гармонизации двух сторон использования средств анализа – точное соблюдение корректности в понимании содержания критерия и адаптация содержания к конкретной ситуации и конкретному материалу анализа. Основная проблема достижения уровня ИЕ-формы рефлексии, а затем и ИЕ-фор-

мы управления, состоит в сохранении критериального содержания в ходе его ситуационно-конкретного применения. Эта проблема звучит и практически, и в рамках подготовки управленцев. Она, по нашему мнению, ведет к коренной реформе управленческого образования. Опыт перестройки управленческого образования, проводимой нами с 1988 г., показал это достаточно отчетливо [5; 6; 7].

Но тогда наш тезис об эмпиричности версий стратегического управления звучит следующим образом: в этих версиях представлен как раз ЕИ-тип анализа стратегического управления. Он усложнен тем, что сами знания, на которые опираются аналитики, носят синкретический характер и не опираются на специфический язык теории деятельности. Точнее, как правило, применяемые ими различения, носят доязыковой характер или оформлены в предъязык, опирающийся на смысловые схемы (см. различие понятий «смысл» и «значение» у Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, Г.П.Щедровицкого и др.).

Особенностью практики проведения ОДИ является то, что в них рефлексивно фиксируются актуальные способы мышления, рефлексии, средства и способы рефлексии, которыми владеют участники игр. Поэтому упрощается решение диагностических, а затем и переход к корректировочным задачам. Анализируя реальную практику управления и ее игровое репродуктивное и продуктивное моделирование, мы создали специальные модели проявлений ЕИ и ИЕ-форм рефлексии в принятии стратегических решений (см. диалоги «Стратегии в макроэкономическом управлении», «Смена стратегии государственного управления», «Парадигма устойчивого развития» и др. [6; 7; 8]. В них представлены характерные способы анализа и дискутирования и для реальных макроуправленцев, и для нового типа аналитиков, пользующихся языком теории деятельности, но не проявляющихся пока в наиболее ответственных слоях принятия государственных решений. Мы специально подчеркивали контраст между ЕИ и ИЕ-формами рефлексии, чтобы поднять проблему профессионализации управленческого мышления и управления стратегического типа.

Поскольку коренной поворот в управленческом образовании, практике управления ее консультационным обслуживанием зависит от успешного преодоления эмпиризма мышления и опоры на неспецифические языковые средства рефлексии, мы начали специальную работу по налаживанию механизма образовательной трансляции языка теории деятельности. С начала 2000 г. стали проводиться особые «лабораторные» образовательные циклы, построенные по форме ОДИ, где осуществляется процесс овладения языком теории деятельности и налаживания такого педагогического обеспечения, в рамках которого можно было бы гарантировать учебный эффект. Предпо-

сылкой такой инициативы являлся опыт подобного обучения с 1988 г. («модуль» 2-3-недельной продолжительности по одной из крупных проблем обучения, аналитики или разработки методов и средств методологического анализа принятия решений), а также опыт 80-82 гг. по обучению (освоению) содержаний и способов оперирования языковыми средствами теории деятельности [6]. Так как успех решения педагогической задачи зависит от мотивационной и интеллектуальной готовности обучаемых, то проблема состоит в крайне низком уровне понятийно-категориальной организации мыслительных процессов реальных управленцев и аналитиков – тем более что статус понятийного мышления в современном сознании управленцев сведен к стихии эмпирического использования эмпирических представлений или к схематизации синкретического материала этих представлений. Поэтому мы не только вводим первичный опыт логически и логико-семиотически организуемого мышления, но и учитываем сумму фундаментальных требований к понятийному мышлению, реконструированных в философии Гегеля [10].

Вернемся вновь к специфике стратегии и стратегического мышления. При этом подчеркнем некоторые важнейшие признаки стратегического мышления из выделенного нами «списка атрибутов» [8; 9] и, прежде всего, локализуем функцию стратегического проектирования.

В любом мышлении легко различимы два плана – внутренний (субъективный) и внешний (объективный). В первом плане возникают и трансформируются образы и стремления, а во втором плане осуществляется оперирование знаковыми средствами, построение текстов «для других», порождаются воздействия на мыслителя в зависимости от объема и качества среды (природной и социокультурной).

При организации мышления и, в частности, динамики сохранения и изменения образов огромную роль играет именно знаково-символическое оперирование, применение средств языка. Организации может подвергаться и содержательная (семантическая) сторона языкового мышления. Для наиболее важных и проблемно значимых дискуссий, как это показал опыт ММК, используется прием выражения внутренних образов вовне, «на доске» (реальной или ее заместителе – бумаге), строятся схематические изображения. Поскольку построение схем может обслуживать различные рефлексивные функции и этим обуславливается различная техника их построения и перестройки, то мы ввели особое функциональное понятие «многодосочная рефлексия», подчеркивая возможность пространственного размещения схем как выражений содержания в различных рефлексивных функциях. В результате предположения этих функциональных «мест» для рефлексивного мышления, а также натурализации мест возможна техника и

технология рефлексивного мышления, равно как технология обучения ИЕ-уровню управленческого мышления.

Приведем примеры неизобразительных («структурно-логических») схем, пользование которыми также способствует организации мышления управленца. Начнем с функциональной структуры управленческой деятельности (схема 1).

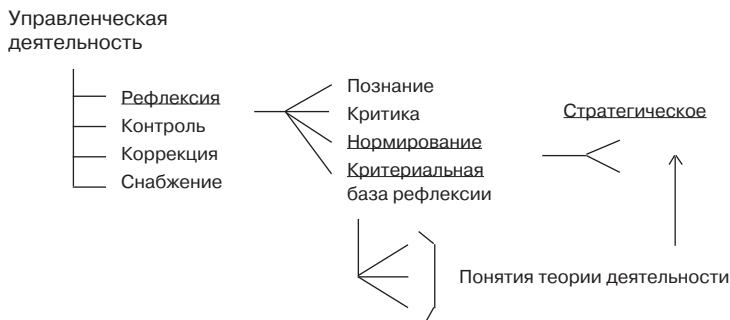

Схема 1. Функциональная структура управленческой деятельности

Стратегии появляются в проектировочной «доске», но после перехода к абстрактным типам проектов деятельности организационных систем (схема 2).

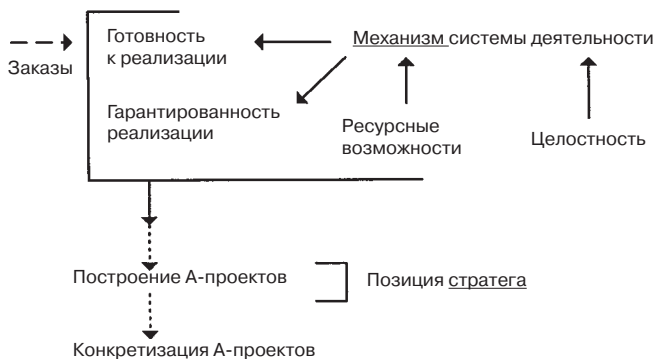

Схема 2. Функциональное место стратегического

Именно построение абстрактных проектов (А-проектов) деятельности является предпосылкой стратегического проектирования. Поэтому предполагается процедура и организованность конкретизации А-про-

ектов. Однако в отличие от того, как это пишут аналитики (см. выше), мы предполагаем и соответствующую технику и культуру мышления, вызывающую требовательное отношение к мыслительным способностям управленца-стратега. В частности, мыслящий управленец должен уметь оперировать вопросами и ответами, субъектами и предикатами мыслительных единиц в двух формах – задачной и проблемной (схема 3).

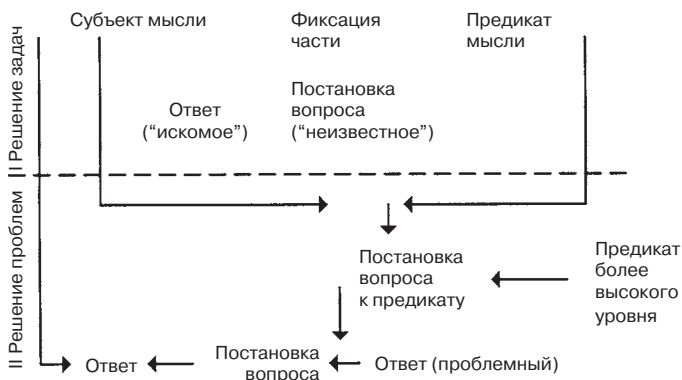

Схема 3. Основа техники управленческого мышления

Сами задачи ставятся для системы в целом в зависимости от целевых и ценностных ориентиров, внешних условий и ресурсных возможностей. Стратег порождает задачи для целого (А-задачи) и конкретизирует их для частей системы (К-задачи.). Этим он подготавливает реализацию стратегии (схема 4):

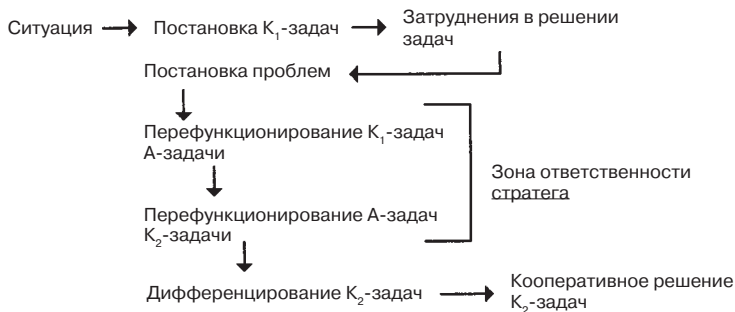

Схема 4. Задачное поле стратегического управления

Еще более сложным является реагирование на неожиданные ситуации и затруднения, требующие выработки отношения к ним со стороны системы в целом. Очевидно, что не имея своего языка (теории деятельности), управленец обречен на стихийные формы реагирования. Подчеркнем, что мы особую значимость придаем именно основным формам культуры мышления и понятийно-категориальному обеспечению мышления, так как ИЕ-формы задач и проблем, критики, арбитража и организации дискутирования, все переходы по уровням абстрактности и конкретности неотделимы от указанных форм и средств. Это также касается культуры мышления в рефлексии.

Особенностью ситуации в России является как раз сочетание массового непрофессионализма управленцев при быстром возникновении Е и ЕИ-форм стереотипов, не имеющих никакого отношения к культуре мышления и деятельности, с одной стороны, и к резкому взлету культурно-мыслительных и культурно-рефлексивных разработок, ускоряющегося накопления модельных образцов высших форм мышления – с другой. Эти две противоположности пока что борются друг с другом и культурные разработки остаются невостребованными, хотя уже все чаще опознаваемыми. Представители практики проявляют неоправданную осторожность в привлечении культурных разработок, боясь «провалиться» и «запутаться» в сети сложного мышления. Однако не только антикризисное управление, но и сама необходимость гигантского объема структурирования всего лучшего и перспективного в России – на фоне угрозы полного экономического и социокультурного поражения, деградации, скатывания на уровень третьестепенной державы – все это предопределяет обращение к наиболее мощным интеллектуальным технологиям. Именно в них есть потенциал «собирания могучей современной России», к ним относится, прежде всего, и стратегическая форма управления.

Если представить себе технологию профессионального взаимодействия среди стратегов и группы стратегов с иными участниками управленческого процесса, то можно выделить те черты, которые предопределены отличием ЕИ и ИЕ-форм мышления.

Мы подчеркиваем исключительную важность «траекторий» содержаний мысли и самого мыслительного процесса. Исходя из вышеупомянутой концепции («досочной») рефлексии, траектория стратегического мышления состоит в том, чтобы пройти путь от ситуационной реконструкции к фиксации или разработке системы ценностных оснований, а затем – к фиксации или конструированию А-концепции того, что зафиксировано в ситуационной реконструкции, и, наконец, к проблематизации, наконец, к А-проекту деятельности в рамках выбора типа целевой установки (стабилизация, разрушение,

функционирование, развитие, пропорция между функционированием и развитием целостности). Стратегия всегда касается судьбы целостности (системы деятельности, организации, региона, общества в целом и т.п.). В контексте этой макротраектории различные участники стратегической команды вносят свой вклад. Они должны свое соучастие так организовать, чтобы дифференцировка по содержанию преодолевала свою изолированность в интеграции и интегративном движении по траектории.

Обеспечивая методологический сервис и определенную часть пути при создании стратегического проекта 2000-2010 гг. (ЦСР, рук. Г. Греф), мы, совместно с коллегами по сервису, выявили, что интеграция результатов проектирования в рамках каждого из направлений (экономического, социального, безопасности и т.п.) представляет из себя технологическую проблему стратегической разработки. Разработчики, устремленные к содержательности знания, внутренне не готовы подчиняться формам организации мышления. Они не готовы проверять совмещаемость содержаний по критерию выхода на единость и однородность целостности как объекта управления, проверять переходимость целостности из одного состояния в другое по соответствующим временным фиксациям, проверять однонаправленность смен состояний целостности в объеме всего срока. Решение всех этих и иных вопросов, от которых зависит определенность, однородность проектного содержания, а также их оправданность, предопределено техникой мышления, а не накопленностью знания.

Наконец, совместимость содержаний, их совместное прохождение цикла и траектории рефлексивной мысли, дополняется огромным объемом переходов от одного уровня абстрактности к другому – с проверкой переходимости всей суммы содержаний или корректного перехода части содержаний.

Иначе говоря, основные требования к стратегическому мышлению (командному или индивидуальному) лежат в плоскости не «содержаний», а «формы» мышления, чувствительной к содержательности мысли. Но это означает внимание к требованиям собственно профессионального типа, соблюдение которых недоступно для дилетантов.

Литература

1. Алексеев О.Б. Стратегическое управление в государственном и муниципальном секторах // Стратегическое планирование в муниципальном управлении. Введение в предмет. М., 2000.
2. Ансофф И. Стратегическое управление. М., 1989.
3. Анисимов О.С. Новое управленческое мышление: сущность и пути формирования. М., 1991.
4. Анисимов О.С. Профессионализм управленческой деятельности. Акмеологические аспекты. М., 1995.

5. Анисимов О.С. Методология: функция, сущность и становление. М., 1996.
6. Анисимов О.С. Акмеология мышления. М., 1997.
7. Анисимов О.С. Акмеология и методология: проблемы психотехники и мыслетехники. М., 1998.
8. Анисимов О.С. Стратегии и стратегическое мышление. М., 1999.
9. Анисимов О.С. Проблемы и пути формирования стратегического мышления в управленческой деятельности. М., 2000.
10. Анисимов О.С. Гегель: мышление и развитие. М., 2000.
11. Балабанов А.Е. Схемы и процедуры стратегического планирования // Стратегическое планирование в муниципальном управлении. Введение в предмет. М., 2000.
12. Виханский О.С. Стратегическое управление. М., 1998.
13. Деркач А.А. Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. М., 2000.
14. Климов Е.А. Человек в мире профессий. М., 1995.
15. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону, 1996.
16. Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании // Проблемы исследования систем и структур. М., 1965.
17. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М., 2000.
18. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.
19. Рефлексивное управление. М., 2000.
20. Трейер В.В., Каширин А.М., Швырков Ю.М. Концепция стратегического планирования для России начала XXI века. М., 2000.
21. Халачи А. Стратегическое управление и производительность // Эффективность государственного управления. М., 1998.
22. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
23. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1997.
24. Щедровицкий Г.П. Программирование научных исследований и разработок. М., 1999.
25. Щедровицкий Г.П. Начала системно-структурного исследования взаимодействия в малых группах. М., 1999.

ТЕОРИЯ РЕФЛЕКСИВНОСТИ ДЖОРДЖА СОРОСА: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Б.Бирштейн (Канада), В.Боршевич (Молдова)

Борис Бирштейн
Доктор экономики и философии, бизнесмен,
экономический советник нескольких
стран СНГ

Виктор Боршевич,
Кишиневский муниципальный
университет,
ректор,
доктор технических наук

*Все люди знают ту форму, посредством которой
я победил, но не знают той формы, посредством
которой я организовал победу. Поэтому победа в бою
не повторяется в том же виде, она соответствует
неисчерпаемости самой формы.*

Трактат «Сунь Цзы», глава «Полнота и Пустота»
(Китай, IV в. до н.э.)

1. Praeludium

Международный симпозиум «Рефлексивное управление», состоявшийся в октябре 2000-го года в Москве, явился важной вехой в развитии междисциплинарных исследований рефлексивных процессов и систем, он еще раз показал, насколько актуален и продуктивен рефлексивный аспект в творческой деятельности исследователей и практиков в области естественных и гуманитарных наук.

Творческие дискуссии, состоявшиеся в первый же день симпозиума в President Hotel, выявили сколь много предстоит сделать для сближения взглядов и координации усилий специалистов России, США, Канады, Украины, Молдовы и других стран в этой важной области научных исследований и практических разработок.

Что такое рефлексия? Способность встать на чужую позицию, влезть в «чужую голову» (для начала в свою собственную) – или способность подняться над позициями других (прежде всего над своей собственной)? Это способность только сознания – или подсознание также участвует в рефлексивных процессах? Что такое рефлексивное управление: только передача оснований или воздействие на всю систему ценностей, целей и образа мышления тех, кем пытаются управлять? Почему только спустя 30 лет ученые стали понимать важность рефлексивного подхода к исследованию систем, включающих мыслящих и действующих участников? Как взаимодействуют и должны взаимодействовать естественно-научная и гуманитарная культуры? Острота этих дискуссий свидетельствует о несомненном интересе научной общест-венности к данной проблематике, а также о том, насколько важен учет рефлексивного подхода в их деятельности.

Нам представляется, что только совместными усилиями ученых разных стран и разных научных направлений удастся осмыслить и освоить ценности рефлексивного подхода.

Но успешное продвижение вперед вряд ли будет возможным и продуктивным без критического осмысления опыта, накопленного предтечами и предшественниками рефлексивного подхода, без анализа эволюции их взглядов и представлений, успехов и неудач. Особенно это касается тех, чьи взгляды оказали и оказывают существенное влияние на умы современников.

2. *Homo proponit sed Deus disponit*

Джордж Сорос – знаковая фигура мифологии фондовых и валютных рынков, их неутомимый и грозный сотрясатель – утверждает, что давно передал рули управления своей финансовой империи достойным последователям. Но неукротимая творческая натура исследователя и философа, доктора *Honoris Causa* Оксфордского университета продолжает реализовываться во впечатляющем потоке печатных изданий, которыми он щедро и блестяще стимулирует общественное внимание к своим неординарным концепциям и своей незаурядной личности.

Сотрясатель фондовых рынков в результате естественной метаморфозы превратился в сотрясателя рынка научных концепций, зашисенных, казалось бы, несокрушимыми фирменными брэндами. Публикации Сороса вызывают постоянное раздражение ортодоксов экономической и политической теории, будоражат умы.

Оно и понятно – рынок научных теорий, как и всякий рынок, упорно защищается от набегов выдающихся практиков, используя хорошо отработанные стратегемы научных методологий и полемических технологий. И доминирующие участники рынка научных теорий, а

также их университетские дилеры упорно защищаются. Но Дж. Сорос не новичок на этом поприще, приемы его атакующей аргументации столь же эффективны, как и его репутация гениального финансово-го алхимика. Об этом свидетельствует прежде всего невероятный читательский и коммерческий успех его книги «Алхимия финансов. Рынок: как читать его мысли» (The Alchemy of Finance. Reading the Mind of the Market).

Нужна ли еще одна попытка критического анализа его концепции в таких условиях? Не является ли это еще одним проявлением ретроградства, препятствием к инновационным подходам в социально-экономических науках?

Нет, не является. Но при одном условии: если, следуя «рефлексивному тезису» А.С.Пушкина, судить автора по его собственным законам, исследовать его творчество, исходя из его теоретических построений и аргументов, с его рефлексивной позиции. Любой другой подход к творчеству такого практика и мыслителя, как Дж. Сорос, бесперспективен и неконструктивен.

В пользу такого «рефлексивного подхода» к критическому анализу основ теории рефлексивности Дж. Сороса свидетельствует и один из его собственных краеугольных тезисов о принципиальном несовершенстве понимания людьми объективной и психологической реальности. Авторы настоящей статьи безусловно несовершенны. Но ведь и субъект и предмет их анализа в свете этого же тезиса так же несовершенны.

Мысль, лежащая в основе практически всех концептуальных построений Дж. Сороса, гениально проста – психология участников любого исторического процесса является его неотъемлемой компонентой и, находясь в непрерывном взаимодействии с реальностью, образует рефлексивный процесс: реальная ситуация влияет на мышление и поведение участников, а их мышление и поведение воздействует на развитие ситуации, участниками которой они являются. Представления, оценки, ожидания и превалирующие предпочтения участников, которые в силу своей природы являются несовершенными, во многом определяют естественный ход событий и его принципиальную неопределенность. В силу этой принципиальной неопределенности тот, кто способен раньше других осознать текущие тенденции этого процесса, эволюцию его психологических и материально-энергетических факторов, кто способен раньше других внести (и раньше других вынести) свою лепту в различные потоки этого процесса – того неминуемо ждет успех, кто не успел – становится жертвой успеха других, неудачником и аутсайдером. Такова логика Истории (недаром в русском языке слова «успех» и «успеть» имеют один корень).

В предисловии ко второму изданию *The Alchemy of Finance* Дж. Сорос уточняет, что вначале он разработал концепцию рефлексивности как некую абстрактную философскую идею, и только спустя некоторое время пришел к выводу: эволюцию цен на финансовых рынках можно рассматривать как рефлексивный исторический процесс.

В этом отношении к историческому процессу у Дж. Сороса имеется великий предшественник – Никколо Макиавелли, который в своем бессмертном бестселлере «Государь» (*Dux*) писал: «Однако, дабы не была утрачена наша свободная воля можно, думается мне, считать за правду, что судьба распоряжается половиной наших поступков, но управлять другой половиной или около того она предоставляет нам самим». И далее: «Утверждаю также, что счастлив тот, кто сообразует свой образ действий со свойствами времени, и столь же несчастлив том, чьи действия со временем в разладе».

Трудно не согласиться с тем, что при всем отличии терминологии писателей Возрождения («судьба», «свойства времени», etc) от терминологии современной («исторический процесс», «тенденции», etc.), есть нечто близкое в утверждениях этих двух мыслителей. И во времена Н. Макиавелли, и во времена Дж. Сороса доминирующее мировоззрение было «объективистским», в одном случае говорили о всемогуществе Судьбы, в другом случае – о всемогуществе некоего объективного, не зависящего от мышления и воли участников исторического процесса (как тут не вспомнить максиму К. Маркса: «Бытие определяет сознание» и массу философских спекуляций по этой тематике?).

В видении данных мыслителей проявляется почти одна и та же идея, но в разном облики. Наши поступки «наполовину» есть функция судьбы, «наполовину или около того» – функция нашего свободного выбора – по Н. Макиавелли. Наши усилия есть функция ситуации, в которой мы участвуем, а наши воздействия на нее определяют исторический процесс – по Дж. Соросу. Двустороннюю обратную связь между мышлением участников и ситуацией, а точнее порождаемое ею взаимодействие, он называет «рефлексивностью». «Бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие» – вот, пожалуй, его максимальный синтезис.

Здесь следует сделать одно важное замечание: такие понятия, как «рефлексивный процесс», «рефлексивность», которыми оперирует Дж. Сорос в своих работах, не следует отождествлять с омонимами понятиями, которые используют специалисты-психологи, изучающие взаимодействия между мыслящими и действующими субъектами.

В психологии имеет место следующее понимание рефлексии, которое было дано В. Лефевром: «Рефлексия в ее традиционном философско-психологическом понимании – это способность встать в позицию

«наблюдателя», «исследователя» или «контролера» по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям. Мы расширим такое понимание рефлексии и будем считать, что рефлексия – это также способность встать на позицию последователя по отношению к другому «персонажу», его действиям и мыслям». В. Лепский добавляет: «Понятие рефлексии было расширено: рефлексия стала пониматься так же, как и моделирование некоторой системой другой системы вместе с включенными в нее (другую систему) моделями».

Ясно, что понятия «рефлексивность» и «рефлексивный процесс», как некое движение в петле обратной связи (feed-back), включающей когнитивную и воздействующую функции субъектов – участников некоего исторического процесса (подпроцесса), в представлении Дж. Сороса не совсем тождественны понятиям «рефлексия» и «рефлексивный процесс» в представлении научного направления, возглавляемого В. Лефевром и В. Лепским.

И, тем не менее, в обоих подходах имеется много общего. Например, независимо от В. Лефевра, Дж. Сорос также приходит к мысли о том, что безраздельное господство естественно-научной традиции в гуманитарной сфере сковывает гуманитарные науки, навязывая им мировоззрение и методологию, основанную на элиминировании всего субъективного из науки. На действующего субъекта взирают как на объект исследования в виде некоего автомата, который реагирует на внешние воздействия четко и однозначно – отклонения воспринимаются как «шум эксперимента».

Интересно рассмотреть параллели. Еще в 60-х годах В. Лефевр пришел к методологически важному заключению – естественно-научная традиция основана на двух скрытых постулатах:

1. Теория об объекте, имеющаяся у исследователя, не является продуктом деятельности самого объекта.
2. Объект не зависит от факта существования теории, отражающей этот объект.

И В. Лефевр делает следующие решительные выводы для социально-психологических наук: «В условиях конфликта происходит нарушение второго постулата. Легко видеть, что нарушается и первый постулат, когда один из противников навязывает другому определенные представления о самом себе. Приступив к исследованию социально-психологических явлений, исследователь становится всего лишь одним из персонажей в специфической игре, которую мы назвали рефлексивной. Поскольку он не может исключить возможность контакта с исследуемыми персонажами, то его теоретические конструкции, будучи ассимилированными этими персонажами, могут кардинально изменить функционирование всей системы. С другой стороны, исследователь

может оказаться в плену у объекта: его концепция будет навязана ему объектом».

Схожую траекторию вычерчивает мышление Дж. Сороса в области социально-экономических наук. Сначала он всей силой своего критического интеллекта обрушивается на естественно-научную парадигму и ее ярчайшее творение – дедуктивно-номологическую (D-N) модель Карла Поппера. «Ахиллесовой пятой» D-N модели является требование того, чтобы содержание утверждений было полностью изолировано от утверждений, высказываемых по отношению к ним самим. Кроме того, исходные и конечные условия должны состоять из фактов, поддающихся наблюдению, а обобщения должны иметь универсальный характер.

И Гектор наносит сокрушительный удар по этой пяте Ахиллеса. Сорос устанавливает, что эти условия совершенно невыполнимы в тех ситуациях, в которых действуют мыслящие участники. Это, в свою очередь, позволяет ему сделать важнейший вывод: несовершенство понимания ситуации ее участниками несовместимо с D-N моделью, следовательно, научный метод в его «стерильной» естественно-научной форме терпит крах при столкновении с объектами, в которых участвуют мыслящие субъекты.

Вывод Дж. Сороса предельно ясен и суров: крах D-N модели в области анализа социальных феноменов обусловлен ее же собственными постулатами. Результативность естественно-научного подхода высока там, где мышление и события, на которые оно направлено, четко разделены. Когда участниками этих событий становятся мыслящие субъекты с их несовершенным пониманием ситуации, естественно-научный подход неминуемо терпит фиаско.

Сорос не отказывает себе в удовольствии отметить различные формы мимикрии под солидные естественные науки со стороны таких учений, как фрейдизм, марксизм, etc. Но больше всего достается теории совершенной конкуренции, на которой основаны построения сторонников свободного капитализма в стиле *Laissez-Faire*. Чтение его блестящих пассажей, посвященных анализу ухищрений сторонников теории оптимальной (совершенной) конкуренции с целью сохранить за этой теорией респектабельный вид аксиоматической системы, необычайно стимулирует воображение. Это не только анализ экономических построений, но и анализ стратагем, то есть различного рода методологических уловок и хитростей (порой сознательных, порой подсознательных), которыми пользуются в научной среде для защиты своих позиций. Опытный биржевик Сорос мастерски вскрывает приемы защиты имиджа дутых акций на рынке научных теорий. Он четко рефлексировал их позиции и ход их мысли.

Чего стоит такая стратегия сторонников совершенной конкуренции (*Laissez-Faire*), вскрытая именно Дж. Соросом и оцененная им как гениальный прием введения в заблуждение, – утверждение о том, что задачей экономики не является изучение категорий спроса и предложения, как таковых? Дескать, изучение спроса – это задача психологов, а изучение предложения – это задача специалистов по менеджменту. Однако Дж. Сорос показывает, что данность категорий спроса и предложения является скрытой формой постулата об их независимости от событий на рынке (!). Его рефлексивная интуиция и логика безукоризненно точны, более того, они артистичны, поскольку удовлетворяют требованиям его внутренней мыслительной эстетики: эффектно, красиво, впечатляюще.

Атака на цитадель естественно-научного подхода в лице D-N модели К. Поппера завершается разрушением теоретических построений оппонентов и переходом к построению собственной теории. Интересно отметить, что имя К. Поппера одинаково присутствует в творческих биографиях и Дж. Сороса и В. Лефевра. Сорос оттолкнулся от его D-N модели, чтобы сокрушить устои спекулятивных теоретических построений социально-экономических и психологических учений, а Лефевр оказал сильнейшее влияние на эволюцию взглядов самого К. Поппера (!). Последний даже написал предисловие к одной из книг В. Лефевра, в которой дал высокую оценку его исследованиям.

Но вернемся к эволюции теоретических построений Дж. Сороса. Убедившись в бесперспективности естественно-научного подхода к социально-экономическим объектам, он пошел по другому пути. Образно говоря, опираясь на свой богатейший опыт алхимика на фондовом и финансовом рынках, Дж. Сорос становится алхимиком на рынке теоретических продуктов.

Заметив, что попытки навязать методологию естественных наук общественным наукам напоминают старания средневековых алхимиков, он, тем не менее, замечает, что в гуманитарной сфере эффективными могут оказаться и неверные теории. Как бы то ни было, сам термин «социальные науки» становится подозрительным и, по его мнению, волшебное слово «наука» часто используется «социальными алхимиками» как апробированное средство навязать свою волю другим и сбыть им свой теоретический продукт.

Он считает, что изучать феномены, которые имеют место в действительности, необходимо всеми возможными способами. И там, где терпит фиаско строгий естественно-научный подход, социальная наука в качестве алхимии может преуспеть. Но сила естественно-научной традиции, впитанной в школьной и университетской среде, практически неодолима. И Дж. Сорос поддается роковому искушению – строит

концепцию рефлексивности, представив свое теоретическое обоснование на языке математических функций, то есть оставаясь в рамках того же естественно-научного подхода.

Вот эти две рекурсивные функции, приведенные в *The Alchemy of Finance*:

$$y = f(x) \quad (\text{cognitive function}), \quad (1)$$

$$x = \varphi(y) \quad (\text{participating function}). \quad (2)$$

Первую из них, которая ставит мышление, взгляды участников (переменная y) в зависимость от ситуации (переменная x), автор называет когнитивной (cognitive), вторую, которая показывает зависимость ситуации от мышления – воздействующей (participating) функциями.

Подставляя (2) в (1) и (1) в (2) и получив вследствие этих подстановок пару

$$y = f[\varphi(y)], \quad (3)$$

$$x = \varphi[f(x)], \quad (4)$$

Дж. Сорос торжественно провозглашает, что это и есть теоретическое обоснование его подхода. И тут же, без какого-либо анализа свойств системы (1)-(2), на основе всего лишь этой пары формул делает целый каскад неожиданных заключений:

1) две указанные рекурсивные функции ведут не к равновесию, а к никогда не заканчивающемуся процессу изменений;

2) процесс этот коренным образом отличен от процессов, изучаемых естественными науками;

3) концепция рефлексивности такого сорта предлагает новую теорию исторического процесса, etc.

Следуя пушкинскому призыву, придется судить творчество автора по его же законам. При этом мы совершенно искренне утверждаем, что целью нашего исследования отнюдь не является мелочный и злобный поиск огрехов в работе Дж. Сороса. Нам пришлось проделать большую вычислительную и аналитическую работу, чтобы выяснить, что следует, а что не следует из теоретического обоснования его подхода. Поскольку наш автор это обоснование прodelывает более чем стремительно, не указав никаких дополнительных свойств системы и не приведя никаких конкретных примеров функций (1)-(2), мы вынуждены были проделать эту работу за него.

В награду за это авторы получили как минимум три результата: во-первых, лучше стали понимать природу рефлексивных процессов (как в смысле Дж. Сороса, так и в смысле В.Лефевра); во-вторых, получили мощный стимулирующий импульс для дальнейших исследований; в-третьих, стали горячими сторонниками фундаментального тезиса Дж. Сороса о том, что именно несовершенное понимание участников

любого исторического процесса (в том числе и процесса научных исследований) является его основным двигателем.

Начнем с того, что выражения (3) и (4) записаны Дж. Соросом некорректно, поскольку они представляют не композиции функций φ и f (то, к чему он стремился), а уравнения, решения которых (если они существуют) дают множество всех неподвижных точек различных композиций функций φ и f , то есть отображений (снова функций) вида

$$\varphi \circ f: X \rightarrow X, \quad (5)$$

$$f \circ \varphi: Y \rightarrow Y. \quad (6)$$

Нетрудно показать, что, если пересечение графиков функций φ и f пусто, то есть, если

$$\Gamma_f \cap \Gamma_\varphi \neq \emptyset, \quad (7)$$

где

$$\Gamma_f = \{(x, y) : y = f(x)\} - \text{график функции } f, \quad (8)$$

$$\Gamma_\varphi = \{(x, y) : x = \varphi(y)\} - \text{график функции } \varphi, \quad (9)$$

то множество неподвижных точек композиций $f \circ \varphi$ и $\varphi \circ f$ не пусто. Что это означает? А вот что: рефлексивный процесс, задаваемый на самом деле парой рекуррентных зависимостей вида

$$y_{t+1} = f(x_t) \quad (10)$$

$$x_{t+2} = \varphi(y_{t+1}), \quad (11)$$

при соблюдении условия (7) будет обладать неким замечательным свойством. Если в качестве x_t взять одну из неподвижных точек отображения $\varphi \circ f$, то мы получим следующую последовательность:

$$y_{t+1} = f(x_t) \quad (12)$$

$$x_{t+2} = \varphi(y_{t+1}) = \varphi(f(x_t)) = x_t,$$

$$y_{t+3} = f(x_{t+2}) = f(\varphi(y_{t+1})) = f(x_t) = y_{t+1},$$

$$x_{t+4} = \varphi(f(x_{t+2})) = \varphi(f(x_t)) = x_t,$$

....

$$x_{t+k} = x_t,$$

$$y_{t+k+1} = f(x_t) = y_{t+1},$$

где k – любое четное натуральное число. Это означает, что в данном случае рефлексивный процесс стабилизируется на двух значениях: x_t и $y_{t+1} = f(x_t)$, которые являются неподвижными точками отображений $f \circ \varphi$ и $\varphi \circ f$ (отметим, что аналогичная ситуация будет, если взять в качестве начальной точки любую неподвижную точку по y).

Следовательно, при соблюдении условия (7) есть возможность достигнуть «равновесия», то есть пункт первый заключения Дж. Сороса является неверным, поскольку не во всех случаях возможен «никогда не заканчивающийся процесс изменений».

Более того, в случае совпадения графиков функций ϕ и f , то есть при

$$\Gamma_f = \Gamma_\phi \quad (13)$$

выбор любой начальной точки для «раскрутки» рефлексивного процесса будет всегда (!) порождать «замороженный» рефлексивный процесс. Однако все эти случаи из области чистой математики, и нам могут возразить: а приведите-ка нам нечто подобное из практики! В каких ситуациях это возможно?

Так происходит, когда ситуация, в которой участвует некоторая группа людей, стабильна. Они понимают это, это их всех устраивает, и не принимают никакие дополнительные усилия к ее изменению. Данный пример слишком типичен, что бы с ним не согласиться.

Но Сорос не был бы Соросом, если бы, обладая столь выдающейся интуицией, не почувствовал бы этого противоречия. Поэтому (так мы «рефлексируем» его мысли и действия) в предисловии ко второму изданию *The Alchemy of Finance* он делает одну весьма существенную оговорку и пишет, что должен признать, что образ его мыслей значительно изменился. И теперь он считает, что в большинстве случаев условия близки к равновесным, а при таких условиях механизмами двусторонней обратной связи можно пренебречь. Другое дело, когда расхождения между восприятиями участников и реальностью велики - тогда запускаются рефлексивные механизмы двусторонней обратной связи.

Опять же не согласимся. Из его же математической модели следует, что любая пара неподвижных точек x^* и y^* , связанных зависимостью

$$\begin{aligned} y^* &= f(x^*), \\ x^* &= \phi(y^*), \end{aligned}$$

может иметь в некоторой заданной метрике любое расхождение $\rho(x^*, y^*)$, однако никаких ограничений на структуру этой метрики и на величину расхождения между ними в модели Дж. Сороса не накладывается.

Вот соответствующий пример этой ситуации из нашей суровой действительности. В некоем регионе СНГ люди живут очень плохо, они это понимают, расхождение между их восприятием ситуации и самой ситуацией велико. Они – «на дне», но их стереотипы мышления, охватившая их апатия и безверие в свои силы таковы, что они не хотят предпринимать никаких усилий, чтобы изменить эту ситуацию. Стагнация. Подобное уже было раньше, и люди считают, что такова их злосчастная судьба. Более того, многие из них считают (и они по-своему правы!), что раньше им жилось намного лучше. Захотели, дескать, перемен – вот и нарвались. И сейчас ничего не

хотят, хотя и чувствуют, что дальше так жить нельзя. Вот где никакие теории западных специалистов не проходят. А модель Дж. Сороса с ее точками «замерзания», точками особой стагнации – как это ни покажется странным – работает! Почему же он их проглядел, эти точки? Да потому, что не способен был их увидеть, потому, что весь его опыт проживания в другом, динамичном обществе заблокировал даже столь замечательную интуицию. Вот какую силу имеет традиция и долгое нахождение в определенной психологической среде. Это вам не динамичные фондовые и валютные финансовые рынки, это медленно эволюционирующие тектонические процессы. Именно длительное пребывание граждан СНГ в затхлой психологической атмосфере командно-административной системы парализует их желание и волю к переменам, именно длительное пребывание в естественно-научной психологической среде потянуло Сороса после всей его критики на математические модели.

А математическая рефлексивная модель, которую предложил, но не исследовал Сорос, если с ней серьезно повозиться, не так уж и плоха и поверхностна, как может показаться некоторым ортодоксам. Только придется огорчить автора, опровергнув его второй тезис о том, что рефлексивные процессы, порождаемые моделью (1)-(2), коренным образом отличаются от процессов, изучаемых естественными науками. Именно такого рода модели используются при анализе электронных автогенераторов, применяемых в радиовещании, сотовой телефонии, etc. И вот здесь не грех обратиться к опыту «смежников» из естественных наук.

Для простоты предположим, что переменные x и y – действительные числа, причем для упрощения положим $x \geq 0$, $y \geq 0$.

На рис. 1 приведены два графика: Γ_f и Γ_φ , соответствующих функциям $y = f(x)$ и $x = \varphi(y)$.

Если задаться на оси x стартовой (начальной) точкой x_i , то при таких графиках функций f и φ начнется рефлексивный процесс, задаваемый рекуррентными соотношениями вида (10)-(11). Траектория этого процесса на рис. 1 помечена точками x_i , $t + 1$, $t + 2$, $t + 3$, ... и переходами между ними, образующими так называемую «лестницу Ламерея» (Lamegey), которая, сначала ускоряясь, а затем замедляясь, устремляется к точке устойчивого равновесия, задаваемой парой неподвижных точек (x^*, y^*) .

Это свидетельствует: даже в рамках такой примитивной рефлексивной модели, как эта, возможно моделирование рефлексивных процессов, которые характеризуются первоначальным ростом, а затем стабилизацией текущей ситуации около некой точки равновесия. Это как раз то, что упустил из виду Дж. Сорос – рефлексивность в его

смысле может порождать не только вечно изменяющиеся, но и стабилизирующиеся во времени рефлексивные процессы(!).

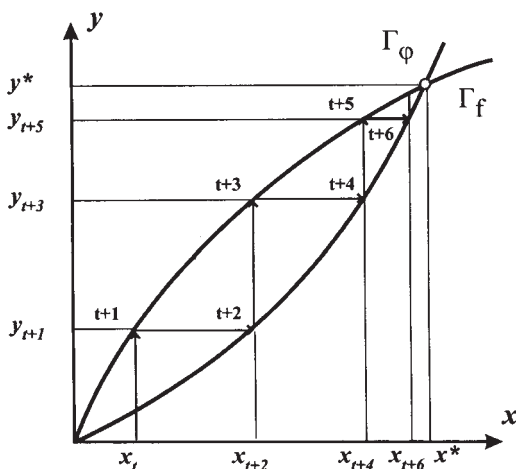

Рис. 1

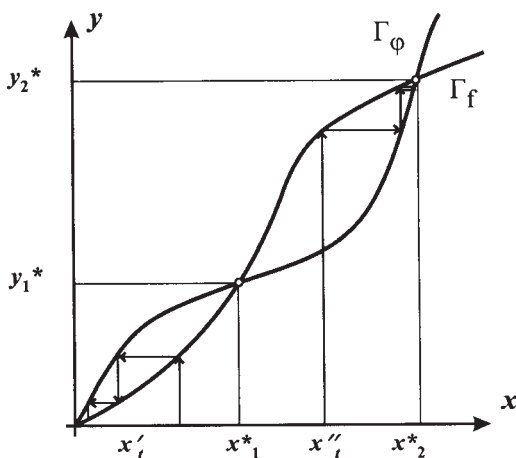

Рис. 2

Модель, приведенная на рис. 2, порождает еще более интересные рефлексивные процессы. Взаимное расположение графиков Γ_f и Γ_ϕ здесь таково, что если рефлексивный процесс начинается с любой точки между неподвижными точками x_1^* и x_2^* , то он растет, а затем стабилизируется в окрестности точки (x_2^*, y_2^*) – такая эволюция нам уже известна из предыдущего примера. А что произойдет, если рефлексивный процесс начнется с точки, лежащей между 0 и x_1^* ? Как видно из рис. 2, рефлексивный процесс начнет развиваться в совершенно другом направлении! Это означает, что пара неподвижных точек x_1^*, y_1^* является критической – справа от нее рефлексивный процесс характеризуется ростом и дальнейшей стабилизацией, слева – спадом со стабилизацией в окрестности нуля. В жизни экономических систем такого рода эволюции ши-

роко распространены. Если потенциал развития ниже определенного уровня, то система эволюционирует к своей гибели, если выше – развивается и достигает определенного уровня стабильности и процветания (сколько политических партий эксплуатируют в своих политических лозунгах эти два слова – «стабильность» и «процветание»!).

На рис. 3 изображена рефлексивная система «трагического» содержания. Начавшись с безудержного роста, рефлексивный процесс, дойдя до своего экстремального состояния, неожиданно «срывается» в результате структурной катастрофы и затем медленно угасает под своими обломками.

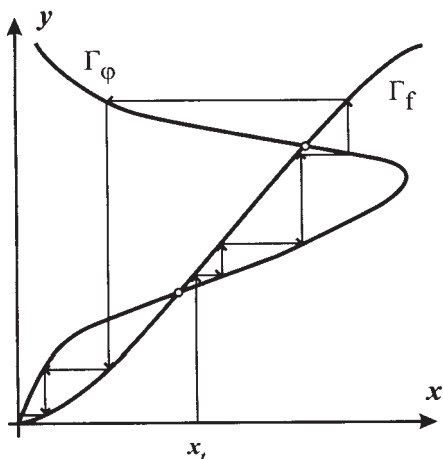

Рис. 3

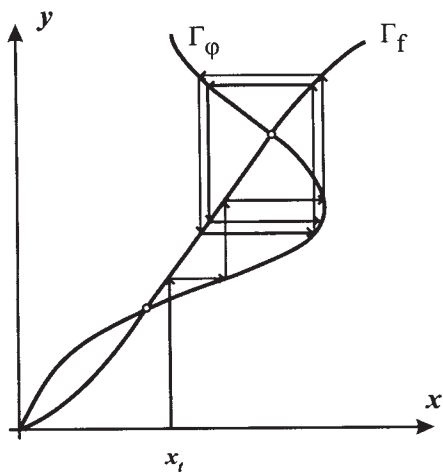

Рис. 4

Это как раз то тип процессов, который явился особым предметом исследований Дж. Сороса — крах на фондовых и валютных рынках: сначала самоусиление, затем — резкое самоподавление и крах. Но эта трагедия для одних оборачивается невероятным успехом для других. Если в самом начале такого рефлексивного процесса войти в игру с максимумом вложений, а затем, перед самым пиком, выйти из игры, то можно сорвать более чем приличный куш (что не раз удавалось сделать самому Дж. Соросу). Все дело в этом самом «если» — если уловить, «отрефлексировать» момент. Образно говоря, тут и рефлексивность по Соросу, и рефлексивность по Лефевру.

На рис. 4 приведен другой тип рефлексивной системы — соотношение графиков «когнитивной» (Γ_f) и «воздействующей» (Γ_ϕ) функций таково, что до срыва дела не доходит, но рефлексивный процесс квазислучайным образом мечется вокруг точки неподвижности: ситуация то на грани краха, то неожиданно меняется в лучшую сторону. Рефлексивные систе-

мы и процессы такого рода — рай для удачливых игроков на финансовых рынках, головная боль для менеджеров национальных экономик и головоломка для ученых экономистов.

3. SUMMA SUMMARUM

Возможности модели (1)-(2), а также ее расширений исключительно велики. В качестве переменных функций $f: X \rightarrow Y$ и $\phi: Y \rightarrow X$ можно использовать не только числа, но и множества любой другой природы: векторные пространства, нечисловые объекты, etc. Можно ввести зависимость функциональных отображений от некоторых медленно или быстро изменяющихся параметров, включая случайные величины – все это, безусловно, обогатит моделирование рефлексивных систем и процессов. Модель Дж. Сороса оказалась намного богаче и коварней, чем казалось автору – ведь её предметом является мышление и поведение людей, действующих в условиях постоянного дефицита ресурсов существования и развития. *Faciant meliora potentes.*

Основной вопрос заключается в следующем: по какому пути моделирования и как идти в каждом конкретном случае? Какой конкретный вид должны иметь когнитивная и воздействующая функции? Исходя из чего и как их строить? Насколько они будут адекватны реальным системам и процессам? Еще больше вопросов возникает, если учесть, что участники и группы участников – мыслящих и действующих субъектов – способны осознавать не только такие рефлексивные системы, но и осознавать сами рефлексивные процессы осознания и рефлексивного управления в свете подхода В. Лефевра, В. Лепского и их коллег.

4. POST SCRIPTUM

В журнале «Экономическое обозрение» (02/02/2001, # 4. Кишинев) появилась статья Дж. Сороса «Банкротство Интернета», в которой автор анализирует крах интернет-бума в свете своей рефлексивной теории. В ней содержится горькая констатация того факта, что экономисты по-прежнему игнорируют его аргументы, продолжая находиться в плену концепции множественного равновесия. А ведь картина финансовых рынков в свете рефлексивной теории оказалась куда более адекватной суровой реальности, нежели та, которую дает экономическая теория, игнорирующая феномен рефлексивности.

Литература

1. G. Soros. The Alchemy of Finance. Reading the Mind of the Market. John Wiley & Sons, Inc. 1994.
2. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры (3-е издание). Москва. ИП РАН. 2000.
3. Лепский В.Е. Субъективный подход и рефлексивные механизмы манипулирования сознанием и поведением. // Проблемы информационно-психологической безопасности (под редакцией А. Брушлинского и В. Лепского). Москва. ИП РАН. 1996.
4. Б.Бирштейн. В.Боршевич. В.Тудос. Расширенная нотация Сороса и моделирование рефлексивных экономических систем. Кишинев. Изд. "Эврика". Acta Academia. 1999. С. 84-89.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ К ЭКОНОМИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ*

Стюарт А. Амплеби (США), Т.А. Медведева (Россия)

Стюарт А. Амплеби – профессор факультета менеджмента и директор исследовательской программы по социальному и организационному научению в школе бизнеса и социального менеджмента при университете Дж. Вашингтона, Вашингтон, США; бывший президент американского общества по кибернетике. Профессор Амплеби является соредактором журнала «Кибернетика и системы»

Татьяна А. Медведева – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирск, Россия

В 1982 году Владимир Лефевр описал две системы этического сознания и предположил, что одна из них в большей степени соответствует этической системе США, в то время как другая – этической системе бывшего Советского Союза. С тех пор произошло много событий: перестройка, гласность, распад Советского Союза, всенародно были избраны два российских президента – изменилась ли этическая система в России? В частности, происходит ли в обществе продвижение от второй к первой этической системе?

Вл. Лефевр полагает, что человек усваивает одну из этических систем еще в раннем детстве, следовательно, какие-то изменения в восприятии нравственного невозможны. Однако другой известный ученый американский психолог Лоуренс Колберг утверждает, что человек этически совершенствуется в течение всей жизни, нравственное развитие присуще каждому и оно универсально. Другое дело, что одни люди добиваются на этом пути больших результатов, чем другие.

Данная статья описывает этические изменения, происходящие в России, с двух позиций. Первая заключается в том, что мы описываем

чувства российских людей, ассоциирующиеся у нас с текущими экономическими и социальными изменениями, как примеры «нравственных переживаний». И мы предлагаем американскую логику восприятия подобных проблем. Вторая позиция заключается в том, что мы описываем продвижение от второй к первой этической системе, глядя на происходящие перемены в обществе через призму теории морального развития Лоуренса Колберга.

Мы предполагаем, что российская культура может быть осмыслена как комбинация первой и пятой стадий морального развития в теории Колберга. Неразвитость (в западном восприятии) промежуточных стадий – второй, третьей и четвертой – может быть восполнена путем развития институтов гражданского общества. Мы предполагаем, что теория Колберга помогает понять, как видят западные ученые те изменения, которые происходят в России и новых независимых государствах. Если российская культура действительно изменяется посредством движения от второй к первой этической системе, то теория Колберга могла бы оказаться полезным средством осуществления такого перехода.

Введение

В последние два десятилетия работы Владимира Лефевра привлекают все больший интерес ученых и профессиональных политиков как в России, так и в западных странах (*Lefebvre, 1992; 1997; Wheeler, 1990*). Работы В.Лефевра представляют собой значительный вклад в сравнительную психологию, они находят важное применение в переговорных процессах между Западом и Востоком независимо от того, какие цели имеют данные переговоры – дипломатические или деловые. Для тех, кто интересуется происходящими экономическими и социальными переменами в России, ключевым является вопрос: описывала ли вторая этическая система В.Лефевра политическую идеологию Советского Союза или она описывала российскую культуру (*Lefebvre, 1982*)? Если вторая этическая система – это описание советской идеологии, то переход к демократии и рыночной экономике должен происходить достаточно быстро. Но если вторая этическая система – это описание российской культуры, прошедшей свое становление в течение сотен лет, то переход к политической и экономической системам западного типа представляется достаточно долгим, и следующая относительно стабильная социальная система в России может в определенной степени отличаться от западноевропейской модели.

Теория Лефевра может внести значительный вклад в дискуссию об этических основаниях экономических систем. Прежде капитализм ассоциировался с алчностью, погоней за реализацией собственных ин-

тересов и эксплуатацией других людей. Коммунизм ассоциировался с заботой о других, общими интересами и коллективизмом. В таком описании этических оснований двух экономических систем коммунизм предстает более привлекательным, чем капитализм.

Лефевр ассоциирует США и, следовательно, капитализм с первой этической системой, а Советский Союз и, следовательно, коммунизм – со второй. Первая этическая система связана со средствами реализации процесса – подчинение закону, честные открытые процедуры, и т.д. Вторая этическая система связана с конечным результатом – равенство, удовлетворение основных потребностей, и т.д. В соответствии со второй этической системой, возможно достижение цели в обход закона, если цель благородна. В соответствии с первой этической системой, работать, следуя закону, (и изменять закон, когда это необходимо) более важно, чем достижение какого-либо определенного результата. Такой способ описания западной социальной системы (с акцентом на процессе, а не на результате) возможно будет более приемлемым для россиян, чем описание капитализма как системы, базирующейся на погоне за прибылью. Если так, то это могло бы способствовать приближению российской культуры к западной и, соответственно, развитию российского общества в западном направлении.

Нравственные страдания в России в связи с экономическими и социальными изменениями

Важное значение теории Лефевра заключается в том, что она показывает насколько по-разному воспринимаются людьми героизм, нравственные добродетели или святость и нравственные страдания. В настоящее время многие российские люди переживают сильные моральные потрясения, потому что политические и экономические реформы последних лет воспринимаются ими как движение к менее нравственному социальному порядку. В течение 70 лет людям в Советском Союзе говорили о том, как плох капитализм и как хорош коммунизм. Отказ от коммунизма в пользу капитализма может быть легко интерпретирован как движение назад.

Как Лефевр описывает моральное страдание? Он предполагает, что первая этическая система ближе культуре США, Западной Европы, и других развитых стран. Большинство из этих стран ориентированы на индивидуалистические ценности, технологический прогресс, рыночные отношения и веру в демократию и закон. Российская культура с ее ориентацией на абстрактную духовность, коллективизм и веру в совесть очень отличается от той этической системы, которая доминирует в большинстве современных обществ. Эта критическая разница между российской и западными этическими системами является одной

из наиболее важных проблем, делающих процесс психологической адаптации россиян таким трудным. Текущая ситуация в России может быть охарактеризована как социальный и культурный стресс. Вот некоторые примеры:

1) Два года назад «Аргументы и факты» в рубрике «Формула успеха» опубликовали рассказ об удачливом российском предпринимателе Владимире Довгане. Речь шла о том, что всегда уверенный в себе предприниматель в одном из последних интервью выразил разочарование развитием современной цивилизации. Он заметил, что прогресс не добавил человечеству счастья. Корреспондент поинтересовался у бизнесмена причиной столь пессимистических высказываний. Довгань ответил, что он по-прежнему оптимист, но считает, что современная цивилизация не имеет целью движение к счастью. «Прогресс измеряется вещами, которыми владеют люди, тем, что они едят и пьют, как одеваются, в каких домах живут и т.д. Я не против материальных благ, но масштаб затрат сил и средств, природных ресурсов наводит на размышления, насколько это оправданно... Скажу больше, в мире утверждаются ложные ценности, обожествляются деньги. Людей ведут слепые инстинкты: зависть, жадность, страх...» Таким образом, молодой успешный предприниматель в конце двадцатого столетия переоткрывает для себя ограниченность общества потребления и утверждает православные ценности.

2) Подобная же проблема была описана и в «Комсомольской правде». Автор написал о молодом успешном предпринимателе, который заработал большие деньги и был разочарован в таком стиле жизни. Для того, чтобы решить философские проблемы, мучающие его, он создал научно-исследовательский институт времени.

3) Нам представляется, что поведение так называемых «новых русских», поражающих своей нецивилизованной манерой траты легко доставшихся денег, также пример неосознанной попытки заполнения душевной пустоты, которая является, в частности, результатом разрушения привычных форм поведения. Культура – это способ жизни и основа психологической устойчивости людей как думающих, рефлектирующих существ. Разрушение ее основ не может не сказываться губительно на ее носителях.

4) 26 апреля 2000 года газета «Аргументы и факты» напечатала статью, которая называлась «Прекратите «Дело врача». В статье речь шла о докторе из Комсомольска-на-Амуре Игоре Емельянцеве, который принимал вознаграждения от пациентов и тратил их на приобретение лекарств и премии персоналу, голодавшему без зарплаты. Доктор Емельянец был осужден на семь лет лишения свободы условно. Как отмечает газета, работникам милиции и суда при этом было по-челове-

чески стыдно. Обсуждая эту статью, врач Александр Золотов, травматолог-ортопед из Спасск-Дальнего, упоминает о, так называемом, особом мнении Минздрава о платных услугах в медицинских учреждениях. Он пишет: «В этой справке не сказано главное: какое вознаграждение получает исполнитель платной услуги». И далее приводит пример из работы своей больницы: консультация больного врачом-ортопедом стоит 50 рублей (меньше 2 долларов); из этой суммы главный исполнитель получает 4 рубля (15 центов). Платная перевязка пациента в воскресный день стоит 22 рубля (меньше 1 доллара); медсестра, сделавшая перевязку, не получает ничего.

Сильнейшая характеристика российской культуры и сильнейшая черта российской ментальности – сострадание и милосердие. Пример о докторе Емельянцеве показывает, что россияне способны принять экономические и социальные изменения, сохранив при этом лучшие черты российского национального характера. Однако сострадательные поступки отдельных людей недостаточны на пути создания современного эффективного общества. Необходимы рыночная экономика и эффективное правительство, работающее на основе соблюдения законов.

В российском обществе были в одночасье сломаны складывавшиеся годами представления о добре и зле. Границы между законным и незаконным, дозволенным и непозволительным были в одночасье разрушены. Для того, чтобы постичь происходящие экономические и социальные изменения, люди вынуждены переосмыслить и пересоздать себя в новых условиях. «Самоопределение – это ключевой момент понятия свободы». Необходимо познавать новые пути как быть свободными (*Tillich, 1952*).

Высокий уровень неопределенности и быстрые социальные, политические и экономические перемены привели к стрессам, болезням, резкому увеличению смертности (*Stone, 2000*). Научные исследования влияния социальных факторов на психологию человека свидетельствуют о том, что неопределенность имеет крайне негативное влияние на психологическое здоровье людей.

Б.С. Хорев, профессор демографии МГУ, дал интервью корреспонденту «Комсомольской правды». В статье, опубликованной в номере от 21 ноября 2000 года, он отмечает, что уменьшение населения России с 1992 года исчисляется 5,8 миллионами человек.

Он поясняет, что речь идет о депопуляции населения России, т.е. превышении смертности над рождаемостью. Это стало нормой для России последних лет. В 1998 году смертность превысила рождаемость на 1,8%, а в некоторых областях на 2,3 и даже 4%. Профессор Хорев отмечает, что наиболее важная причина такой картины – переход от

социализма к капитализму. Самый высокий показатель смертности был в 1994-1995 годах, как следствие перехода к капитализму. Затем средняя продолжительность жизни увеличилась немного, но в 1999 году случился другой пик смертности. Профессор Хорев сравнивает демографическую ситуацию в России с синдромом концлагеря. Первое соприкосновение людей с катастрофическими обстоятельствами сопровождается повышением уровня смертности и числа самоубийств. Постепенно люди адаптируются к этим условиям, приходит апатия и следом снижается смертность. Что мы имеем в России в настоящее время – улучшение ситуации или синдром концлагеря?

Сравнивая с прошлыми временами, профессор Хорев отмечает, что причины смертности изменились. Если раньше смертность увеличивалась за счет растущего числа старых людей, то сейчас болезни, убийства и самоубийства увеличивают показатель смертности. Профессор Хорев называет цифру 75 тысяч самоубийств в 1994-1995 годах. Это экстремально высокая цифра. В 1998 году было 40 тысяч случаев суицида.

Профессор Хорев подчеркивает, что эффект высокой смертности усиливается низкой рождаемостью. «Эта комбинация убивает российскую нацию», - говорит профессор. Этим летом Б.С. Хорев и его коллеги создали Лигу по борьбе с депопуляцией российской нации.

Стадии приспособления к культурным изменениям

Мы полагаем, что следующая схема стадий психологической адаптации к новой культуре может быть использована в анализе российской ситуации:

- стадия 1 – первоначальная эйфория/возбуждение,
- стадия 2 – раздражение/враждебность,
- стадия 3 – постепенное приспособление,
- стадия 4 – адаптация и принятие двух культур.

Первая стадия психологического приспособления российского общества к текущим экономическим изменениям пришлась на время от начала так называемой «перестройки» (1985 г.) до 1992 года. Этот период преобразований был наполнен сильными ожиданиями, полными надежд. Россиянам хотелось чувствовать себя в единстве со всем миром, хотелось видеть общее между Россией и Европой, Россией и США. Хотелось продемонстрировать всему миру свое желание быть свободными, свое желание мира для всех, прекрасного будущего для своих детей.

Вся страна собиралась по вечерам у телевизора, чтобы послушать выступления М.С. Горбачева. Были новыми, вызывали симпатию, давали надежду и его демократичность, и содержание его выступлений.

Заседания правительства смотрелись интереснее, чем самые модные и популярные фильмы. Многие люди пробовали свои силы на пути предпринимательства. Опьяняла уже сама возможность пробовать себя в той области, где захочется. Обсуждались варианты проведения приватизации и верилось в то, что есть и твоя доля в общенародной собственности. Люди с ночи стояли в очередях, чтобы поставить штамп в паспорт и получить приватизационный чек – символы собственности.

Однако пришло время, которое всегда следует за периодом больших ожиданий: время разочарований, которое к тому же всегда тянется дольше, чем время эйфории. В России это год 1992 (год либерализации цен) – год 1996. Время смуты, время обмана, время цинизма. Время, когда стали горько острить по поводу недавних высказываний президента: у нас не будет «шоковой» терапии, как в Польше, у нас будет гораздо хуже. Недавно проведенная приватизация получила в народе точное по содержанию название «прихватизация» – разворовывалось все, и «верхи» показывали пример оголтелого цинизма «низам» на этом пути. Стало понятно, что, работая честно, выжить практически невозможно. Люди, которые продолжали жить, соблюдая нравственные законы, стали восприниматься как слабые и больше не уважались обществом.

Все боялись всех. На окнах первых этажей многоквартирных домов появились железные решетки, которые еще недавно ассоциировались только с тюрьмами или с сумасшедшими домами. На последние деньги люди покупали и вставляли двойные железные двери. Обворованные квартиры, когда выносилось все, включая еду, страшные по своей жестокости и бессмысленности убийства, стали нормой жизни. Демонстрируемые по телевидению заседания правительства теперь смотрелись как представления на арене цирка, но было не смешно, а горько наблюдать все это, поскольку вдруг стало понятно, что ничего не изменилось, что те же люди находятся у власти, только вчера они называли себя коммунистами, а сегодня демократами или либералами.

С 1996 года и по настоящее время, с нашей точки зрения, российское общество проходит третью стадию приспособливания к рыночным реалиям. В настоящее время российская экономика остается системой весьма противоречивой, сочетающей в себе элементы не только свободного рынка и государственного регулирования, но и мощные монополии, остатки централизованного управления, все более усиливающуюся натуральную форму хозяйствования, которая, как известно, исторически предшествует рыночному типу отношений, и слабые ростки демократической формы управления экономикой. Состояние этической системы в России в настоящее время также может

быть охарактеризовано как неопределенное. Естественной реакцией общества на потрясения такой силы является длительная моральная дезориентация и даже деградация, поскольку требования к адаптивным способностям отдельной личности, предъявляемые постоянно меняющейся реальностью критически возросли и ведут к перестройке жизненного стереотипа. Еще не прошло достаточно времени, чтобы были созданы новые мифы, традиции и процедуры.

С нашей точки зрения, проблема психологической адаптации усложняется еще и тем, что реформы часто имеют характер ускоренной псевдомодернизации. В России переход к рыночной экономике ассоциируется с моральными страданиями.

Почему люди на Западе не переживают моральных терзаний?

Теретическими основаниями для развития Советского Союза были идеи Карла Маркса. Маркс считал, что общества в своем развитии проходят через различные стадии – первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую и коммунистическую. В настоящее время новые независимые государства осуществляют переход от социализма к капитализму, и это воспринимается людьми как движение назад в социальном развитии.

В западных странах теория общественного развития Маркса не нашла такого глубокого применения. На Западе верят в то, что мир идет в своем развитии через многогранный процесс политических, экономических, социальных и психологических изменений. Процесс развития различается от общества к обществу, но большинство показателей общественного развития улучшается. Несмотря на большое количество войн в XX столетии, большинство людей имеет возможность лучше питаться; наша способность бороться с болезнями улучшилась; торговля значительно возросла в силу впечатляющего развития транспорта и средств коммуникации. Конечно, существуют серьезнейшие проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, долгосрочной экономической стабильностью, равенством возможностей. Но цивилизация, основанная на капитализме и демократии, гибка и адаптивна. Жители западных стран научились рационализировать поведение в случаях, касающихся этики.

У предпринимателей США не возникает сомнений, когда они делают свой бизнес. Они чувствуют, что, если ими предлагается качественный продукт или хорошая услуга по цене, которую люди согласны платить, они делают позитивный вклад в общество. Если они запрашивают слишком много, предприниматели, конкурирующие с ними, предложат подобный товар по более низкой цене и, тем самым, помешают их бизнесу. Так рынок контролирует уровень прибылей. Те люди, которые действительно становятся очень богатыми, обычно начинают

заниматься благотворительностью, понимая, что им не нужно такое огромное количество денег.

На Западе в ситуации возникновения нравственных проблем на уровне общества, люди стараются совершенствовать закон. Так, например, в США проводится длинная серия юридических реформ, направленных на защиту гражданских прав. Мысль заключается в следующем: люди могут и должны действовать в рамках закона, а изменение закона – есть путь совершенствования общества.

Западное видение перемен

Если взглянуть на изменения, происходящие в российском обществе, через призму теории Лоуренса Колберга, то они могут быть интерпретированы как движение от более низких к более высоким стадиям морального развития общества. Вторая этическая система Владимира Лефевра может быть интерпретирована как первая стадия морального развития в теории Л. Колберга. Первая стадия характеризуется преимущественно страхом наказания – человек должен делать то, что от него требует представитель власти или будет наказан. Вторая – предполагает отношения бартерного типа – равная ценность за равную ценность. Третья стадия, касательно давления власти, может быть определена как промежуточная или переходная: люди могут принять ценности общественной элиты той или иной этической системы.

Первая же этическая система В. Лефевра представляется близкой четвертой и пятой стадиям морального развития Л. Колберга. На этих стадиях принципиально более важен процесс, чем результат. Четвертая стадия описывается Колбергом как стадия «морали законности и порядка». Люди подчиняются законам, потому что верят в то, что их законопослушное поведение ведет к большей эффективности функционирования общества в конечном итоге для пользы каждого из них. Пятая стадия вводит понятие индивидуальной совести и позволяет человеку не соглашаться с законами государства, если он или она чувствуют, что они не соответствуют законам Бога. При этом законы общества могут быть изменены только открыто, через убеждение других в том, что существующие законы несправедливы и должны быть усовершенствованы, при условии, конечно, что открытая дискуссия, как метод решения проблем, широко практикуется в обществе на каждом уровне и что публичное обсуждение социальных проблем со временем ведет к соответствующим политическим изменениям.

Но интерпретация российской культуры как первой стадии теории морального развития Колберга представляется не совсем корректной. Достаточно сказать, что такая интерпретация логически исключает определяющую характеристику российской ментальности – сострадание.

Сравнение нравственного страдания с нравственным развитием

Индивидуальное психологическое выживание в условиях проводимых рыночных реформ в российском обществе очень сложно. Вероятно, одна из причин этого заключается в том, что российская культура содержит в себе определенную двойственность. С одной стороны, лучшие образцы российской общественной и художественной мысли представляют идеалы высокой духовности и справедливого социального устройства, которые могут быть оценены как пятая стадия морального развития в теории Колберга. С другой стороны, культура российского быта часто демонстрирует отсутствие элементарной вежливости, порядочности и внимания к другим (вторая – четвертая стадии теории Колберга). Напрашивается следующая интерпретация: в настоящее время еще не созданы механизмы для реализации российских социальных идеалов. Обычно по этому поводу говорят, что новые независимые государства вынуждены в настоящее время развивать институты гражданского общества. Одна из черт стадийных теорий развития – это предположение о невозможности исключения какой-либо стадии из общего процесса развития, то есть общество вынуждено постепенно проходить одну стадию за другой, каждый раз совершенствуя механизм решения моральных проблем. Нам представляется, что опыт в развитии институтов гражданского общества должен помочь в этом продвижении, с одной стороны, и преодолении двойственности российской культуры, с другой.

Рефлексия присуща обществу так же, как и индивидуумам. Дискутирование этических положений способствует изменениям в индивидуальных и общественных этических системах средствами морального развития. Предполагая возможность не только индивидуального морального развития, но и общественного, мы утверждаем, что задача заключается лишь в том, чтобы способствовать этому развитию и облегчать его.

Литература

1. Kohlberg, Lawrence. The Psychology of Moral Development. San Francisco: Harper & Row, 1984.
2. Lefebvre, Vladimir. Algebra of Conscience: A Comparative Analysis of Western and Soviet Ethical Systems. London: Reidel Publishing, 1982.
3. Lefebvre, Vladimir. A Psychological Theory of Bipolarity and Reflexivity. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 1992.
4. Lefebvre, Vladimir. The Cosmic Subject. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology Press, 1997.
5. Stone, Richard. «Stress: The Invisible Hand in Eastern Europe's Death Rates,» Science, Vol. 288, 9 June 2000, pp. 1732-1733.
6. Tillich, Paul. The Courage to Be. New Haven, CT: Yale University Press, 1952.
7. Wheeler, Harvey (ed.). The Structure of Human Reflexion: The Reflexional Psychology of Vladimir Lefebvre. New York: Peter Lang, 1990.

8. Аргументы и факты от 20 марта 1998.
9. Комсомольская правда от 17 декабря 1998.
10. Аргументы и факты от 26 апреля 2000
11. Интервью с профессором Б.С. Хоревым. Комсомольская правда от 21 ноября 2000.

Комментарий главного редактора

к статье С.А.Амплеби и Т.А. Медведева

*«Психологическая адаптация к экономическим
и социальным изменениям»*

Суть представлений Лоуренса Колберга состоит в уподоблении морального развития интеллектуальному развитию, следующему по ступеням стадий Пиаже. Суть представлений Владимира Лефевра о двух этических системах состоит в предположении, что существуют два различных типа связи между поступками человека и моральными переживаниями, связанными с этими поступками. При этом тип связи не зависит от уровня интеллектуального развития. Троцкий был не менее изощренным интеллектуалом, чем Короленко, несмотря на то, что «принадлежал» второй этической системе, а Короленко – первой. Поэтому попытка авторов интерпретировать вторую этическую систему в России как результат недостаточного интеллектуального и морального развития россиян просто неверна. Впрочем, авторы и сами, видимо, это чувствуют, говоря: «...интерпретация российской культуры как первой стадии морального развития Колберга представляется не совсем корректной. Достаточно сказать, что такая интерпретация логически исключает определяющую характеристику российской ментальности – сострадание».

ФИЛОСОФИЯ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И РЕФЛЕКСИВНОСТЬ ДИАЛОГА

И.Н.Семенов (*Россия*)

Институт рефлексивной психологии творчества
и гуманизации образования, директор.
Российская академия государственной службы при
Президенте Российской Федерации, профессор.
Доктор психологических наук

Одним из направлений развития диалога культур является анализ его проблем с позиций современной философии гуманизации образования и ее психолого-педагогического обеспечения. Философия гуманизации образования – новое направление научно-теоретической рефлексии и обоснования инновационной практики образования.

Философия гуманизации образования как область философии аналогична тому, как сформировались философия науки, философия техники, философия искусства, философия управления (менеджмента). Специфика философии образования состоит в изучении аксиологических, методологических, онтологических, этических и праксиологических проблем теории и практики образования.

С точки зрения развиваемой нами философии гуманизации образования [1,5], рефлексивной психологии и педагогики [12-18] в становлении диалога и рефлексии в европейской культуре можно выделить следующие этапы.

На *первом – древнегреческом* – этапе в эпоху античной Греции ситуация развития рефлексии заменялась диалогом, специально организованным Сократом для полиаспектного обсуждения проблем определения философских понятий в процессе дискуссий между ним и его учениками. Сократ инициировал диалог, и в качестве лидера дискуссии привлекал к ней различных его участников, манифестировавших те или иные

взгляды и позиции по обсуждаемой теме. В этом случае имела место «звездчатая» модель диалога, которую строже следовало бы назвать полилогом. Здесь рефлексия осуществлялась как в своей интеллектуальной форме (в виде экспликации оснований определения обсуждаемого понятия или темы, проблемы), так и в межличностной (в виде взаимопонимания между участниками полилога). В дальнейшем в трудах Аристотеля, Платона и др., сократический диалог трансформировался в разнообразные формы античной диалектики (В.Ф.Асмус, А.Ф.Лосев и др.) как способы сопряжения и соотнесения абстрактных понятий и категорий. Здесь рефлексия приобретает форму рационализации и от этико-гносеологического способа онтологизации (у Платона) трансформируется в логико-методологическую (у Аристотеля).

На *втором – древнеримском* – этапе в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха диалог поляризуется и рефлексивируется. Либо Плутарх сначала сталкивает позитивное жизнеописание с негативным для того, чтобы в заключение сопоставить их, сравнив по своим последствиям. Тем самым диалог приобретает временный вектор своего рефлексивного развития и организуется стадийно (что через 2000 лет было эксплицировано Гегелем в христианизации диалектики в виде формулы «тезис-антитезис-синтез»).

На *третьем – раннехристианском* – этапе диалог приобретает антиномическую форму онтологизации биполярного бытия (град Божий – град Земной, мир Горный – мир дольный, этика добра и зла, праведности и греха и т.д.). Напряженность и борьба этих биполярных начал в сознании верующего представлена, например, в «Исповеди» Блаженного Августина. Здесь диалог, хотя и осуществляется во внутреннем плане кающегося и исповедующегося сознания, однако рефлексии подлежат его антагонистические, противоборствующие содержания, но в рамках монистически организованного христианского мирозерцания. При этом диалог стал иерархическим (в отличие от его паритетности в античности), т.к. в религиозном сознании человек как часть (сотворенная Богом) диалогизировал с целым – в виде идеи абсолютного демиурга.

На *четвертом – средневековом* – этапе диалог эксплицируется из внутреннего плана (т.е. сознания верующего) во внешний – в регламентированный диспут диспутанта и оппонента.

Пожалуй, наиболее яркой фиксацией подобного дискурсивного диалога служит описание многолетнего спора Б. Клевровского с П.Абеляром (в его «Истории моих бедствий»). Здесь рефлексия приобретает вид формально-логической аргументаций оспариваемых в многодневных диспутах положений.

На *пятом – ренессансном* – этапе в эпоху Возрождения диалог вновь приобретает форму свободного (в т.ч. частично и от церковных кано-

нов) обсуждения разнообразных (не обязательно полярных) воззрений на рассматриваемый предмет. Социокультурным прототипом подобного многоярусного диалога служит «Божественная комедия» Данте. Здесь рефлексия осуществляется в виде «мысленного путешествия» по сферам бытия, трактуемого с позиций возрождающегося человека. Он чувствует себя потенциально способным к творчеству в силу своего особого статуса в мироздании как сотворенного Богом и подобного ему вследствие свободы воли именно в актах творчества. Возрождение породило богатую палитру форм диалога – от диалогизирующего сознания личности (см. «Гамлет» и «Сонеты» Шекспира) через полилог жизненных ролей, социальных позиций (комедии и трагедии Шекспира) до парадигмально-рационализированных диалогов ученых и философов (наиболее ярко у итальянских неоплатоников и у Галилея.).

На *шестом – рационалистическом* – этапе в период Нового времени диалог вновь поляризуется например, (в трудах Р. Декарта дифференцируется мышление и протяжение, душа и тело и т.д.) и приобретает категориально-антиномичный характер (у Канта). Здесь рефлексия осуществляется в виде априорной взаимопроекции абстрактных диалогизирующих категорий (см. их таблицу у Канта). Однако, у Канта рефлексия имплицирована в основаниях познания. Необходимые же предпосылки для экспликации рефлексии как особого способа познания были разработаны Фихте (в его труде «Факты сознания») и выделены в процедуры мышления Гегелем в качестве средств, обеспечивающих диалектический вывод синтеза и взаимодействия тезиса и антитезиса.

На *седьмом – иррациональном* – этапе в XIX веке диалог вновь редуцируется до внутри личностного спора человека с самим собой (в трудах С. Кьеркегора). Здесь рефлексия приобретает экзистенциальную форму осмысления личности своего бытия в пограничных ситуациях. В дальнейшем экзистенциальная рефлексия от духовно-нравственной проблематики (у Достоевского) переходит к диалогической онтологизации взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого, рационального и иррационального в психике человека (в трудах Э. Фона Гартмана). У Фрейда это приобретает сначала форму диалога неосознанных сексуальных влечений с цензурирующим их и рационализирующим сознанием. Позднее Фрейд (почти неосознанно опираясь на триадический диалогизм Гегеля) вводит третий компонент сложноорганизованного диалога в виде «коллективного бессознательного». Это трансформировалось затем у Юнга в диалог сознания личности с его культурными «архетипами». Здесь рефлексия опять эксплицируется через размыкание психики на переживание, то связанная с природными влечениями (у Фрейда), то с культурными прототипами (у Юнга).

На *восьмом – ориенталистском* – этапе во второй половине XIX – начале XX в., менталитет Запада вступает в диалог с культурой Востока. При этом усиливаются иррационалистические тенденции благодаря «философии жизни» Шопенгауэра и Ницше, теософии Гурджиева, Блаватской и учений Штайнера, Рериха и других мыслителей, стремившихся придать новый животворный импульс дряхлеющему европоцентризму через его диалог с ориенталистикой Индии (Труды Вивекананды, Р.Тагора), Китая и Японии. Здесь рефлексия приобрела межкультурный характер экспликации духовной специфики и одновременных культурных связей Запада и Востока. Позднее в XX веке межкультурная рефлексия была рационализована как в науке (Л. Гумилев), так и в искусстве (Г.Гессе, Н.Гумилев и др.).

Девятый – культурадигмальный – этап характеризуется началом глобального кризиса мировой цивилизации. Он наступает после утраты Европейской цивилизацией своей целостности вследствие первой мировой войны и последующих революций (в России, Германии, Венгрии). В процессе переосмысления путей и судеб Европейской культуры, поиска новых ориентиров развития, переоценки ценностей осуществлялась мировоззренчески-политическая, литературно-художественная и научно-философская рефлексия. В последнем случае имеет место диалог философских культурадигм. (гуманитарной и сциентистской, европоцентристской и традиционалистской и др.) и научных парадигм (аналитической и холистической, атомарной и системной и др.). Наиболее ярким примером диалога культурадигм служит работа О.Шпенглера «Закат Европы», где рефлексирющие стилевые характеристики художественной культуры, символизирующие развитие образа жизни, мировоззрения, философии, науки и искусства европейской цивилизации в ее взаимодействии с другими культурами (прежде всего Древнего Египта и Востока). С другой стороны В. Дильтей, обсуждая диалог наук о природе и о духе в труде «Понимающая психология», культурологически и методологически рефлексзирует взаимодействие естественнонаучного и гуманитарного знания.

В контексте подобной культурадигмальной и парадигмальной рефлексии в первой половине XX в. возникает ряд новых метанаук синтетического типа: тектология (А.А.Богданов), праксиология (Т.Котарбинский), рефлексологии (В.М.Бехтерев), эргонология (В.Н.Мясищев), психотехника (Г.Мюнстерберг), акмеология (Н.А. Рыбников) [16], кибернетика (Н.Винер), экология, геронтология, герменевтика, эвристика, рефлексика и другие.

На *десятом – собственно диалогическом* этапе во второй половине XX в. М.М. Бахтиным осуществлен анализ роли диалога в развитии литературно-художественной культуры (прежде всего на материале

творчества Ф.Рабле и Ф.Достоевского) и отрефлексирован принцип диалогизма в становлении Европейской цивилизации (на материале гуманитарных наук [2]). В дальнейшем последователи М.М.Бахтина, (а также Л.С.Выготского, В.И.Вернадского и др.) проанализировали развитие диалогизма в естественных и общественных науках (В.С.Библер, А.Ф.Ахутин, В.Л.Рабинович и др.). Здесь рефлексировались античные, христианские, ренессансные, рационалистские предпосылки и типы диалога (от Сократа-Платона через Галилея-Канта до Выготского-Бахтина). Это позволило В.С.Библеру [3] разработать философско-педагогическую концепцию о «Школе диалога культур», которая конструктивно реализует философию гуманизации образования, исходя из принципов диалогизма и полифонизма М.М.Бахтина. По-иному эти принципы развивались в оппозиции к официальной советской диалектике на материале содержательно-генетической логики и методологии.

На *одиннадцатом – полилогическом* – этапе во второй половине XX в. диалог трактуется как полилог (в виде созвездия взаимодействующих диалогов), актуализирующий многообразие различных аспектов и точек зрения, личностных и профессиональных позиций. Здесь рефлексировались нормы, основания, средства, способы социального поведения и совместной деятельности в целях кооперации ее участников и организации процесса их эффективного взаимодействия. Конструктивным прецедентом развития теории, методов и практической реализации подобного полилога является работа Московского методологического кружка – 1950-1980 гг. (Н.А.Алексеев, В.А.Костеловский, И.С.Ладенко, В.Н.Садовский, В.С.Швырев, Э.Г.Юдин и др.) во главе с Г.П.Щедровицким [19]. Если у истоков этого кружка стояли философы А.А.Зиновьев, М.К.Мамардашвили, Б.А.Грушин, то психолого-педагогическая реализация его принципов и технологий организации исследовательности реализовывалась В.В.Давыдовым, Н.И.Непомнящей, В.М.Розиным и др. Именно в рамках этого направления рефлексия стала задаваться как средство организации диалога и полилога как при проведении методологических дискуссий и разработок (Г.П.Щедровицкий, В.А.Лефевр), так и психолого-педагогических исследований и технологий формирования рефлексивной исследовательности (Н.Г.Алексеев, В.В.Давыдов, И.Н.Семенов и др.) Это явилось одной из предпосылок формирования психологических механизмов, обеспечивающих гуманизацию образования личности (Н.И.Непомнящая, В.М.Розин, И.Н.Семенов и др.).

На *двенадцатом – собственно рефлексивном* – этапе, в последней трети XX века развитие диалога и полилога опосредовано специально актуализируемой, формируемой и организуемой рефлексией в проблемно-конфликтных ситуациях творческого становления

личности [12]. В результате наших теоретико-экспериментальных исследований [14-17] в 1971-1991 гг. открыт факт неоднородности рефлексии, установлена ее ведущая, системообразующая роль в организации мышления и возникновения инсайта, а также определена ее технология через дифференциацию таких видов рефлексии, как: интеллектуальная, личностная, межличностная, коммуникативная, кооперативная, экзистенциальная, культурная. Разработанные в нашей научной школе [1, 5, 6, 11-18] рефлексивной психологии и педагогики технологии использования каждого из этих видов в качестве средств культивирования индивидуального, диалогического, полилогического мышления, обеспечивают развитие творческого потенциала личности в условиях как индивидуального самосовершенствования, так и тренинговой игрорефлексии. Эти технологии, развивающие мышление и личность учащихся и преподавателей, ученых и менеджеров апробированы в экспериментальном обучении и внедрены в практику школьного, вузовского, дополнительного и непрерывного профессионального образования [12], обеспечивая его гуманизацию на основе принципов и методов рефлексивной психологии и педагогики.

В истории европейской философской, психологической и педагогической мысли от Сократа и Платона через Декарта и Локка, Фихте и Гегеля до В. Джемса и Ж. Пиаже, Л. Выготского и С. Рубинштейна обнаруживается возрастание интереса к изучению роли рефлексии в развитии диалогического мышления. В современной западной науке ведутся разнообразные исследования феноменологии рефлексии (А.Бузман, 1925; А.Марк, 1948) в рамках метакогнитивной психологии (В.Лорнер, 1982, В.Маттеус, 1968) и имеются прецеденты конструктивного применения рефлексивных техник в практике интенсивно-игрового общения (А. Шон, П.Мезиров, 1983). Однако, по оценке В.Маттеуса [7] наиболее разносторонние психологические механизмы рефлексии изучались в советской психологии на основательной философско-методологической базе [8].

Важно отметить, что гуманизация образования посредством диалогической рефлексии и полилогической игрорефлексии осуществляется при подготовке практических психологов и социальных педагогов как на Украине [9, 13] в Запорожском (Р.Н.Васютин, Л.И.Мищик, Ю.А.Ренецкий), Харьковском (С.А.Лактионов) университетах, Винницком педагогическом институте (С.А.Слободянюк) и педагогическом колледже «Артек» (О.А.Доник), так и России [12, 16] в Московском, Новосибирском, Нижегородском, Тамбовском университетах и Бийском педагогическом институте, а также в Германии, в университете г. Бохум (В. Маттеус [7]).

Итак, разработанные психолого-педагогические технологии развития мышления и личности в диалоге и полилоге (в том числе рефлексивном) служат конструктивным методическим инструментарием гуманизации непрерывного общего и профессионального образования.

Литература

1. Алексеев Н.Г., Семенов И.Н. Рефлексивно-методологическая проблематика философии образования // Инновационная деятельность в образовании, 1995. № 2.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979.
3. Библер С. Мышление как творчество (Введение в логику мыслительного диалога). М.: Политиздат, 1975.; Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы / под ред. В.С.Библера. Кемерово, «АЛЕФ», 1993.
4. Виндельбанд В. История философии. Спб., 1908.
5. Кларин М.В., Семенов И.Н. (ред.). Гуманистические тенденции в развитии непрерывного образования взрослых России и США. М.: 1994.
6. Ладенко И.С., Семенов И.Н. и др. Мысли о мыслях. Т. 1, 2. Новосибирск. 1996.
7. Маттеус В. Советская психология мышления /на нем. яз./. Геттинген – Торонто – Цюрих. 1988.
8. Методологические концепции и школы в СССР /1951-1991/. Т. 1, 2, 3 /Отв. ред. И.С.-Ладенко. Новосибирск, 1992-1994.
9. Мищик Л.И. Профессиональная подготовка социальных педагогов (психологический, педагогический, управленческий аспекты). Запорожье. 1996.
10. Палагина И.В., Семенов И.Н. Развитие рефлексивной регуляции диалогического мышления // Рефлексия и творчество. Методические рекомендации / Под ред. И.С.-Ладенко, И.Н.Семенова. Новосибирск, 1990.
11. Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. и др. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. М.: Наука, 1990.
12. Рефлексивно-психологическая концепция и инновационно-комплексные программы по игрорефлексике профессионального образования, социальной защиты и адаптации / Отв. ред. И.Н.Семенов. М., 1996.
13. Рефлексивная психология и педагогика на рынке услуг / Отв. ред. Г.Ф. Похмелкина, И.А. Слободянюк, Винница, 1991.
14. Семенов И.Н. Душа. Индивидуальность. // Большая советская энциклопедия. М., 1972.
15. Семенов И.Н. Психология рефлексии в научном творчестве С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 1989. № 4.
16. Семенов И.Н. Акмеология – новое направление междисциплинарных исследований в человекознании // Общественная наука и современность. 1998. № 3.
17. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивная психология и педагогика. Запорожье, 1992.
18. Степанов С.Ю., Семенов И.Н., От психологии рефлексии к рефлексивной культурадигме в психологии // Рефлексия в науке и обучении. Новосибирск, 1989.
19. Щедровицкий Г.П., Розин В.М., Алексеев Н.Г, Непомнящая Н.И. и др. Педагогика и логика. 2 изд., М., 1993.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

К.К. Богатырёв (США)

Корпорация «Компак»,
старший программист,
кандидат филологических наук

Потенциально важной областью приложения рефлексивной модели В. А. Лефевра является изучение внутреннего мира литературных персонажей. Особую трудность в решении этой задачи представляют проблема субъективности исследователя: разные читатели могут по-разному оценивать одних и тех же героев и, в свою очередь, их точка зрения может отличаться от авторской.

В этой связи особенно интересно открытие, сделанное американским лингвистом Д. Вортом [5] на материале одного из самых сложных для современного читателя произведений древнерусской литературы, «Слова о полку Игореве». Как показал Д. Ворт, автор «Слова» использует стилистический прием, позволяющий создавать этически значимые синтаксические структуры из компонентов, оценочное значение которых достоверно определяется семантическим контекстом. Этими компонентами являются:

(1) значение глагольного сказуемого или подчиненного ему наречия (обстоятельства): движение вверх или высокое расположение означает положительную оценку, а движение вниз или низкое расположение оценивается отрицательно;

(2) значения именных членов предложения – подлежащего и дополнений: положительный оценочный смысл имеют русские персонажи и связанные с ними (непосредственно или метонимически) элементы материального и духовного мира – соколы, деревья, трава, стяги, хвала и т.п., которым противопоставляются половцы и ассоциируемые с ними понятия, а именно: лебеди, Див, серые вороны, хула и так далее.

Заметим, что по мнению Д. Ворта в тексте «Слова» наблюдается строго бинарная («четкая» в терминологии В. А. Лефевра) система

этических оценок: именные формы, обозначающие Игоря, русских князей, дружину и все, что с ними связано, имеют строго положительную оценку, а половцы и все связанное с ними оценивается строго отрицательно. (Этим «Слово о полку Игореве» отличается, скажем, от «Илиады», где, как известно, оценочные характеристики персонажей характеризуются отношением порядка.)

Как показал Д. Ворт, синтаксическая конструкция, состоящая из этически релевантных компонентов, оценивается положительно, если положительное сказуемое сочетается с положительным («русским») именным аргументом, или если отрицательное сказуемое сочетается с отрицательным («половецким») аргументом. Сочетание положительного сказуемого с отрицательным существительным или отрицательного сказуемого с положительным существительным создает отрицательный образ.

Например, образы реющих (+) русских стягов (+) и падающих (–) вражеских голов (–) равно положительны, а зловещий Див (–) *вверху древа* (+) (сочетание «половецкого» именного аргумента с высоким расположением) оценивается отрицательно.

Важное свойство открытого Д. Вортом лингвостилистического приема состоит в устранении риска субъективности, подмены авторской оценки точкой зрения современного исследователя, пытающегося толковать древнерусский текст с расстояния в восемь столетий.

Используя описанную выше оценочную процедуру, Дин Ворт приходит к выводу о том, что, за исключением начала (ностальгические рассуждения о славе былых времен) и краткой заключительной части «Слова» (возвращения Игоря из плена), в тексте «Слова» преобладают отрицательные образы.

Обилие отрицательных образов и событий в тексте, повествующем о военных подвигах, может показаться загадочным и даже парадоксальным. Действительно, предметом повествования является военная катастрофа: автор «Слова» не скрывает ни размаха поражения, ни его трагических последствий, но при этом его отношение к главному герою остается неизменно положительным. Более того, насыщенная отрицательными образами центральная часть повествования: гибель русского войска, сетования автора об усобицах, русские жены, оплакивающие войско Игоря, упреки автора Игорю и Всеволоду, «мутен сон» князя Святослава, и отчасти плач Ярославны, сменяется краткой концовкой, состоящей почти исключительно из положительных образов. Резкая смена настроения не омрачается памятью о провале экспедиции, гибели войска, унижении плена и последовавшими за этим половецкими набегами на Переяславль и Римов. Наконец, в рассказе христианина о походе христианского войска на язычников преобладают языческие образы и

подчеркивается связь персонажей с языческим миром («своеобразный нео-паганизм», по выражению Р.О. Якобсона).

Попытаемся объяснить кажущуюся парадоксальность «Слова», предположив, что основная его тема – не история военного поражения, а внутренний мир главного героя.

Автор «Слова» с самого начала положительно оценивает как самого героя, так и цели похода: Игорь «...искусил ум своею крепостью и отточил сердце мужеством / Исполнившись ратного духа двинул свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую»*. При этом однако, главный герой не в состоянии осознать, что экспедиция обречена на провал: «Сгорал у князя разум в пылком желании, и было ему знамение заслонено страстью отведать Дона Великого». Более того, отправляясь в поход, Игорь игнорирует серию зловещих предзнаменований – образов с ярко выраженным негативным оценочным значением. Иначе говоря, в начале повествования главный герой получает от окружающего мира серию отрицательных импульсов, которые он не в состоянии правильно интерпретировать. В терминах рефлексивной модели В.А. Лефевра состояние главного героя до половецкого пленения – это состояние субъекта, который неосознанно уступает отрицательному давлению внешнего мира, совершая отрицательные с точки зрения морали поступки («не ведает, что творит»). Используя рефлексивный формализм, внутреннее состояние Игоря до поражения и плена можно записать следующим образом:

$$f(x_1, x_2, x_3) = X_1,$$

где $x_1 = 0$, $x_2 = 1$. Заметим, что с точки зрения автора «Слова» переменная $x_3 = 1$, то есть интенция субъекта, положительна, но это никак не отражается на его выборе, поскольку в соответствии с введенной В.А. Лефевром аксиомой,

$$f(0, 1, x_3) = 0$$

при любом x_3 из $[0, 1]$.

Центральная часть «Слова», представляющая по словам Д. Ворта «почти непрекращающийся поток отрицательных образов», сменяется серией положительных образов в его заключительной части, что, очевидно, обозначает резкое изменение во внутреннем состоянии героя. Поскольку личность и интенции героя с точки зрения автора неизменно положительны, то переменна в оценке ситуации возможна лишь за счет переменной x_3 , то есть оценки ситуации субъектом.

В соответствии с рефлексивной моделью, герой, по-прежнему испытывающий отрицательное давление извне (зависть к более удачли-

* Перевод цитат дается по изданию Р.О.Якобсона [1] с незначительными изменениями.

вым князьям, усобицы, унижение плена, глухо упоминаемые в тексте дипломатические маневры половецких князей и т.п.), но при этом меняющий оценку внешнего давления на отрицательную, приобретает свободу выбора:

$$f(0, 0, x_3) \equiv x_3.$$

Иначе говоря, этический парадокс «Слова» состоит в том, что оказавшись в неволе, главный герой обретает внутреннюю свободу.

Заметим также, что сцена бегства из плена, о фактических обстоятельствах которого мало что говорится, описывается как перемена внутреннего состояния героя. Путь к свободе ему указывает Бог, и языческие образы преобладающие в большей части текста сменяются христианскими. Иначе говоря, свобода выбора для автора «Слова» ассоциируется с христианством, а невозможность видеть зло – с язычеством.

Открытый Д. Вормом формальный метод объективного выявления авторской оценки с помощью надежной и воспроизводимой лингвистической процедуры свидетельствует о возможности формального рефлексивного анализа литературных текстов.

Литература

1. Jakobson, R., *La Geste du Prince Igor* (1948). / Roman Jakobson. *Selected Writings*. IV. *Slavic Epic Studies*. Mouton, The Hague – Paris. 1966 P. 106–300.
2. Jakobson, R., *The Puzzle of the Igor' Tale on the 150th Anniversary of its First Edition*. / Roman Jakobson. *Selected Writings*. IV. *Slavic Epic Studies*. Mouton, The Hague – Paris, 1966. P. 380–410.
3. Lefebvre, V., *A Psychological Theory of Bipolarity and Reflexivity*, The Edwin Mellen Press, Lewiston/Queenston/Lampeter, 1992.
4. Лефевр В.А. Космический субъект. М., Ин-квартио, 1996. – 183 с.
5. Worth, D., *Vertical imagery in the "Igor' Tale"* // *Cyrrillomethodianum*. No. 8-9. (1984-1985). P. 29-36.

Симпозиум

Международный симпозиум «Рефлексивное управление» (17-19 октября 2000 г.)

В Москве, в рамках Федеральной программы мероприятий по встрече третьего тысячелетия состоялся международный симпозиум «Рефлексивное управление». При поддержке Администрации Президента Российской Федерации этот симпозиум провели Институт психологии РАН и организация, объединяющая ведущих представителей российского бизнес-сообщества, под названием «Некоммерческое партнерство «Новая инвестиционная доктрина»».

Около 200 участников симпозиума, в основном ученые из России, США, Канады, Украины, Молдавии (впервые собравшиеся в «Президент-отеле» – традиционном месте проведения встреч политиков, финансистов и экономистов) пытались ответить на ряд остро стоящих перед страной и мировым сообществом вопросов.

Сегодня в России на всех этапах власти и в широких слоях общества происходит осознание того, что исчерпан ресурс традиционных социальных технологий. Это осознание характерно не только для России, но и для других стран.

В сентябре 2000 года Генеральный секретарь ООН Кофи Анан представил миру новые идеи развития мирового сообщества, основанные на глобализации подходов в решении задач, стоящих перед человечеством. В развитие этих идей Российская Федерация выступила с рядом инициатив, в частности с предложением разработки «Новой инвестиционной доктрины».

На пути эффективной реализации этих инициатив встают стереотипы, сложив-

шиеся в политике, экономике и других социальных сферах – стереотипы, доставшиеся нам и всему человечеству от времен холодной войны и балансирования на грани развязывания ядерной катастрофы.

Анализ, учет и организация рефлексивных процессов, адекватных задачам социальных преобразований, является стратегическим направлением для преодоления указанных стереотипов, для консолидации субъектов общества, установления взаимопонимания и доверия. Рефлексивный подход является основой для интеграции науки и установления органичных связей науки с решением практических задач.

Проблемы рефлексии всегда занимали важное место в российской культуре. Введенное более 30 лет назад отечественным исследователем Владимиром Лефевром понятие рефлексивного управления и связанное с ним понятие рефлексивной системы оказали существенное влияние на многие естественно-научные и гуманитарные области знаний. Эти идеи были подхвачены и развивались как в российской, так и в американской научной среде. Но использовались и развивались существенно по-разному.

Американские работы в области исследования рефлексивных процессов находились под сильным влиянием биохевиористского прошлого.

В российских работах просматривается интеграция этого направления с субъектным (субъектно-деятельностным) подходом. Российский и американ-

ский подходы в области исследования рефлексивных процессов, существенно различаясь, дополняют друг друга, что отражается на возрастающем взаимном интересе и увеличивающихся научных контактах.

Симпозиум был направлен на усиление ориентации науки на решение актуальных задач социальных преобразований в России, построения гражданского общества, а также задач стабилизации мировых процессов.

В контексте рефлексивных процессов и рефлексивного управления на симпозиуме были затронуты следующие практические вопросы:

1. Почему нельзя решать проблемы экономического реформирования России без учета психологических факторов? Почему американские модели рыночной экономики оказались неадекватными для России?

2. Почему возникают социальные конфликты при внедрении любых инновационных проектов (инвестиционных программ)?

3. Почему не удастся мобилизовать интеллектуальный и духовный потенци-

ал России на решение стратегических проблем развития.

4. Почему новые информационные технологии недостаточно эффективно используются при решении стратегических проблем?

5. Почему в политической сфере широко используются технологии, препятствующие построению гражданского общества в России?

6. Почему государство не умеет гибко взаимодействовать со свободной прессой и религиозными образованиями?

7. Почему Россия часто проигрывает в информационных войнах?

Рефлексивный подход к рассмотрению этих вопросов позволяет предложить новые механизмы их решения – механизмы, способствующие нахождению гармонии в сложных отношениях индивидуальных и групповых субъектов в обществе.

И.Е.Задорожнюк
Психологический журнал

Приглашение

Третий международный междисциплинарный
научно-практический симпозиум

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Москва, 8-10 октября 2001 г.

Институт психологии РАН (лаборатория психологии рефлексивных процессов) приглашает принять участие в Международном симпозиуме "Рефлексивные процессы и управление", проводимом в Москве 8-10 октября 2001 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

1. Рефлексивные процессы и управление (методологические, теоретические и методические аспекты).
2. Рефлексия и деятельность. Рефлексия и творчество.
3. Развитие рефлексивных способностей.
4. Математические модели рефлексивных процессов и рефлексивного управления. Рефлексивные процессы и синергетика. Рефлексивные процессы и искусственный интеллект.
5. Рефлексивные процессы в различных сферах деятельности и управления:
 - социальное проектирование и развитие, управление обществом, политика, экономика;
 - информационные войны, информационная и информационно-психологическая безопасность, массовые коммуникации;
 - информатизация общества, системы поддержки принятия решений, организация и поддержка сообществ в Интернет;
 - культура и образование, религиозная деятельность и межконфессиональные отношения;
 - установление взаимопонимания и доверия между представителями различных народов;
 - прогнозирование и нейтрализация различных типов конфликтов в обществе, миротворческая деятельность и др.
6. Проблемы построения гражданского общества в России (рефлексивные аспекты).
7. Горячие точки и горячие проблемы планеты (рефлексивный анализ).

Планируется проведение секций и круглых столов, темы которых будут уточнены в процессе подготовки к симпозиуму. Планируются презентации (организаций, проектов, изданий, разработок и др.).

В симпозиуме примут участие специалисты из России, Белоруссии, Молдовы, Украины, США, Канады и ряда других стран.

Рабочие языки симпозиума: русский и английский.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Адрес: 129366, Москва, Ярославская 13.
Институт психологии РАН,
Лаборатория психологии рефлексивных процессов,
Лепский В.Е.
Факс: (095) 282-92-01
E-mail: lepsky@online.ru (lepsky@psychol.ras.ru)
<http://www.reflexion.ru>

Оргкомитет

НОВЫЕ КНИГИ

Рефлексивное управление. Сборник статей.
Международный симпозиум. 17-19 октября 2000 г.,
М. / Под ред. В.Е.Лепского М.: Изд-во «Институт
психологии РАН», 2000. 192 с.

В сборнике представлены 20 статей, распределенных по семи разделам.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Лефевр В.А. (СССР). Логика рефлексивных игр и рефлексивное управление

1. РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ (методологические, теоретические и методические аспекты)

Н.Д.Гордеева, В.П.Зинченко (Россия). Рефлексивное управление как условие осуществления движений и построения целесообразного действия

Журавлев Г.Е. (Россия). Рефлексивное управление в парадигме активных систем

Журавлев Г.Е. (Россия). Выявление навыков рефлексивного управления по результатам ММРІ

Лепский В.Е., Степанов А.М. (Россия). Рефлексивное управление в тоталитарных сектах

2. РЕФЛЕКСИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Иванов Ф.Е. (Россия). Рефлексивная культура как основа психологии безопасности профессиональной деятельности

Розин В.М. (Россия). Понятие рефлексии в философии и современной методологии

Солнцева Г.Н. (Россия). Рефлексия и деятельность

3. МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Беляев И.П., Капустян В.М. (Россия). Рефлексивное управление в процессах восприятия произведений искусства

Боршевич В., Лепский В., Олейник В., Тудос В. (Молдова, Россия). Информационно-логические модели рефлексивных систем

Григорьев Э.П. (Россия). Рефлексивный синтез альтернатив в метрике “золотого сечения”

Петровский В.А. (Россия). Алгебра когито в трансценденциях

Таран Т.А. (Украина). Многозначные булевы модели рефлексивного выбора

Lewis Dudley Miller (USA). Reflexive determination of the essential singularity structure of Decision theoretic multi-attribute utility functions

4. РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Норсин Джон (США). Mathematics, BioFusion and Reflexive Control for Sentient Machines

5. РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Бирштейн Б. (Канада), Боршевич В.И (Молдова) Рефлексивные структуры и фондовые рынки

6. РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ

Кононогов С.А., Кудряшов А.С., Кретов В.С., Фролов И.В. (Россия) Практические аспекты использования механизмов рефлексивного управления при создании информационно-аналитических технологий в политологии

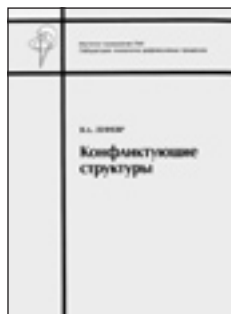
Лепский В.Е. (Россия) Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества

7. ОТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН К УПРАВЛЯЕМОЙ КОНФРОНТАЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ

Ионов М.Д. (Россия) Интеллектуальная поддержка принятия решения в рефлексивном управлении противником

Ионов М.Д. (Россия) Роль мыслительного эксперимента в рефлексивном управлении противником.

Сборник представляет интерес как для исследователей, так и для практиков из широкого круга областей знаний: психологии, социологии, политологии, педагогики, экономики, информатики, искусственного интеллекта и др.

Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. Издание третье. М.: Институт психологии РАН. 2000. 136 с., илл.

Первое издание “Конфликтующих структур” вышло в 1967 году. Вряд ли тогда кто-либо мог предугадать, какое влияние окажет эта книга на мировоззрение конца двадцатого века. Во время ее первого издания в нашей стране всё, связанное с обсуждением человеческого сознания, находилось под идеологическим контролем. Однако автор, используя термин «рефлексия», вывел проблему сознания из-под идеологического

колпака. Сразу же начали появляться работы и целые научные направления, связанные с исследованием рефлексии. Сегодня трудно себе представить, что до появления книги В.Лефевра рефлексия, за пределами профессиональной философии, понималась лишь как досадное качество интеллигента, который много размышляет, но мало действует. Такие общеупотребительные сегодня понятия как способность к рефлексии, реф-

лексивное управление, ранг рефлексии, рефлексивные игры были введены либо в этой книге, либо в работах автора, предшествовавших ей. Важным достижением автора было введение понятия рефлексивной системы. Именно это понятие и теоретические схемы, предложенные автором, позволили представить крупномасштабные социальные явления, такие, как, например, информационная война, в виде взаимодействия макросубъектов, способных многократно отражать друг друга и проводить рефлексивное управление.

Теория В.Лефевра оказала существенное влияние и на зарубежную мысль. Не случайно такие выдающиеся философы, как Карл Поппер и Анатолий Рапопорт, сочли необходимым принять участие в широкой дискуссии вокруг работ В.Лефевра, развернувшейся на Западе. Интересно отметить, что один из самых удачливых биржевых игроков нашего

времени, Джордж Сорос, описывая свою методологию воздействия на мировые фондовые рынки, использовал понятия, по существу, совпадающие с теми, которые были ранее введены В.Лефевром. У этой книги есть еще один аспект – космический. Автор полагает, что рефлексивные системы неслучайны во Вселенной. Еще в 1967 году он видел задачу будущей космологии в том, чтобы «включить биологическую действительность в картину мира как некоторую “норму”, которая в ней естественна и необходима». Эти слова есть одна из первых формулировок знаменитого антропного принципа, без которого немыслима современная космология.

Переиздание данной монографии В.Лефевра связано с подготовкой к Международному симпозиуму «Рефлексивное управление» (Институт психологии РАН, 17-19 октября 2000 г.).

В.Е.Ленский

Институт психологии РАН

Б.Бирштейн. Россия великих потрясений. Драмы новейшей истории. Кишинев. Концерн «Пресса», 2000. 255 с.

Эта книга – попытка проанализировать, что произошло в России за последние 10-15 лет. Автор известен во многих странах мира как крупный бизнесмен, талантливый менеджер, экономический советник президентов нескольких стран СНГ.

Однако далеко не все знают, что Борис Бирштейн еще и ученый с мировым именем. Профессор, доктор экономики и

философии, он написал ряд монографий и публицистических книг, в которых делится своим опытом в области разработки технологий экономических реформ для стран, где процесс перехода от обществственной к частной собственности протекает болезненно и длительно. Его статьи о теневой экономике и о том, как заставить ее работать на государство, заинтересовали экономистов-практиков и

ученых во многих странах. Общественное признание получила деятельность Бирштейна по урегулированию сложных социальных конфликтов, в частности благодаря его усилиям был положен конец военному конфликту в Предместровье – регионе независимой Молдовы, одной из республик стран Содружества на территории бывшего Союза.

Автор ставит сложнейшую задачу – осмыслить экономический, политический, социальный, психологический опыт так называемой перестройки и постперестроечного периода, стремится помочь странам, занимающим огромную территорию, населенным сотнями миллионов людей, влияющим на расстановку сил в мировом экономическом и политическом пространстве, построить такое общество, которое бы не только перестало быть потенциальным очагом социальных и политических катастроф в мире, но внесло бы свою лепту в построение общего планетарного дома. И в особенности это касается России – гаранта, без которого трудно представить себе международную экономику и политику Старого и Нового Света.

Бирштейну удалось внести существенный вклад в решение поставленной задачи. Успех связан как с постановкой «тонких» вопросов, за решение которые не берутся аналитики высоких рангов, так и с использованием для получения ответов методов рефлексивного анализа, с фиксацией рефлексивных процессов при принятии стратегических решений, с выявлением доминирующих структур сознания политических лидеров. При объяснении произошедших событий и выдвижении прогнозных гипотез автор гармонично сочетает объективные тенденции развития и субъективный вклад персонажей мировой политической и экономической арены.

Важнейшие вопросы, поставленные в данной работе:

- Каким образом несколько тысяч человек, как бы они себя ни называли, демократами или как-то иначе, смогли сдвинуть с места гигантскую империю СССР и перевести ее движение на совсем другую орбиту?
- Как создавались кумиры и каковы технологии их разрушения?
- Какие силы смогли изменить ментальность граждан государства, которое казалась монолитом?
- Как рождались программы экономического преобразования, в корне противоречащие специфике России?
- Перестройка без руля и ветрил – это ошибка или предательство?
- Пирровы победы независимости – историческая предопределенность или стратегия заинтересованных?
- Упущенные возможности – обратим ли процесс?
- Коррупция, воровство, теневая экономика – три источника и три составяющие части «российского капитализма»?
- Следствия социально-экономической генетики бывшей империи или новообразования неудавшейся реформы?
- Скандалы в «благородном семействе»: безнравственность или новые технологии завоевания политико-экономического пространства?
- Россия на пороге третьего тысячелетия: выберет ли она наконец-то лидера государственного созидания или, опять упустив шанс, продолжит идти по дороге нереализованных возможностей?

Борису Бирштейну удалось ответить, или по крайней мере приблизиться к ответу на многие из поставленных вопросов. Причем важно отметить, что это сделано с пониманием специфики России и большой любовью к ней.

И.Е.Задорожнюк
Психологический журнал

ПРЕЗЕНТАЦИИ

Междисциплинарный научно-практический семинар «РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ»

Начал работу новый ежемесячный семинар.

Организатор: Лаборатория психологии рефлексивных процессов Института психологии РАН.

Руководитель семинара: Лепский Владимир Евгеньевич.

Форма работы семинара: выступления докладчиков и дискуссии, круглые столы, коллективные проектные работы и др.

Места проведения заседаний: на базе организатора и выездные заседания.

Первое заседание семинара состоялось 5 марта 2001 г. в форме «круглого стола» на тему: **«Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России»**.

Выступили: Анисимов О.С., Беляев И.П., Брушлинский А.В., Григорьев Э.П., Зенкин А.А., Лепский В.Е., Максимов В.И., Панов В.И., Петровский В.А., Розин В.М., Смолян Г.П., Степанов А.М. и др. Более 80 участников. Материалы заседания напечатаны в данном номере журнала.

Второе заседание семинара, выездное (в Институте проблем управления РАН), состоялось 23 апреля 2001 г. на тему: **«Рефлексивные процессы в системах поддержки управленческой деятельности»**.

Выступили: Прангишвили И.В. (Институт проблем управления РАН). *Рефлексия в управлении.*

Брушлинский А.В. (Институт психологии РАН). *Существует ли ситуация выбора?*

Лепский В.Е. (Институт психологии РАН). *Субъектно-ориентированная концепция организации систем поддержки управленческой деятельности.*

Шубин А.Н. (Институт проблем управления РАН). *Информационное управление и рефлексивные процессы.*

Максимов В.И. (Институт проблем управления РАН). *Модели принятия решений в рефлексивных процессах: проблемы, парадоксы, перспективы.*

Малинецкий Г.Г. (Институт прикладной математики РАН). *Русло и джокеры в контексте рефлексивного управления.*

Григорьев Э.П. (Российская академия госслужбы при Президенте РФ). *Рефлексивный синтез альтернатив в системе принятия решений.*

Фролов И.В. (НИЦИ при МИД России). *Информационно-аналитический программный комплекс «Дипломат»: рефлексивные аспекты.*

Фролов Ю.В. (Московский государственный педагогический университет). *Стимулирование рефлексивных процессов в условиях использования интеллектуальных систем.*

Абрамова Н.А. (Институт проблем управления РАН). *Люди и компьютеры в зеркалах взаимных отражений: аспекты принятия решений.*

Около 100 участников. На основе выступления готовятся статьи в следующие номера журнала.

Третье заседание семинара состоялось 28 мая 2001 г. в форме «круглого стола» на тему: **«Наука и практика стратегического управления в России: рефлексивные аспекты»**

Вступительное слово: Лепский В.Е. «Проблема становления стратегических субъектов – ключевая проблема развития России».

Выступили: Анисимов О.С. (Российская академия государственной службы при Президенте РФ), Абаев Л.Ч. (Российский институт стратегических исследований), Даниленко И.С. (Академия Генштаба Министерства обороны РФ), Дудченко В.С. (Национальная гильдия профессиональных консультантов) и другие.

Более 70 участников. Материалы будут опубликованы в журнале.

*А.Г. Пануто
Институт психологии РАН*

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Все материалы от авторов принимаются только в электронном виде по E-mail или на дискете. Объем статьи до 12 страниц (редактор Word, шрифт Times New Roman, размер 12, через 1,5 интервала, рисунки отдельными файлами). Литература дается в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. К статье прилагается аннотация объемом 150-200 слов, отражающая следующие аспекты:

- какая проблема (задача) сформулирована в статье;
- существующие подходы к её решению (может и не быть);
- новизна подхода автора;
- полученные результаты.

К статье прилагается также краткая информация об авторе, фотография автора (файл в формате JPG), адреса, телефон, факс, E-mail (E-mail обязателен).

Контакты с авторами в процессе доработки статьи производятся преимущественно по E-mail.

Преимущество отдается статьям, в которых получены новые результаты.

ПРИБРЕТЕНИЕ ЖУРНАЛА

Оперативная информация об условиях приобретения журнала представлена в Интернете по адресу

www.reflexion.ru

За дополнительной информацией следует обращаться в редакцию журнала.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

№ 1 июль—декабрь 2001. Том I

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Лицензия ЛР № 021044 от 25.03.1996

Подписано в печать 01.09.2001
Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 8,5
Тираж 1500 экз. Зак. №